

Анализ и прогноз

Журнал ИМЭМО РАН

Analysis and Forecasting

IMEMO Journal

2023'2

Научный сетевой журнал
“Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН / Analysis and Forecasting. IMEMO Journal”
издается с 2019 г., выходит 4 раза в год, языки журнала – русский и английский.
Все выпуски журнала находятся в открытом доступе.

Свидетельство о регистрации журнала Эл № ФС 77–76743 выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
16 сентября 2019 г.

Учредитель и издатель

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
“Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений имени
Е.М. Примакова Российской академии наук” (ИМЭМО РАН).

Главный редактор:

И.Л. Прохоренко

Редакция:

А.А. Алешин, А.В. Короткова (ответственный секретарь), Е.И. Матюхова,
М.И. Строкова, М.А. Шпак

Журнальная верстка:

ООО “Верди”

Верстка web-страниц:

Е.А. Клюева, А.А. Попонин

Дизайн обложки:

С.В. Сафонов

Контакты редакции:

117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., д. 23
Тел.: +7 (499) 128-8560; +7 (499) 128-1748
e-mail: afjournal@imemo.ru

Официальный сайт журнала:

<https://afjournal.ru>

The scientific electronic journal
“Analysis and Forecasting. IMEMO Journal”
is published from 2019, 4 times a year in Russian and English.
All the issues of the journal are available online with open access.

The Registration Certificate of the journal, EL № FC 77–76743 was issued by the Federal Communications, Information Technology and Mass Media Regulatory Authority on 16 September 2019.

Founder and Publisher

Federal State Budgetary Institution of Science
“Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)”

Editor-in-Chief:

Irina Prokhorenko

Editorial Staff:

Alexander Aleshin, Alla Korotkova (Executive Secretary), Elizaveta Matyukhova,
Marina Strokova, Maria Shpack

Layout and Design:

Ltd Verdi

Website Design:

Evgenia Kliueva, Alexey Poponin

Cover design:

Sergey Safonov

Contacts:

Russian Federation, Moscow, 117997, 23, Profsoyuznaya Str.
Tel.: +7(499)128-8560; +7(499)128-1748
e-mail: afjournal@imemo.ru

Website:

<https://afjournal.ru>

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Войтоловский Ф.Г., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор ИМЭМО РАН

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Арбатова Н.К., д.полит.н., заведующий отделом европейских политических исследований ИМЭМО РАН

Афонцев С.А., д.э.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, заведующий отделом экономической теории, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Варнавский В.Г., д.э.н., профессор, заведующий сектором проблем структурной политики и конкурентоспособности Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН

Журавлева В.Ю., к.полит.н., руководитель Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН

Звягельская И.Д., д.и.н., профессор, заведующий Лабораторией “Центр ближневосточных исследований” ИМЭМО РАН

Жуков С.В., д.э.н., руководитель Центра энергетических исследований, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Кобринская И.Я., к.и.н., руководитель Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН

Ломанов А.В., д.и.н., профессор РАН, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Мирошниченко И.В., д.полит.н., доцент, заведующий кафедрой государственной политики и государственного управления факультета управления и психологии Кубанского государственного университета

Прохоренко И.Л., д.полит.н., заведующий сектором международных организаций и глобального политического регулирования отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН

Рябов А.В., к.и.н., доцент, заведующий научно-издательским отделом ИМЭМО РАН, главный редактор журнала “Мировая экономика и международные отношения”

Семененко И.С., д.полит.н., член-корреспондент РАН, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН

Соловьев Э.Г., к.полит.н., руководитель Центра постсоветских исследований, заведующий сектором теории политики ИМЭМО РАН

Федоровский А.Н., д.э.н., руководитель Группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

Фитуни Л.Л., д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, заместитель директора по научной работе Института Африки РАН

Харитоновна Е.М., к.полит.н., старший научный сотрудник сектора исследований Европейского союза Центра европейских исследований

Цапенко И.П., д.э.н., заведующий сектором социально-экономического развития и миграционных процессов отдела комплексных социально-экономических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН

Шаклеина Т.А., д.полит.н., профессор, заведующий кафедрой прикладного анализа международных проблем факультета международных отношений МГИМО МИД России

CHAIRMAN:

Feodor Voitolovsky, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the RAS, Director of IMEMO

MEMBERS:

Nadezhda Arbatova, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Department of European Political Studies, IMEMO

Sergey Afontsev, Doct. Sci. (Econ.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the RAS, Head of the Department of Economic Theory, Deputy Director, IMEMO

Vladimir Varnavskii, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Sector of Structural Policy and Competitiveness, Center of Industrial and Investment Studies, IMEMO

Viktoriya Zhuravleva, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of North American Studies, IMEMO

Irina Zvyagelskaya, Doct. Sci. (Hist.), Head of the Center of the Middle East Studies, IMEMO

Stanislav Zhukov, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Center of Energy Research, Deputy Director, IMEMO

Irina Kobrinskaya, Cand. Sci. (Hist.), Head of the Center of Situational Analysis, IMEMO

Alexander Lomanov, Doct. Sci. (Hist.), Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Deputy Director, IMEMO

Inna Miroshnichenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Irina Prokhorenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Sector of International Organizations and Global Political Governance, Department of International Political Problems, IMEMO

Andrey Ryabov, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Head of the Scientific and Publishing Department, IMEMO, Editor-in-Chief of the Journal "The World Economy and International Relations" of the Russian Academy of Sciences

Irina Semenenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Center of Comparative Socio-Economic and Political Studies, Deputy Director, IMEMO

Eduard Solovyev, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of post-Soviet Studies, Head of the Sector for Political Theory, IMEMO

Alexander Fedorovskiy, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Group of the Asia-Pacific Region Problems, Center of Asia Pacific Studies, IMEMO

Leonid Fituni, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Centre of Global and Strategic Studies, Deputy Director of the Institute for African Studies, RAS

Elena Kharitonova, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Researcher, Sector of the EU Studies, Center for European Studies, IMEMO

Irina Tsapenko, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Sector of Social and Economic Development and Migration Processes Studies, Department of Complex Socio-Economic Research, IMEMO

Tatiana Shakleina, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Head of the Department of Applied International Analysis, School of International Relations, MGIMO

Арбатов А.Г., д.и.н., академик РАН, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН (Россия)

Барановский В.Г., д.и.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН (Россия)

Громыко А.А., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН (Россия)

Дынкин А.А., д.э.н., профессор, академик РАН, президент ИМЭМО РАН (Россия)

Иванова Н.И., д.э.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН (Россия)

Королев И.С., д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, советник РАН (Россия)

Михеев В.В., д.э.н., академик РАН, руководитель научного направления Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН (Россия)

Наумкин В.В., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

Рогов С.М., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия)

Сюэтуン Янь, Ph.D (Polit. Sci.), директор Института международных отношений Университета Цинхуа (Китай)

Alexey Arbatov, Doct. Sci. (Hist.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center of International Security, IMEMO (Russia)

Vladimir Baranovsky, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Situational Analysis, IMEMO (Russia)

Alexey Gromyko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the RAS, Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of the Institute of Europe, RAS (Russia)

Alexander Dynkin, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, President of IMEMO (Russia)

Natalya Ivanova, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Department of Science and Innovation, IMEMO (Russia)

Ivan Korolev, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Counselor of RAS (Russia)

Vasily Mikheev, Doct. Sci. (Econ.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Asia Pacific Studies, IMEMO (Russia)

Vitaly Naumkin, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of Oriental Studies, RAS (Russia)

Sergey Rogov, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of the U.S. and Canadian Studies, RAS (ISCRAN) (Russia)

Yan Xuetong, Ph.D. (Polit. Sci.), Dean of the Institute of International Relations, Qinghua University (China)

К ЧИТАТЕЛЯМ

Представляем номер 10

ПРОГНОЗНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Трансформация цепей поставок в ситуации глобального кризиса
Бродецкий Г.Л., Герامي В.Д., Гусев Д.А., Колик А.В. 14

**Место климатической безопасности в стратегическом планировании:
 кейс России и Норвегии**
Шуранова А.А., Чистиков М.Н. 24

ТРЕНДЫ И РИСКИ РАЗВИТИЯ

Экспансия Китая в Узбекистан: экономический аспект
Рогожин А.А. 43

ГЛОБАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

**Политическая экспертиза украинского кризиса Немецким институтом
 международных отношений и безопасности:
 новые выводы о германской стратегической культуре**
Гласер М.А., Поляченков А.В. 57

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ

**Изменения в политическом ландшафте Германии после начала боевых действий
 на Украине: вызовы для России**
Хорольская М.В. 73

Разделенные общества: экологическое измерение
Хайнацкая Т.И. 84

FROM THE EDITORS

Presenting the Issue 10

FORECASTING STUDIES

Supply Chain Transformation amid a Global Crisis
Brodetskiy G.L., Gerami V.D., Gusev D.A., Kolik A.V. 14

**Climate Security in States' Strategic Planning:
the Case of Russia and Norway**
Shuranova A.A., Chistikov M.N. 24

DEVELOPMENT TRENDS AND RISKS

China's Expansion into Uzbekistan: the Economic Aspect
Rogozhin A.A. 43

GLOBAL AND REGIONAL SECURITY

**Political Expertise of the Ukrainian Crisis by the German Institute for International and
Security Affairs:
New Conclusions about German Strategic Culture**
Glaser M.A., Polyachenkov A.V. 57

DYNAMICS OF SOCIAL AND POLITICAL SPACES

**Changes in the German Political Landscape after the Outbreak of the Conflict in
Ukraine: Challenges for Russia**
Khorolskaya M.V. 73

Divided Societies: the Ecological Dimension
Khaynatskaya T.I. 84

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Дорогие читатели!

Представляем вашему вниманию второй в 2023 г. выпуск нашего журнала. В этом выпуске четыре рубрики – **“Прогнозные исследования”, “Тренды и риски развития”, “Глобальная и региональная безопасность”, “Динамика социальных и политических пространств”**. В фокусе внимания авторов – трансформации международных цепей поставок в глобальной кризисной ситуации вследствие глобальных потрясений последних полутора десятилетий: финансово-экономического кризиса 2008 г., пандемии COVID-19 и санкций против Российской Федерации; стратегии действий по борьбе с изменением климата государств – традиционных экспортеров ископаемых энергоносителей (на примере России и Норвегии); влияние аналитических центров на формирование национальной стратегической культуры (на примере Германии и Немецкого института международных отношений и безопасности); внешнеторговая и инвестиционная активность Китая на высококонкурентном рынке Узбекистана; перемены в общественных настроениях и новая расстановка политических сил в Германии после начала российской специальной военной операции на Украине; анализ последствий экологического кризиса и “зеленой” политики сквозь призму социально-политических размежеваний в обществе.

Раздел **“Прогнозные исследования”** представлен исследованиями наших коллег из Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”.

Авторы первой статьи **“Трансформация цепей поставок в ситуации глобального кризиса”** – Геннадий Леонидович Бродецкий, доктор технических наук, профессор, ординарный профессор департамента операционного менеджмента и логистики Высшей школы бизнеса; Виктория Дарабовна Герами, доктор технических наук, профессор, профессор департамента операционного менеджмента и логистики Высшей школы бизнеса; Денис Александрович Гусев, кандидат экономических наук, доцент департамента операционного менеджмента и логистики Высшей школы бизнеса; Александр Вениаминович Колик, кандидат технических наук, доцент, профессор департамента операционного менеджмента и логистики Высшей школы бизнеса.

Авторы изучили процесс трансформации международных цепей поставок в глобальной кризисной ситуации, вызванной наложением трех мощных негативных факторов вследствие глобальных потрясений последних полутора десятилетий: последствий финансово-экономического кризиса 2008 г., пандемии COVID-19, экономических и финансовых санкций и ограничительных мер против Российской Федерации. Дестабилизирующее влияние кризиса в первую очередь сказалось на функционировании системы глобальных цепей поставок, одной из основных составляющих мировой экономики. Фактически нормальное функционирование цепей поставок нарушается или становится практически невозможным из-за сбоев в транспортно-товарных потоках, отказов в обслуживании, непрогнозируемых задержек, значительных колебаний цен на товары и услуги и т.д. Критерии и базовые принципы управления цепями поставок, сложившиеся за десятилетия относительно стабильного развития, оказываются неэффективными либо вовсе неприменимыми. Авторы обобщили результаты исследований отечественных и зарубежных авторов, посвященных проблематике повышения стабильности цепей поставок в условиях “новой нормальности”. Сделанные по итогам этих исследований теоретические и прикладные выводы и рекомендации авторы сопоставили с результатами обследования 240 российских компаний, которые являются участниками международных цепей поставок и обеспечивают импорт товаров в Россию. Были выявлены как негативные факторы, влияющие на цепи поставок, так и наиболее значимые перспективные направления деятельности российского бизнеса по реконфигурации импортных цепей

поставок в кризисных условиях. На основе имеющихся теоретических и эмпирических данных авторы делают предположение о новых характеристиках международных цепей поставок, которые они приобретут в обозримом будущем, как с точки зрения общей идеологии управления и функционирования, так и с точки зрения оперативных решений.

Статья “Место климатической безопасности в стратегическом планировании: кейс России и Норвегии” подготовлена Анной Артёмовной Шурановой, стажером-исследователем Научно-учебной лаборатории экономики изменения климата факультета мировой экономики и мировой политики, и Матвеем Николаевичем Чистиковым, стажером-исследователем Центра комплексных европейских и международных исследований факультета мировой экономики и мировой политики “Высшей школы экономики”. Начинаящие, но, очевидно, перспективные исследователи обратились к интересной в научном плане и исключительно важной с точки зрения практической значимости теме – стратегии действий по борьбе с изменением климата государств – традиционных экспортеров ископаемых энергоносителей. В научной литературе такие государства рассматриваются преимущественно как носители “негативной экологической силы”, поскольку считается, что они проводят менее амбициозную климатическую политику, нежели энергодефицитные государства. Авторам удалось опровергнуть это распространенное мнение, изучая кейс России и Норвегии. Цель исследования состояла в проверке гипотезы о том, что ключевым фактором, предопределяющим уровень амбициозности климатической политики государств, является степень секьюритизации климатических изменений и место климата в иерархии угроз системе национальной безопасности. На основании количественного контент-анализа 726 стратегических, доктринальных и концептуальных документов и планов на предмет слов, связанных с безопасностью, было установлено, что иерархия угроз в стратегическом планировании обоих государств совпадает во всем, кроме климатической сферы, которая в Норвегии более секьюритизирована, чем внешняя политика, в отличие от России. В Норвегии также оказались более секьюритизированными все исследованные сферы за исключением военной, права, государственного управления и внешней политики. Была выявлена динамика секьюритизации климатических изменений в доктринальных документах обоих государств, которая продемонстрировала, что наименьший уровень секьюритизации во многом совпадал с международно-политическими и иными кризисами и поворотными моментами, а рост секьюритизации наблюдался на фоне значимых подъемов в мировой климатической повестке. Авторы пришли к выводу, что уровень амбициозности климатической политики определяется в первую очередь субъективной оценкой связанных с климатическими изменениями вызовов и угроз для национальной безопасности государства. На эту оценку напрямую влияют объективные факторы, которые и определяют приоритетность климатических проблем в иерархии угроз системы национальной безопасности. В кейсе России и Норвегии наиболее значимую роль играют различия в положении стран в структуре международных отношений.

В рубрике “Тренды и риски развития” статья “Экспансия Китая в Узбекистан: экономический аспект” Александра Александровича Рогожина, кандидата экономических наук, руководителя группы экономических проблем Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН. Анализ экономической экспансии КНР в Узбекистан важен с точки зрения экономических интересов России: Китай является ее главным конкурентом на растущем и все более емком узбекском рынке. Автор поставил своими задачами выявить ключевые факторы и статистические параметры, характеризующие деятельность КНР на данном направлении, определить ее основные цели и векторы, дать анализ позиций Китая в экономике Узбекистана и прежде всего во внешнеэкономической сфере.

На основании статистических данных автор установил, что торговые операции Узбекистана с КНР в последние два десятилетия характеризовались постоянно нарастающим отрицательно сальдо, что неблагоприятно сказывалось на узбекской экономике. Инвестиционное сотрудничество между странами складывалось более удачно, однако объем прямых китайских инвестиций пока достаточно скромнен. Мониторинг участия китайских компаний в экономике Узбекистана выявил, что наибольший интерес у китайских инвесторов вызывают вложения в предприятия нефтегазовой, химической,

текстильной, электроэнергетической, цементной, угольной отраслей, а также в сельское и водное хозяйство, логистику. Установлено, что инвестиционный климат в Узбекистане вполне благоприятен для компаний из КНР, и они успешно противостоят главным конкурентам из России, Турции, Германии, Южной Кореи, Саудовской Аравии.

Рубрика **“Глобальная и региональная безопасность”** представлена статьей **“Политическая экспертиза украинского кризиса Немецким институтом международных отношений и безопасности: новые выводы о германской стратегической культуре”**. Ее авторы – Марина Алексеевна Гласер, доктор философских наук, профессор факультета мировой экономики и мировой политики департамента международных отношений Национального исследовательского университета **“Высшая школа экономики”**, и Антон Вадимович Поляченков, стажер этого же факультета.

Авторы обнаружили, что ключевая задача экспертов Немецкого института международных отношений и безопасности – продвижение идеи о необходимости трансформации прежних принципов стратегической культуры для соответствия политики ФРГ новым мировым реалиям и успешного взаимодействия страны с другими государствами в военно-политической сфере. Подобную идею сотрудники этого главного аналитического центра страны продвигают и в рамках экспертного сопровождения деятельности немецкого правительства, однако также их основной задачей видится взаимодействие с обществом. Авторы рассмотрели основные принципы и параметры стратегической культуры Германии, учитывая, что из-за наследия прошлого ФРГ продолжает избегать активного вовлечения в урегулирование военных конфликтов, а национальные интересы в сфере безопасности формулируются в тесном взаимодействии с союзниками по НАТО и государствами – членами Европейского союза. В этой связи задачу восстановления обороноспособности страны и превращения бундесвера в эффективную современную армию эксперты аналитического центра интерпретируют не как процесс милитаризации, а как необходимость перехода от государственного пацифизма к идеологемам справедливой войны. Избегая прямой критики сложившейся стратегической культуры, эксперты концентрируются на частных случаях и призывают Германию к более активным действиям на конкретных внешнеполитических направлениях (африканские страны, Украина), развивают дискурс о военной силе как важном факторе в мировой политике и возможности ее эффективного применения Германией.

Рубрику **“Динамика социальных и политических пространств”** открывает статья **“Изменения в политическом ландшафте Германии после начала боевых действий на Украине: вызовы для России”** Марии Витальевны Хорольской, кандидата политических наук, научного сотрудника сектора политических проблем европейской интеграции отдела европейских политических исследований ИМЭМО РАН.

Автор изучает перемены в общественных настроениях и новую расстановку политических сил в Германии после начала российской специальной военной операции на Украине. На основании данных опросов общественного мнения были выявлены слом старых установок и раскол по важнейшим вопросам, визуализированы колебания рейтинга коалиционного правительства и оппозиционных партий. Поддержка избирателей снизилась у правящих Социал-демократической партии Германии и Свободной демократической партии, а также оппозиционной Левой партии, но выросла у оппозиционных Христианско-демократического союза / Христианско-социального союза, **“Альтернативы для Германии”** и правительственной партии **“Союза 90 / Зеленые”**. Сопоставление данных опросов с различными материалами политических партий позволило выявить причины укрепления или ослабления различных политических сил. Автор делает вывод о влиянии изменений в партийно-политическом раскладе на отношения ФРГ и Российской Федерации. Проблемой для России является единство большинства партий в осуждении российской внешней политики. В большей мере настроенные на диалог АдГ и часть Левой партии не имеют шансов войти в земельные и федеральное правительства, а взаимодействие с правопопулистской **“Альтернативой для Германии”** к тому же может дискредитировать Россию.

Вторая статья рубрики – “Разделенные общества: экологическое измерение”. Ее автор – Хайнацкая Татьяна Игоревна, младший научный сотрудник Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН. В фокусе внимания автора – новая проблема и предметное поле политической науки, а именно: анализ последствий экологического кризиса и “зеленой” политики сквозь призму социально-политических размежеваний в обществе. Автор изучает противоречия, которые возникают из-за несовпадения интересов и приоритетов различных заинтересованных сторон в сфере экологической политики, а значит, влияют на результаты проводимых преобразований и способствуют поляризации общества.

Автор пришла к выводу, что социально-политические размежевания, вызванные экологической политикой ЕС, проявляются в таких формах, как мировоззренческие конфликты, разногласия по поводу приоритетности экологических проблем и напряженность между различными уровнями экоуправления. Остро обозначилась дихотомия “справедливость–несправедливость” как в международном измерении, так и в рамках государств. Эти противоречия характеризуют разрыв между национальными интересами и наднациональными экологическими целями и фактически затрудняют разработку эффективной практической политики. Основные разделения проходят по географическим, возрастным, гендерным и ценностным осям. В то же время наличие определенных конфигураций размежеваний способствует поддержанию баланса в экологической повестке и маневрированию между крайностями – полной и резкой “зеленой” трансформацией с непредсказуемыми последствиями для социального и экономического развития и бездействием с предсказуемыми негативными последствиями. Оценка конфликтного и консолидирующего потенциалов экологических размежеваний и их соотношений имеет важное значение для понимания возможностей и ограничений в реализации “зеленого курса” Евросоюза.

*Прохоренко И.Л.
главный редактор журнала*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕПЕЙ ПОСТАВОК В СИТУАЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

© БРОДЕЦКИЙ Г.Л., ГЕРАМИ В.Д., ГУСЕВ Д.А., КОЛИК А.В., 2023

БРОДЕЦКИЙ Геннадий Леонидович, доктор технических наук, профессор, ординарный профессор департамента операционного менеджмента и логистики Высшей школы бизнеса.

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", РФ, 119049 Москва, ул. Шаболовка, 28/11 (gbrodetskiy@hse.ru), ORCID: 0000-0002-3483-1078

ГЕРАМИ Виктория Дарабовна, доктор технических наук, профессор, профессор департамента операционного менеджмента и логистики Высшей школы бизнеса.

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", РФ, 119049 Москва, ул. Шаболовка, 28/11 (vgerami@hse.ru), ORCID: 0000-0002-2714-3082

ГУСЕВ Денис Александрович, кандидат экономических наук, доцент департамента операционного менеджмента и логистики Высшей школы бизнеса.

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", РФ, 119049 Москва, ул. Шаболовка, 28/11 (dgussev@hse.ru), ORCID: 0000-0002-2173-1270

КОЛИК Александр Вениаминович, кандидат технических наук, доцент, профессор департамента операционного менеджмента и логистики Высшей школы бизнеса.

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", РФ, 119049 Москва, ул. Шаболовка, 28/11 (akolik@hse.ru), ORCID: 0000-0003-3322-2462

Бродецкий Г.Л., Герами В.Д., Гусев Д.А., Колик А.В. Трансформация цепей поставок в ситуации глобального кризиса. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2023, № 2, сс. 14-23. DOI: 10.20542/afij-2023-2-14-23

DOI: 10.20542/afij-2023-2-14-23

EDN: PDIUYX

УДК: 339

Поступила в редакцию 10.04.2023.

После доработки 12.05.2023.

Принята к публикации 22.08.2023.

В статье анализируется процесс трансформации международных цепей поставок в глобальной кризисной ситуации, вызванной наложением трех мощных негативных факторов: последствий финансово-экономического кризиса 2008 г., пандемии COVID-19 и экономических санкций против Российской Федерации. Авторы указывают, что дестабилизирующее влияние кризиса в первую очередь сказалось на функционировании системы глобальных цепей поставок, одной из основных составляющих мировой экономики. В современных условиях нормальное функционирование цепей поставок нарушается или становится практически невозможным из-за сбоев в транспортно-товарных потоках, отказов в обслуживании, непрогнозируемых задержек, значительных колебаний цен на товары и услуги и т.д. Критерии и базовые принципы управления цепями поставок, сложившиеся за десятилетия относительно стабильного развития, оказываются неэффективными либо вовсе неприменимыми. В статье обобщены результаты исследований, проведенных отечественными и зарубежными авторами и посвященных повышению стабильности цепей поставок в новых условиях. Теоретические рекомендации сопоставлены с результатами обследования 240 российских компаний, являющихся участниками международных цепей поставок и обеспечивающих импорт товаров в Россию. Выявлены как негативные факторы, влияющие на цепи поставок, так и наиболее значимые направления деятельности российского бизнеса по реконфигурации

импортных цепей поставок в кризисных условиях. На основе имеющихся теоретических и эмпирических данных авторы делают предположение о новых характеристиках международных цепей поставок, которые они приобретут в обозримом будущем, как с точки зрения общей идеологии управления и функционирования, так и с точки зрения оперативных решений.

Ключевые слова: мировая экономика, экономическая глобализация, деглобализация, цепи поставок, глобальный кризис, реконфигурация цепей поставок, стабильность цепей поставок, управление цепями поставок, новые характеристики международных цепей поставок, экономика Российской Федерации.

Вклад авторов: авторы внесли равный вклад в исследование.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

SUPPLY CHAIN TRANSFORMATION AMID A GLOBAL CRISIS

Received 10.04.2023. Revised 12.05.2023. Accepted 22.08.2023.

Gennadiy L. BRODETSKIY (gbrodetskiy@hse.ru), ORCID: 0000-0002-3483-1078,
National Research University 'Higher School of Economics', 28/11, Shabolovka Str., Moscow
119049, Russian Federation.

Victoria D. GERAMI (vgerami@hse.ru), ORCID: 0000-0002-2714-3082,
National Research University 'Higher School of Economics', 28/11, Shabolovka Str., Moscow
119049, Russian Federation.

Denis A. GUSEV (dgusev@hse.ru), ORCID: 0000-0002-2173-1270,
National Research University 'Higher School of Economics', 28/11, Shabolovka Str., Moscow
119049, Russian Federation.

Alexander V. KOLIK (akolik@hse.ru), ORCID: 0000-0003-3322-2462,
National Research University 'Higher School of Economics', 28/11, Shabolovka Str., Moscow
119049, Russian Federation.

The article is devoted to the process of transformation of international supply chains in a crisis caused by the overlapping of three powerful negative factors: the consequences of the financial and economic crisis of 2008, of the COVID-19 pandemic and of economic sanctions against the Russian Federation. The authors point out that the destabilizing effect of the crisis primarily affected the functioning of the global supply chain system, one of the main components of the world economy. Under the current conditions, the normal functioning of supply chains is disrupted or is becoming nearly impossible due to disruptions in transport and commodity flows, denials of service, unpredictable delays, significant fluctuations in prices for goods and services, etc. The article emphasizes that the system of criteria and the basic principles of supply chain management, which have been established over decades of relatively stable development, are currently ineffective or completely inapplicable and need to be substantially adjusted. The theoretical recommendations identified by the authors are compared with the results of their survey of 240 Russian companies representing industry, distribution of goods, retail, logistics services and other segments. The survey made it possible to identify both the main negative factors affecting the supply chains and the most significant course of action for Russian business in order to reconfigure the import in crisis conditions. Based on the available theoretical and empirical data, the authors make an assumption about the new characteristics of international supply chains that they will acquire in the foreseeable future, both in terms of the general ideology of management and operation, and in terms of operational decisions.

Keywords: world economy, economic globalization, deglobalization, supply chains, global crisis, supply chain reconfiguration, supply chain stability, supply chain management, new characteristics of international supply chains, economy of the Russian Federation.

About the authors:

Gennadiy L. BRODETSKIY, Doct. Sci. (Tech.), Professor, Tenured Professor of the Department of Operational Management and Logistics, Graduate School of Business.

Victoria D. GERAMI, Doct. Sci. (Tech.), Professor, Professor of the Department of Operational Management and Logistics, Graduate School of Business.

Denis A. GUSEV, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Operational Management and Logistics, Higher School of Business.

Alexander V. KOLIK, Cand. Sci. (Tech.), Associate Professor, Professor of the Department of Operational Management and Logistics, Graduate School of Business.

Authors' contribution: all authors have contributed equally.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the authors.

Funding: no funding was received for conducting this study.

ВВЕДЕНИЕ: ВЫЗОВЫ КРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕПИ ПОСТАВОК

Международные цепи поставок¹ являются ключевым элементом мировой экономической системы. Согласно высказыванию классика изучения управления цепочками поставок М. Кристофера, в современной экономике конкурируют не компании, а цепи поставок, в которых они участвуют [1]. Мировая система цепей поставок в течение долгого времени действовала на основе принципов, которые на определенном этапе обеспечили максимальное раскрытие потенциала экономической глобализации [2]. В их числе:

- размещение производств в регионах с минимальной стоимостью ресурсов, прежде всего трудовых;
- гибкое производство и минимизация всех видов запасов, позволяющие оперативно реагировать на запросы рынка и экономить оборотные средства;
- максимальный уровень специализации участников цепей поставок, обеспечивший повсеместную доступность качественных логистических услуг;
- применение контейнерной технологии транспортировки как основы глобальной транспортной системы, обеспечивающей высокий уровень концентрации транспортных и товарных потоков.

В сочетании с ликвидацией трансграничных барьеров для товародвижения и быстрым развитием информационных технологий реализация данных принципов десятилетиями обеспечивала рост мирового ВВП. Однако сейчас ситуация радикально изменилась. Глобальная экономика переживает “идеальный шторм”, который разрушает международные цепи поставок.

Наиболее масштабными негативными факторами являются:

- усугубление глобальной рецессии, начало которой было положено кризисом 2008–2009 гг. По своей разрушительности этот процесс стоит на одном уровне с войнами, бедностью, изменениями климата [3]. “Нет сомнений, что мы имеем дело не с рядовыми биржевым и банковским кризисами, но с системным кризисом, который затронет всю финансовую систему мира. За три осенних месяца она изменилась

¹ Согласно одному из определений, цепь поставок представляет собой совокупность субъектов (производители, поставщики, перевозчики, складские операторы, ритейлеры и потребители), которые прямо или косвенно участвуют в удовлетворении запросов потребителей.

больше, чем за предыдущие 20 лет”, – отмечают в своем исследовании Л. Григорьев и М. Салихов [4]. Рецессия существенно подрывает устойчивость цепей поставок, повышая их уязвимость²;

- пандемия COVID-19, которая оказала парализующее воздействие на цепи поставок. Оно проявилось в острых ресурсных дефицитах, остановках товарных потоков, неконтролируемом росте издержек. Крайне негативным фактором в период пандемии стало неожиданное для бизнеса введение ограничительных мер со стороны властей большинства стран, которые часто имели бессистемный, а порой избыточный характер [5; 6];
- санкционный кризис, получивший новый импульс в феврале 2022 г. и сделавший неизбежной деглобализацию мировой экономики, то есть образование недружественных друг другу транснациональных коалиций, оформляющих (в том числе и юридически) все новые препятствия и ограничения для функционирования международной торговли, обусловленные политическими решениями в ущерб интересам экономики и бизнеса [7].

В сложившейся ситуации обострились старые и появились новые проблемы, которые подрывают стабильность глобальных цепей поставок. От того, насколько успешно будут решены эти проблемы, во многом зависит будущее всей мировой экономики.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ ЦЕПЕЙ ПОСТАВОК

Финансовый кризис, пандемия и экономические санкции практически совпали по времени и пришлись на относительно короткий исторический промежуток. Это совпадение и переплетение столь разнообразных по своей природе кризисных факторов стало явлением, которое имеет все признаки “черного лебедя” по Н. Талебу [8], то есть события, обладающего огромной дестабилизирующей силой, которое стало неожиданным даже для экспертов. Согласно Талебу, впоследствии для такого события будут найдены вполне рациональные и простые объяснения. Но в данный момент гораздо важнее найти работоспособные инструменты восстановления и перестройки в сложившихся условиях. Применительно к цепям поставок эти условия характеризуются следующим:

- нарастанием неопределенности внешней среды и противоречий между участниками цепей поставок, что ведет к нарушению координации, развитию дезинтеграционных процессов, к сбоям и в ряде случаев к разрывам в цепях поставок;
- разбалансировкой и диспропорциями в элементах цепей поставок (например, перегрузка отдельных элементов транспортной инфраструктуры или вынужденный непропорциональный рост доли электронной коммерции); причиной является уже не только сам кризис, но и не всегда согласованные действия по компенсации сбоев и разрывов, а также непредсказуемое поведение потребителей (от панических закупок до временного отказа от приобретения определенных товаров);
- осложнением стратегического и оперативного управления, вызванным дефицитом достоверной информации, а также изменениями в рыночном поведении субъектов цепей поставок и реализацией многими из них экстренных защитных стратегий.

Основным негативным проявлением перечисленных проблем является феномен массовых разрывов (англ. *disruptions*) в цепях поставок. Разрывы определяются как “непланируемые и непредвидимые события, прерывающие материальные и товарные потоки в цепи поставок” [9]. В широком смысле это совокупность негативных дестабилизирующих нарушений технологических и коммерческих операций и бизнес-процессов на протяжении всей цепи поставок. Уже сформировалось научно-практическое направление, которое можно охарактеризовать как управление разрывами цепей поставок (англ. *supply chain disruption management*). Соответствующие исследования направлены на поиск резервов устойчивости и надежности в кризисных ситуациях [10].

² Caon V. Supply Chain Vulnerability Index Shows Wide Gulf Between US and China. *Investment Monitor*, 10.02.2022. Available at: <https://www.investmentmonitor.ai/features/supply-chain-vulnerability-index-2022/> (accessed 02.04.2023).

При рассмотрении причин, приводящих к возникновению разрывов, следует различать труднопредсказуемые внешние форс-мажорные события (вроде локдаунов на производствах или прекращения транспортного сообщения) и имманентные свойства самих цепей поставок. Наибольший интерес представляют последние, а точнее – те традиционные подходы и принципы управления, которые в кризисной ситуации оказались несостоятельными. К ним, в частности, относятся:

- управление при недостаточной прозрачности цепей поставок, отсутствие сквозного мониторинга их состояния;
- ориентация на одного или на ограниченное число поставщиков товаров и услуг, недостаточная гибкость при выборе новых партнеров;
- выбор в качестве доминирующего критерия снижения издержек в цепях поставок в ущерб надежности;
- стремление к поддержанию максимально широкого товарного ассортимента;
- применение процедур моделирования, планирования и прогнозирования, неприменимых в условиях турбулентной внешней среды;
- неготовность систем управления цепями поставок к оперативной перестройке, отсутствие заранее разработанных регламентов, определяющих порядок действий в условиях внешней нестабильности и срывов.

Отдельно стоит отметить, что в сфере управления цепями поставок недостаточное внимание уделялось развитию методологии принятия многокритериальных решений (англ. *multi-criteria decision-making*) в условиях неопределенности. Иначе говоря, существенный рост неопределенности допускался лишь теоретически. Теперь же эта методология стала крайне востребованной и получила новый импульс для развития [11; 12]. Подобно тому, как снижение уровня воды делает невидимые подводные рифы опасными для кораблей, нарастание неопределенности и турбулентности в кризисный период выявило недостатки в системе управления цепями поставок, создав для них ситуацию массового стресс-теста.

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА НА ЦЕПИ ПОСТАВОК: РОССИЯ

В период с декабря 2022 г. по февраль 2023 г. авторами был проведен анкетный опрос российских компаний – участников международных цепей поставок, связанных с импортом продукции. Опрос проводился в рамках исследовательского проекта “Реконфигурация цепей поставок в новых условиях развития российского бизнеса”, реализуемого Высшей школой бизнеса НИУ ВШЭ³. Одной из его целей была оценка степени разбалансировки цепей поставок и мер, принимаемых отечественными компаниями для обеспечения их стабильности. Было получено более 240 ответов от представителей промышленности, а также сферы распределения товаров, розничной торговли, логистических услуг и других.

Опрос показал, что наиболее существенными факторами, негативно влияющими на устойчивость цепей поставок, стали значительное увеличение сроков доставки товаров (отметили как критический фактор 49% респондентов), существенное удорожание логистических услуг (47%). Менее значимыми оказались отказ иностранных производителей от поставок товаров в Россию (36%) и сложности выполнения взаиморасчетов в международной торговле (34%). При этом такой фактор, как повышение стоимости самих поставляемых в РФ товаров, отметили как критический всего 32% респондентов. Данный результат подтверждает всеобщий характер кризиса, который повлиял в том числе и на функционирование цепей поставок товаров из дружественных России стран. Как еще менее значимые отмечались валютные колебания (22%), сложности с приобретением иностранного программного обеспечения (17%) и снижение качества поставляемых товаров (5%).

Российские логистические операторы – участники цепей поставок (транспортные компании, экспедиторы, представители складского бизнеса и т.д.) оценили в рамках опроса характер изменения рыночного поведения своих клиентов-грузополучателей. При том, что сами они, как отмечено выше, указали на значительный рост стоимости логистических

³ Полностью результаты исследования будут опубликованы в аналитическом докладе ВШБ НИУ ВШЭ.

услуг, поиск более дешевого сервиса не является для них приоритетом. 55% респондентов указывают на поиски клиентурой новых более надежных маршрутов международных перевозок, 3% – на поиски новых устойчивых коммерческих схем организации поставки товаров, включая параллельный импорт, реэкспорт, “ложный транзит” и т.п.

Таким образом, если управление активами и потоками в цепях поставок традиционно сводилось, в конечном счете, к снижению суммарных издержек, то в нынешней ситуации на первый план выходит приоритет обеспечения стабильности.

СТАБИЛЬНОСТЬ ЦЕПЕЙ ПОСТАВОК: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Многие авторы еще в докризисный период отмечали важность обеспечения стабильности, характеризуя эту задачу как главный вызов для менеджмента [13; 14] и основную составляющую управления рисками в цепях поставок [15; 16]. В настоящее время концепция стабильности цепей поставок (*supply chain resilience, SCRes*)⁴ является одной из наиболее популярных.

Среди приводимых в литературе определений термина “стабильность” применительно к цепям поставок можно выделить следующие:

- способность системы после возмущения возвращаться к исходному состоянию либо переходить к новому, более желательному [1];
- адаптивная готовность цепи поставок к непредвиденным событиям, способность реагировать на срывы, восстанавливая последовательность операций и необходимый уровень связности и управляемости [15];
- способность цепи поставок к быстрому восстановлению равновесия после возмущения, причем время восстановления является мерой стабильности [17];
- снижение уязвимости цепи поставок, повышение ее способности противостоять неожиданным событиям и т.д.

Возможно, наиболее общим и вместе с тем наиболее позитивным определением является следующее: “Стабильность цепи поставок определяется ее готовностью к постоянным изменениям” [13]. Данное определение не делает акцента на негативных внешних факторах; оно скорее перекликается с известным высказыванием П. Друкера о том, что “в периоды коренных структурных преобразований выживают только лидеры перемен – те, кто чутко улавливают тенденции изменений и мгновенно приспосабливаются к ним, используя открывающиеся возможности себе во благо” [18].

Интересно сопоставить рекомендации по повышению стабильности цепей поставок, содержащиеся в научных и бизнес-публикациях, с действиями предпринимателей, оказавшихся в реальной кризисной ситуации. Возможность такого сопоставления дают результаты упомянутого обследования. Рассмотрим наиболее часто упоминаемые в литературе стратегии построения стабильной цепи поставок и соответствующие действия либо намерения компаний-респондентов.

Перестройка цепи поставок на основе выбора более надежных поставщиков – выбор поставщиков по критериям, нацеленным на минимизацию вероятности разрывов. Такими критериями, в частности, являются политическая стабильность на территории стран, где действуют поставщики, их технологические возможности, финансовая стабильность, непрерывность бизнеса, надежность и т.д.

В условиях текущего кризиса глобальные цепи поставок перестраиваются либо на основе приоритетного выбора поставщика в национальной юрисдикции (*backshoring, onshoring*), либо путем поиска новых поставщиков в странах с более низкими уровнями рисков (*nearshoring*) или перенос туда производства [19; 20; 21].

⁴ Авторы используют термин “стабильность”, а не “устойчивость”, который дают словари, во избежание понятийного смешения с концепцией устойчивого развития (*sustainable development*).

Согласно результатам опроса, для российских компаний в сложившейся ситуации переключение на более надежных поставщиков является важнейшей стратегией. При этом:

- 83% респондентов сообщают о поиске поставщиков в дружественных странах (среди которых почти 70% приходится на Китай, Турцию и Индию);
- 80% респондентов прорабатывают возможности локализации поставок на основе поиска поставщика или создания соответствующего производства в России.

Одновременно 81% респондентов предпринимает усилия по сохранению традиционных поставщиков из недружественных стран, перестраивая при этом систему транспортировки товаров (маршруты, технологии, коммерческие решения). Приведенные данные свидетельствуют о том, что большинство компаний-импортеров ведут работу параллельно по всем трем направлениям.

Создание избыточности в цепях поставок, в частности, увеличение уровня запасов, расширение пула поставщиков, расширение состава логистических объектов, используемых при организации транспортировки и хранения товаров [5; 6; 22; 23]. Результаты опроса свидетельствуют о том, что на данном этапе реконфигурации цепей поставок создание избыточности достигается прежде всего за счет наращивания товарных запасов. 47% респондентов уже осуществили подобные шаги, 18% предполагают сделать их. При этом многие респонденты дополняют простое увеличение уровня запасов расширением круга поставщиков (что также является мерой по созданию избыточности), а также принимают дополнительные меры (тестирование и пр.) по подтверждению и обеспечению необходимого уровня качества товаров от альтернативных производителей.

Повышение гибкости реагирования, ускорение принятия решений в цепях поставок [24; 25]. В ходе опроса 75% респондентов сообщили, что реализуют или намерены реализовать те или иные меры по ускорению принятия решений – упрощение регламентов и процедур, исключение отдельных управленческих звеньев и т.д. При этом 37% респондентов создали специальные антикризисные структуры штабного типа. Некоторые компании в течение 2022 г. уже несколько раз преобразовывали такие структуры, двигаясь по пути наделения их долговременными функциями в системе управления цепями поставок. Ряд респондентов отмечает необходимость комплексного подхода к ускорению принятия решений: этот процесс должен развиваться как в самих компаниях, так и во взаимодействии между бизнес-структурами и с органами государственного управления.

Развитие взаимодействия участников цепей поставок, повышение прозрачности в цепях поставок. Эта мера дает возможность системно, от исходной точки до конечного пункта контролировать состояние всех элементов цепей поставок, что способствует выявлению и предотвращению потенциальных угроз. Взаимодействие предполагает прежде всего беспрепятственный обмен информацией между участниками цепи, а также совместное использование определенных ресурсов – инфраструктуры, транспортных средств и т.д. В ряде случаев взаимодействие может приобретать форму *coopetition*, то есть сотрудничества конкурирующих субъектов [26; 27].

Опрос показал, что в сложившейся ситуации компании-импортеры не стремятся “оуклится” и выполнять все основные функции собственными силами. Они заинтересованы в развитии сотрудничества в цепях поставок, при этом предпочтение как потенциальным партнерам отдается российским аккредитованным производителям (46% респондентов намерены расширять их участие в своих цепях поставок), российским и иностранным логистическим операторам (33% и 35% соответственно), а также иностранным аккредитованным поставщикам (29%). Респонденты предпочитают логистических операторов, принимающих на себя ответственность за формирование новых маршрутов и коммерческих схем поставки и реализующих их “под ключ”.

Одновременно опрос показал нежелание импортеров развивать сотрудничество с торговыми посредниками и консультантами (40% и 50% негативных оценок соответственно). Необходимо отметить также, что, отвечая на вопрос о нехватке тех или иных навыков и умений, необходимых в процессе реконфигурации цепей поставок, почти 30% респондентов указали на важность таких компетенций, как сквозное стратегическое планирование и системное управление.

Целевые инновации – применение продуктов и технологий, направленных на снижение уязвимости, повышение гибкости и надежности цепей поставок [28; 29]. В ходе опроса выяснилось, что, несмотря на финансовые сложности, с начала 2022 г. достаточно большое число компаний уже реализовали или реализуют инновационные проекты (24% и 34% респондентов соответственно). Предпочтение отдается проектам, направленным на повышение скорости и эффективности информационного обмена, а также на автоматизацию управленческих решений.

Таким образом, можно считать, что практические действия российских компаний-импортеров по реконфигурации цепей поставок в целом соответствуют основным направлениям, разработанным в теоретических исследованиях по обеспечению стабильности цепей поставок. Очевидно, что практика выявит новые аспекты и направления такой деятельности.

ЦЕПИ ПОСТАВОК БУДУЩЕГО

Обследование показало, что большинство компаний-респондентов благополучно прошли этап применения экстренных антикризисных мер и в настоящее время работают над стратегической перестройкой своих цепей поставок для долговременной работы в изменившихся условиях. На фоне этого процесса пересматривается и образ предвидимой / желаемой перспективы, который создается в теоретических исследованиях цепей поставок.

Уже можно сделать определенные предположения о том, какие особенности будут характерны для цепей поставок будущего. К ним следует отнести:

- принятие идеологии бимодальности, то есть сочетания традиционных принципов бережливой эффективной логистики, сквозного планирования и предсказуемости с адаптивностью, готовностью к быстрому принятию принципиальных решений, к активному поиску и реализации новых возможностей. Пересмотр системы критериев управления в пользу критериев надежности;
- отказ от концепций бесперебойного функционирования цепей поставок с минимальными или даже нулевыми запасами, которые в современных условиях выглядят утопическими. Выработка новых критериев и механизмов управления запасами, отвечающих условиям “турбулентной неопределенности”;
- использование как базисного условия конкурентоспособности технологий уровня “Индустрии 4.0”, предполагающих прежде всего комплексную автоматизацию процессов принятия решений и управления в целом;
- совершенствование методик мониторинга и прогнозирования, расширение практики опросов для выявления и систематизации эмпирического опыта работы в меняющихся условиях;
- значительное расширение применения прикладного инструментария моделирования цепей поставок. Использование все более сложных имитационных моделей и моделей стохастической оптимизации, воспроизводящих работу в турбулентной среде и обеспечивающих более глубокое понимание процессов товародвижения;
- эволюция корпоративной культуры в направлении “позитивной адаптивности”. В рамках новой корпоративной культуры внешние воздействия будут рассматриваться не как источник проблем, но прежде всего с точки зрения возможностей для развития и выхода на новый качественный уровень.

ВЫВОДЫ

Международные цепи поставок, будучи ключевым элементом функционирования мировой экономической системы, в полной мере испытывают влияние кризисных процессов, обусловленных глобальной рецессией, пандемией COVID-19 и беспрецедентными по масштабам экономическими санкциями. Сложившиеся условия характеризуются нарастанием неопределенности и противоречий, разбалансировками и диспропорциями, дефицитом достоверной информации. Применительно к цепям поставок основным следствием являются массовые разрывы в них.

Наряду с внешними негативными факторами возникновение разрывов обусловлено неприменимостью традиционных подходов к управлению цепями поставок, которые сложились за годы стабильного развития. К ним относятся управление при недостаточной наблюдаемости процессов в цепи, ориентация на ограниченное число источников ресурсов, императив снижения издержек в ущерб надежности, отсутствие механизмов оперативного восстановления и перестройки.

Обобщение результатов теоретических исследований позволяет выделить ряд условий повышения стабильности цепей поставок. К ним относятся: выбор более надежных поставщиков; создание ресурсной избыточности; повышение гибкости реагирования и скорости принятия решений; развитие взаимодействия участников цепей поставок и повышение информационной прозрачности в цепях поставок; инновации, направленные на повышение гибкости и адаптивности цепей поставок.

Опрос 240 российских компаний – участников импортных цепей поставок показал, что действия бизнеса по реконфигурации цепей поставок в целом соответствуют указанным основным направлениям. По мере углубления перестройки и адаптации цепей поставок будут выявлены новые аспекты и направления такой деятельности. Можно предположить, что в обозримой перспективе международные цепи поставок будут характеризоваться поиском компромиссов между:

- следованием принципам традиционной “бережливой” логистики и повышением избыточности, прежде всего в сфере управления запасами;
- обеспечением стабильного бесперебойного функционирования цепей поставок и способностью к быстрой адаптации и перестройке в зависимости от внешних условий;
- комплексной автоматизацией управления всеми процессами и возможностями перехода к ручному антикризисному управлению.

Несомненно, значительное развитие получают исследования, направленные на совершенствование методик мониторинга и прогнозирования, математического моделирования процессов функционирования цепей поставок. Применение более сложных и эффективных методик на практике будет способствовать формированию новой корпоративной культуры бизнеса, основанной на восприятии нестабильностей и кризисов как новых возможностей для развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Christopher M., Peck H. Building the Resilient Supply Chain. *The International Journal of Logistics Management*, 2004, no. 15 (2), pp. 1-14. DOI: 10.1108/09574090410700275
2. Vidrová Z. Supply Chain Management in the Aspect of Globalization. *Globalization and its Socio-Economic Consequences 2019. SHS Web of Conferences*, 2020, no. 74, 04031. 10 p. DOI: 10.1051/shsconf/20207404031
3. Atkinson T., Luttrell D., Rosenblum H. How Bad Was It? The Costs and Consequences of the 2007–2009 Financial Crisis. *Staff Papers of the Federal Reserve Bank of Dallas*, 2013, no. 20. 24 p. Available at: <https://www.dallasfed.org/~media/documents/research/staff/staff1301.pdf> (accessed 07.04.2023).
4. Григорьев Л., Салихов М. Финансовый кризис 2008: вхождение в мировую рецессию. *Вопросы экономики*, 2008, № 12, сс. 27-45. [Grigoriev L., Salikhov M. Financial Crisis-2008: Entry into the Global Recession. *Voprosy Ekonomiki*, 2008, no. 12, pp. 27-45. (In Russ.)]
5. Burgos D., Ivanov D. Food Retail Supply Chain Resilience and the COVID-19 Pandemic: A Digital Twin-based Impact Analysis and Improvement Directions. *Transportation Research Part E Logistics and Transportation Review*, 2021, no. 152, 102412. DOI: 10.1016/j.tre.2021.102412
6. Katsaliaki K., Galetsi P., Kumar S. Supply Chain Disruptions and Resilience: A Major Review and Future Research Agenda. *Annals of Operations Research*, 2021, no. 319, pp. 965-1002. DOI: 10.1007/s10479-020-03912-1
7. Gurkov I., Filinov N. Sailing Through the Storm – Performance of Russian Manufacturing Subsidiaries of Multinational Corporations in the First Year of the COVID-19 Pandemic. *Post-Communist Economies*, 2023, vol. 35, no. 1, pp. 1-16. DOI: 10.1080/14631377.2022.2104503
8. Талеб Н.Н. *Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости*. Москва, КоЛибри, 2012. 736 с. [Taleb N.N. *The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable*. Moscow, CoLibri, 2012. 736 p. (In Russ.)]
9. Hendricks K.B., Singhal V.R. An Empirical Analysis of the Effect of Supply Chain Disruptions on Long-Run Stock Price Performance and Equity Risk of the Firm. *Production and Operations Management*, 2005, no. 14 (1), pp. 35-52. DOI: 10.1111/j.1937-5956.2005.tb00008.x
10. Macdonald J.R., Corsi T.M. Supply Chain Disruption Management: Severe Events, Recovery, and Performance. *Journal of Business Logistics*, 2013, no. 34 (4), pp. 270-288. DOI: 10.1111/jbl.12026

11. Brodetskiy G., Gusev D., Shidlovskii I. Multi-criteria Optimisation under the Conditions of Uncertainty in Logistics and Supply Chain Management. *International Journal of Logistics Systems and Management*, 2021, vol. 39, no. 2, pp. 207-227. DOI: 10.1504/IJLSM.2020.10024923
12. Sotoudeh-Anvari A. The Applications of MCDM Methods in COVID-19 Pandemic: A State of the Art Review. *Applied Soft Computing*, 2022, no. 126, 109238. DOI: 10.1016/j.asoc.2022.109238
13. Ouabouch L., Amri M. Analysing Supply Chain Risk Factors: A Probability-Impact Matrix Applied to Pharmaceutical Industry. *Journal of Logistics Management*, 2013, no. 2 (2), pp. 35-40. DOI: 10.5923/j.logistics.20130202.01
14. Barroso A.P., Machado V.H., Carvalho H., Cruz Machado V. Quantifying the Supply Chain Resilience. *Applications of Contemporary Management Approaches in Supply Chains*. Tozan H., Erturk A., eds. 2015, pp. 14-18. Available at: <https://www.intechopen.com/chapters/47847> (accessed 02.04.2023).
15. Ponomarov S.Y., Holcomb, M.C. Understanding the Concept of Supply Chain Resilience. *International Journal of Logistics Management*, 2009, no. 20 (1), pp.124-143. DOI: 10.1108/09574090910954873
16. Ponis S., Koronis E. Supply Chain Resilience: Definition of Concept and Its Formative Elements. *Journal of Applied Business Research*, 2012, no. 28 (5), pp. 921-929. DOI: 10.19030/jabr.v28i5.7234
17. Shuai Y., Wang X., Zhao L. Research on Measuring Method of Supply Chain Resilience Based on Biological Cell Elasticity Theory. *Industrial Engineering and Engineering Management (IEEM)*. 2011 IEEE International Conference on Industrial Engineering and Engineering Management, 6-9 December 2011, pp. 264-268. DOI: 10.1109/IEEM.2011.6117919
18. Друкер П.Ф. *Задачи менеджмента в 21 веке*. Москва, Вильямс, 2018. 288 с. [Druker P.F. *Management Challenges for the 21st Century*. Moscow, Williams, 2018. 288 p. (In Russ.)]
19. Agarwal S., Rathore C.S. Supplier Selection Process in Supply Chain Management. *International Journal of Engineering Sciences and Research*, 2016, no. 5 (9), pp. 24-29. DOI: 10.5281/zenodo.61446
20. Mascaritolo J., Holcomb C. Moving Towards a Resilient Supply Chain. *Journal of Transportation Management*, 2018, no. 19 (2), pp. 71-83. DOI: 10.22237/jotm/1220227560
21. Fernández-Miguel A., Riccardi M.P., Veglio V., García-Muiña F.E., Fernández del Hoyo A.P., Settembre-Blundo D. Disruption in Resource-Intensive Supply Chains: Reshoring and Nearshoring as Strategies to Enable Them to Become More Resilient and Sustainable. *Sustainability*, 2002, no. 14 (17), 10909. DOI: 10.3390/su141710909
22. Boone C., Craighead C., Hanna B., Nair A. Implementation of a System Approach for Enhanced Supply Chain Continuity and Resiliency: A Longitudinal Study. *Journal of Business Logistics*, 2013, no. 34 (3), pp. 220-232. DOI: 10.1111/jbl.12021
23. Wen Jun Tan, Allan Zhang, Wentong Cai. A Graph-based Model to Measure Structural Redundancy for Supply Chain Resilience. *International Journal of Production Research*, 2019, no. 57 (20), pp. 1-20. DOI: 10.1080/00207543.2019.1566666
24. Scholten K., Sharkey Scott P., Fynes B. Mitigation Processes – Antecedents for Building Supply Chain Resilience Capabilities. *Supply Chain Management*, 2014, no. 19 (2), pp. 211-228. DOI: 10.1108/SCM-06-2013-0191
25. Javaid T., Siddiqui D.A. Supply Chain Responsiveness and Supply Chain Performance: The Role of Supply Chain Risk Management. *SSRN Electronic Journal*, 2018. Available at: https://www.researchgate.net/publication/329595990_Supply_Chain_Responsiveness_and_Supply_Chain_Performance_The_Role_of_Supply_Chain_Risk_Management (accessed 03.04.2023). DOI: 10.2139/ssrn.3285077
26. Wieland A., Wallenburg C.M. The Influence of Relational Competencies on Supply Chain Resilience: A Relational View. *International Journal of Physical Distribution & Logistics Management*, 2013, no. 43 (4), pp. 300-320. DOI: 10.1108/IJPDLM-08-2012-0243
27. Sáenz M.J., Revilla E. Creating More Resilient Supply Chains. *MIT Sloan Management Review*, 2014, vol. 55, no. 4, pp. 22-24. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/264037785> (accessed 03.04.2023).
28. Sabahi S., Parast M. Firm Innovation and Supply Chain Resilience: A Dynamic Capability Perspective. *International Journal of Logistics Research and Applications*, 2019, vol. 23 (3), pp. 254-269. DOI: 10.1080/13675567.2019.1683522
29. Golgeci I., Ponomarov S. Does Firm Innovativeness Enable Effective Responses to Supply Chain Disruptions? An Empirical Study. *Supply Chain Management*, 2013, no. 18 (6), pp. 604-617. DOI: 10.1108/SCM-10-2012-0331

МЕСТО КЛИМАТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ: КЕЙС РОССИИ И НОРВЕГИИ

© ШУРАНОВА А.А., ЧИСТИКОВ М.Н., 2023

ШУРАНОВА Анна Артёмовна, младший научный сотрудник Научно-учебной лаборатории экономики изменения климата факультета мировой экономики и мировой политики.

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 119017 Москва, ул. Малая Ордынка, 17, стр. 1 (ashuranova@hse.ru), ORCID: 0000-0002-3001-8979

ЧИСТИКОВ Матвей Николаевич, стажер-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований факультета мировой экономики и мировой политики.

Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 119017 Москва, ул. Малая Ордынка, 17, стр. 1 (mchistikov@hse.ru), ORCID: 0009-0006-1212-5080.

Шуранова А.А., Чистиков М.Н. Место климатической безопасности в стратегическом планировании: кейс России и Норвегии. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2023, № 2, сс. 24-42. DOI: 10.20542/afij-2023-2-24-42

DOI: 10.20542/afij-2023-2-24-42

EDN: LLLFHKV

УДК: 338.23(470+481)

Поступила в редакцию 02.04.2023.

После доработки 19.06.2023.

Принята к публикации 22.08.2023.

Изменение климата – одна из наиболее актуальных тем в мировой политике: крупнейшие экономики ставят цели достижения углеродной нейтральности к 2050–2070 гг. Позиции государств на мировой климатической арене во многом определяются их “экологической силой”, имеющей “позитивный” и “негативный” аспекты, которые отражаются в стимулировании либо намеренном замедлении развития активных действий по борьбе с изменением климата. В литературе распространено мнение о том, что государства – традиционные экспортеры ископаемых энергоносителей являются носителями “негативной экологической силы” и проводят менее амбициозную климатическую политику, нежели энергодефицитные государства. Это опровергается рядом эмпирических наблюдений, одним из которых является кейс России и Норвегии. Цель исследования состояла в проверке на этом примере гипотезы о том, что ключевым фактором, предопределяющим уровень амбициозности климатической политики государств, является степень секьюритизации климатических изменений и место климата в иерархии угроз системе национальной безопасности. На основании количественного контент-анализа 726 стратегических, доктринальных и концептуальных документов и планов на предмет слов, связанных с безопасностью, было установлено, что иерархия угроз в стратегическом планировании обоих государств совпадает во всем, кроме климатической сферы, которая в Норвегии более секьюритизирована, чем внешняя политика, в отличие от России. В Норвегии также оказались более секьюритизированными все исследованные сферы за исключением военной, права, государственного управления и внешней политики. Была также выстроена динамика секьюритизации климатических изменений в климатических документах обоих государств, продемонстрировавшая, что наименьший уровень секьюритизации во многом совпадал с международно-политическими и иными кризисами и поворотными моментами; в свою очередь рост секьюритизации изменений климата наблюдался на фоне значимых

подъемов в мировой климатической повестке. Одну из ключевых ролей в определении уровня амбициозности климатической политики играет субъективная оценка связанных с климатическими изменениями вызовов и угроз для национальной безопасности государства. На эту оценку напрямую влияют объективные факторы, которые и определяют приоритетность климатических проблем в иерархии угроз системы национальной безопасности. В кейсе России и Норвегии наиболее значимую роль играют различия в положении стран в структуре международных отношений.

Ключевые слова: климатическая безопасность, секьюритизация, иерархия угроз, стратегическое планирование, национальная безопасность, углеродная нейтральность, экологическая сила, климатическая политика, контент-анализ.

Вклад авторов: Шуранова А.А. – концептуальное оформление, подготовка текста; Чистиков М.Н. – подготовка и обработка данных, методология исследования.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, а также при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

CLIMATE SECURITY IN STATES' STRATEGIC PLANNING: THE CASE OF RUSSIA AND NORWAY

Received 02.04.2023. Revised 19.06.2023. Accepted 22.08.2023.

Anna A. SHURANOVA (ashuranova@hse.ru), ORCID: 0000-0002-3001-8979,
National Research University 'Higher School of Economics', 17/1, Malaya Ordynka Str.,
Moscow 119017, Russian Federation.

Matvei N. CHISTIKOV (mchistikov@hse.ru), ORCID: 0009-0006-1212-5080,
National Research University 'Higher School of Economics', 17/1, Malaya Ordynka Str.,
Moscow 119017, Russian Federation.

Climate change is one of the most pressing issues on the world political agenda, with the largest economies setting carbon neutrality targets for 2050–2070. States' positions in the world climate politics are largely determined by their 'environmental power', which has 'positive' and 'negative' aspects reflected in either promoting or intentionally decelerating the pace of climate change mitigation policies worldwide. In the literature, a widely acknowledged opinion can be found that the states which traditionally specialize in fossil fuels exports, having 'negative environmental power', are prone to adopt less ambitious climate policies than the energy-importing ones. This can be disproven by a number of empirical cases, one of which is that of Russia and Norway. We hypothesize that the key factor which influences the states' climate policy ambition is the level of climate change securitization and the place which climate change occupies within the hierarchy of threats of the national security system. Having conducted quantitative content analysis of 726 strategic, doctrinal and conceptual documents and plans on the subject of security-related words, we have found that Russian and Norwegian hierarchies of threats coincide in all aspects but climate which is more securitized than foreign policy in Norway. Moreover, almost all analyzed spheres except for the military, law, state governance and foreign policy are more highly securitized in Norway. We further constructed a graph representing the dynamics of climate change securitization in climate-related documents which indicates that securitization fell during major political and economic events and crises and rose in the times of significant developments on the world climate agenda. We conclude that the subjective assessment of climate-related challenges and threats is one of the key factors that determine states' climate policy ambition.

However, this assessment is directly affected by objective factors which define the place climate change will occupy within the hierarchy of threats of the national security system. In the case of Russia and Norway, the principal of such factors is the respective states' position within the structure of international relations.

Keywords: climate security, securitization, hierarchy of threats, strategic planning, national security, carbon neutrality, environmental power, climate policy, content analysis.

About the authors:

Anna A. SHURANOVA, Junior Researcher, Laboratory for Economics of Climate Change.

Matvei N. CHISTIKOV, Research Intern, Centre for Comprehensive European and International Studies.

Authors' contribution: Shuranova A.A. – study concept and design, manuscript preparation; Chistikov M.N. – data collection and analysis, design of methodology.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the authors.

Funding: The study was carried out within the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics, as well as with the grant support of the Faculty of World Economy and World Politics of the National Research University Higher School of Economics.

ВВЕДЕНИЕ

В 2015 г. на 21-й Конференции сторон Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (РКИК ООН) было подписано Парижское соглашение¹ – первый юридически обязывающий документ глобального характера, закрепляющий приверженность его участников к ограничению роста глобальной средней температуры “намного ниже” 2°C к концу века по сравнению с доиндустриальной эпохой. В 2019 г. Европейский союз (ЕС) анонсировал “Зеленый курс”² – масштабный пакет регуляторных мер и инициатив, направленный на достижение углеродной нейтральности к 2050 г. Эти два события стали ключевыми маркерами актуализации в глобальном масштабе политической повестки борьбы с изменением климата. Практически все развитые экономики объявили о приверженности достижению углеродной нейтральности к середине века, в то время как большинство других государств также разработали меры по сокращению выбросов парниковых газов в рамках реализации обязательств по Парижскому соглашению.

Актуализация мировой климатической повестки набирает силу как следствие ряда взаимосвязанных факторов: угрозы человечеству от самого изменения климата³; тесной взаимосвязи вопросов климата и энергетики в энергодефицитных государствах, для которых энергетический переход является средством достижения энергобезопасности в условиях высокой политизации энергетической сферы; возможностей перехода к экономике замкнутого цикла, устойчивого экономического роста и технологического развития; влияния широких общественных и политических движений, выступающих за активизацию действий мирового сообщества в условиях климатического кризиса; а также перспективы международной консолидации за счет климатической повестки, открывающей широкое пространство для сотрудничества вне рамок традиционных политических вопросов. Впрочем, насчет последнего мнения политических и академических кругов расходятся: видение климата как поля для кооперации характерно в основном для

¹ Paris Agreement. United Nations. 2015. Available at: https://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/english_paris_agreement.pdf (accessed 28.09.2022).

² Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. The European Green Deal. COM/2019/640 final. Brussels, 11.12.2019. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52019DC0640> (accessed 30.05.2023).

³ Climate Change 2022: Mitigation of Climate Change. IPCC Sixth Assessment Report. Available at: <https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg3/> (accessed 28.09.2022).

либеральной парадигмы в рамках теории международных отношений, в то время как другие (например, реалистическая парадигма и английская школа) все чаще говорят о вероятности фрагментации международной системы по линии “климатических клубов” – объединений государств с различной степенью формализации, создаваемых с целью координации климатических амбиций и позиций на международных переговорах по климату [1], а также, что нельзя исключить, – с намерением закрепить доминирование определенной группы стран в этой новой и не окончательно “поделенной” сфере международных отношений.

В рамках международной климатической и экологической политики поведение государств во многом определяется их “экологической силой” [2], которая имеет несколько измерений. С одной стороны, материальное измерение включает в себя традиционные аспекты силы (экономические и военно-политические) и наличие в государстве значимых природных ресурсов и экосистем, а социальное – способность воздействовать на интересы и идентичность других государств, формировать международную экологическую повестку, влиять на принятие решений, выстраивать легитимные модели поведения, формулировать общепринятые дискурсы (например, “зеленого роста”) и т.д. С другой стороны, “негативное” измерение экологической силы государств заключается в способности вызывать деградацию крупных контролируемых ими экосистем, а также срывать или тормозить международные форматы сотрудничества в сфере климата и защиты окружающей среды, а “позитивное” состоит в способности проводить положительные изменения в международной экологической политике, решать экологические проблемы и брать на себя лидерство [2].

Стоит отметить, что экологическое лидерство стало одной из новых норм международного общества, а также одним из институтов, составляющих важнейшие его признаки наравне с такими фундаментальными принципами и практиками, как дипломатия, война, международное право, баланс сил и управление великих держав [3; 4]. Последние являются ключевым звеном в процессе превращения лидерства в норму, поскольку именно они продвигают на международную арену те экологические обязательства, которые вначале принимают на внутрисоциальном уровне и которые соответствуют их интересам. Другой тесно связанной с лидерством нормой в международном обществе становится экологическая ответственность, которая также является сферой преимущественного доминирования великих держав [5, с. 200; 6].

Следует разобраться, какие державы в контексте экологической и климатической политики считаются великими. Так, А. Брентон, фокусируясь на великих державах в сфере климата, видит их как крупных эмитентов парниковых газов, в силу высокой экономической и политической влиятельности которых любые международные договоренности по климату не имеют значения без их участия [7, с. 542]. С. Бернштейн пишет, что экологические великие державы отличают определенное сочетание исторического и современного вклада в деградацию окружающей среды и одновременно наличие возможностей бороться с такой деградацией [8]. Б. Бузан и Р. Фалькнер понимают экологические державы как государства, способные влиять на процессы и их исходы в глобальной экологической политике, а также формировать поведение, интересы и даже идентичности других в этой сфере [2]. При этом они опираются на двухкомпонентное понимание великих держав Х. Булла, который концептуализировал их как одновременно обладающих значительными силовыми возможностями и признаваемых в качестве таковых остальными членами международного общества и собственными гражданами с соответствующим наличием особых прав и обязанностей – например, права определять, какие вопросы являются важными для международного мира и безопасности [3].

В последние десятилетия проблемы защиты окружающей среды и изменения климата становятся все более важными измерениями международной безопасности [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17] и, таким образом, занимают значимое место в системе национальных интересов великих держав. В качестве одной из последних позиционирует себя и Россия [18]. При этом реализация потенциала ее “позитивной экологической силы” зависит от целого ряда факторов – от экономических возможностей и политической воли до позиции ключевых партнеров, в первую очередь стран БРИКС. Благодаря своим огромным природным ресурсам Россия обладает всеми возможностями взять на себя лидерство в борьбе с экологическими и климатическими угрозами безопасности

как минимум среди государств незападного мира. Тем временем, будучи четвертым крупнейшим в мире эмитентом парниковых газов, Россия обладает и “негативной экологической силой”. В первую очередь это можно заключить исходя из того, что значительная часть доходов бюджета государства формируется за счет нефтегазового сектора. Зачастую энергообеспеченные страны мира, в первую очередь традиционные экспортеры ископаемых видов топлива, в целях сохранения доминирующего положения на мировой энергетической арене, гарантирующего их силовой потенциал, выступают в качестве “спойлеров” на международных переговорах по климату: они лоббируют более мягкие формулировки соглашений, договоренности, юридически не обязывающие к действиям, и замедление процессов глобального энергоперехода параллельно с признанием природного газа в качестве “переходного” энергоносителя [19].

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Вероятнее всего, именно вышеуказанные практики государств, обладающих “негативной экологической силой”, привели к формированию распространенного в академических кругах мнения о том, что климатическая политика стран-экспортеров ископаемых видов топлива (то есть носителей “негативной экологической силы”) во многих случаях отличается меньшим уровнем амбициозности, а энергоизбыточность и энергодефицитность непосредственно влияют на развитость мер климатического регулирования и позицию государства на международной климатической арене [19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26]. Однако такой взгляд уравнивает все экспортирующие ископаемые виды топлива государства, подразумевая, что фактор важности роли энергетического экспорта во внешней торговле достаточен для того, чтобы судить об уровне их климатической амбициозности. Соответственно предполагается, что при исследовании таких государств энергообеспеченность является приоритетным фактором в предопределении климатических амбиций государства по сравнению со всеми остальными (показателями социально-экономического развития, уязвимостью к климатическим изменениям, уровнем загрязнения воздуха, участием в международных климатических режимах, политическим режимом, политической и избирательной системами, общественным мнением и ценностями, политической культурой населения и др.). На основании такого рода представлений сложно объяснить, почему между самими странами – экспортерами ископаемого топлива в ряде случаев существуют значительные различия в масштабах климатических целей, инструментах адаптации к климатическим изменениям и их митигации.

В данном случае одним из наиболее показательных примеров могут служить Россия и Норвегия – государства со схожей долей нефтегазовых доходов в общем объеме доходной части государственного бюджета и с разительно отличающимися оценками климатической амбициозности. Так, нефтегазовые доходы составили 35.8% всех доходов бюджета России в 2021 г.⁴ и 45.5% – в первом полугодии 2022 г.⁵; нефть и газ также заняли 33.7% объема экспорта по состоянию на 2021 г. (всего на топливно-энергетические товары пришлось 54.3% экспорта)⁶. В Норвегии в 2021 г. нефтегазовый сектор достигал 51% объема экспорта, в то время как его роль в доходах государства составляла только 21%; однако в 2022 г. в условиях энергетического кризиса и резкого роста стоимости энергоносителей последний показатель, согласно пересмотренному национальному бюджету, увеличился до 42%, а доля нефти и газа в экспорте – до 58%⁷. При этом *Climate Action Tracker (CAT)* оценивает общий уровень амбициозности норвежской климатической политики как “почти достаточный” для достижения целей

⁴ Оперативный доклад об исполнении федерального бюджета, январь – декабрь 2021 года. Счетная палата Российской Федерации. Available at: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/ff3/eliutbdz3p95fwuf0e1ngpg0yoecx86n.pdf> (accessed 28.09.2022).

⁵ Оперативный доклад об исполнении федерального бюджета, январь – июнь 2022 года. Счетная палата Российской Федерации. Available at: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/d70/fzt07st4aadjk0tth1l35lqayc2khke.pdf> (accessed 28.09.2022).

⁶ О внешней торговле в 2021 году. Росстат. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/26_23-02-2022.html (accessed 28.09.2022).

⁷ *The Government's Revenues*. Norwegian Petroleum. Available at: <https://www.norskpetrolem.no/en/economy/governments-revenues/> (accessed 28.09.2022).

Парижского соглашения по ограничению роста средней глобальной температуры до 1.5°C к 2100 г., а внутреннюю цель по достижению углеродной нейтральности к 2050 г. – как “совместимую” с этим документом⁸. Российскую климатическую политику CAT считает “критически недостаточной” для реализации Парижского соглашения, а национальные климатические цели – “в высокой степени недостаточными”⁹.

Для объяснения этих различий наиболее простым решением было бы приведение основных показателей социально-экономического развития обоих государств (в первую очередь ВВП на душу населения), которые бы достаточно наглядно продемонстрировали, что Норвегия обладает большими объемами доступных финансовых ресурсов для обеспечения реализации мер климатического регулирования. В то же время такой подход был бы поверхностным и не отражал бы сути глубинных процессов трансформации системы приоритетов государственного развития, которая происходит вследствие повышения уровня благосостояния. Он не объясняет, что именно должно при этом произойти для того, чтобы государство стало уделять наибольшее внимание климату, а не, например, гуманитарной помощи бедным или разработке новейших медицинских технологий. Кроме того, он бы автоматически подразумевал, что у всех социально-экономически развитых государств климатические цели более амбициозны, чем у развивающихся, что также не является верным (наиболее ярким примером являются США в период президентства Д. Трампа). При этом данный подход также не объяснял бы, почему у некоторых традиционных экспортеров ископаемых видов топлива с высокими экономическими показателями климатические цели оцениваются как недостаточно амбициозные. К примеру, Сингапур, вторым крупнейшим экспортным товаром которого является переработанная нефть¹⁰, и Австралия, ставшая в 2020 г. ведущим в мире экспортером угольных брикетов¹¹, занимают соответственно 11 и 18 места в мире по ВВП на душу населения и опережают в этом рейтинге Нидерланды, Финляндию, Германию, Великобританию, Австралию, Францию, Японию и Республику Корея¹². При этом CAT присваивает их климатическим стратегиям рейтинги “критически недостаточных” и “недостаточных” для имплементации цели в 1.5°C¹³. Наконец, с помощью такого подхода невозможно было бы объяснить и феномен малых островных развивающихся государств (МОРАГ), не отличающихся значительным национальным богатством, но одних из наиболее активных среди акторов, продвигающих борьбу с изменением климата на международной арене.

Наша гипотеза состоит в том, что ключевым фактором, предопределяющим уровень амбициозности климатической политики государств, является степень секьюритизации климатических изменений и место климата в иерархии угроз системы национальной безопасности. Этот фактор релевантен не только для стран – экспортеров ископаемого топлива: он применим к анализу климатической политики любого государства мира. Его можно трактовать и как недостающее связующее звено между ростом национального благосостояния и возрастанием роли климата в системе национальных приоритетов, и как объяснение столь повышенной климатической активности МОРАГ, которые не были бы заинтересованы в дорогостоящей климатической политике, если бы не находились под угрозой затопления и физического уничтожения.

⁸ Norway – Policies & Action. Climate Action Tracker. Available at: <https://climateactiontracker.org/countries/norway/policies-action/> (accessed 28.09.2022).

⁹ Russian Federation – Policies & Action. Climate Action Tracker. Available at: <https://climateactiontracker.org/countries/russian-federation/policies-action/> (accessed 28.09.2022).

¹⁰ Singapore Exports, Imports, and Trade Partners. OEC – The Observatory of Economic Complexity. Available at: <https://oec.world/en/profile/country/sgp> (accessed 28.09.2022).

¹¹ Australia Exports, Imports, and Trade Partners. OEC – The Observatory of Economic Complexity. Available at: <https://oec.world/en/profile/country/aus> (accessed 28.09.2022).

¹² GDP per capita (current US\$). The World Bank. Available at: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?most_recent_value_desc=true (accessed 28.09.2022).

¹³ Australia. Climate Action Tracker. Available at: <https://climateactiontracker.org/countries/australia/> (accessed 28.09.2022); Singapore. Climate Action Tracker. Available at: <https://climateactiontracker.org/countries/singapore/> (accessed 28.09.2022).

Согласно нашей гипотезе, ввиду сравнимости показателей, связанных с государственными доходами от экспорта ископаемых видов топлива в России и Норвегии, различия в амбициозности их климатической политики объяснимы в первую очередь с точки зрения того, что климатические изменения менее секьюритизированы в России, чем в Норвегии. Для того чтобы проверить наши предположения, мы провели количественный контент-анализ стратегических, доктринальных и концептуальных документов России и Норвегии и определили уровень их секьюритизированности, выстраивая таким образом иерархию угроз обоим государствам. Для описания фактора секьюритизации климатических изменений мы используем понятие “климатическая безопасность”, в настоящий момент отсутствующее в российском официальном дискурсе несмотря на то, что в Климатической доктрине Российской Федерации присутствует положение об изменении климата как причине угроз безопасности государства¹⁴.

Следует отметить, что в научной литературе уже существуют исследовательские рамки для изучения вопросов, связанных с секьюритизацией процессов изменения климата. Тем не менее большинство авторов стремятся анализировать климатическую безопасность преимущественно качественно, через анализ дискурсивных практик, агентов и объектов секьюритизации и т.д. [27; 28; 29; 30; 31; 32] Вместе с тем постановка проблемы в рамках нашего исследования потребовала использования количественных методов, поскольку было необходимо оценить степень секьюритизации климатических изменений и определить положение этой сферы относительно других. Несмотря на определенные наработки в области применения количественных методов для анализа секьюритизации процессов изменения климата [33; 34; 35], фактически отсутствовала методология, которая бы полностью удовлетворяла запросам нашего исследования. Следовательно, для анализа потребовалось выработать методологию проведения контент-анализа для определения степени секьюритизации различных сфер государственного управления и их сравнения.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ТЕРМИНА “КЛИМАТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ”

Термин “климатическая безопасность” достаточно распространен в зарубежном научном дискурсе, однако единство по поводу его определения отсутствует. Можно выделить несколько основных линий его концептуализации.

Во-первых, популярно понимание климатической безопасности как основной причины вооруженных конфликтов либо как фактора мультипликации угроз их возникновения [29; 30]. Эта трактовка предполагает значимость термина как для международной, так и национальной и человеческой безопасности (англ. *human security*), поскольку конфликты могут возникать на любом уровне, включая локальный. Предметом таких конфликтов может стать борьба за все более ограниченные ресурсы (преимущественно водные и продовольственные), за приемлемую по климатическим условиям для обитания территорию и т.д. Консенсус по поводу того, насколько климат действительно может стать источником конфликта, отсутствует; однако климатические изменения способны создать либо обострить конфликтогенную среду, даже если предметом и поводом для начала конфликта будут служить совершенно другие факторы.

Во-вторых, в научном дискурсе широко распространен государствоцентричный подход, фокусирующийся на рисках и угрозах, которые климатические изменения представляют для национальной безопасности [36]: от непосредственной перспективы затопления части территории по мере повышения уровня мирового океана вследствие роста средней глобальной температуры до необходимости справляться с потоком беженцев, который будет увеличиваться по мере того, как ухудшение природных условий сделает целый ряд территорий менее пригодными для проживания. Изменения природно-климатических условий также могут спровоцировать увеличение расходов на оборону

¹⁴ Распоряжение Президента Российской Федерации от 17.12.2009 г. № 861-рп “О климатической доктрине Российской Федерации”. Министерство экономического развития Российской Федерации. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/rasporyazhenie_prezidenta_rossiyskoy_federacii_ot_17_dekabrya_2009_g_861_rp.html (accessed 30.05.2023).

вследствие того, что климат как новый фактор возникновения конфликтов практически неизбежно увеличит их число и расширит набор внешних угроз для любого государства. Спектр таких угроз включает в себя и ряд вопросов экономического характера.

Например, перспективы замедления экономического роста как непосредственно от негативных последствий изменения климата (от учащения засух и более низкой урожайности посевных культур до вывода из строя значимой доли инфраструктуры ввиду проседания почв при таянии многолетней мерзлоты, а также увеличения частотности и масштаба температурных аномалий и опасных природных явлений), так и в обусловленной большим набором факторов (не в последнюю очередь репутационных с внешнеполитической точки зрения) необходимости проведения низкоуглеродной трансформации. Последняя потребует значительных издержек, связанных с адаптацией всех сфер государственного управления и общественной жизни под климатические стандарты, переходом на альтернативные энергоносители, строительством новой энергетической, промышленной, жилищно-коммунальной и иной инфраструктуры с одновременным часто преждевременным выводом из эксплуатации старой и т.д. Низкоуглеродная модальность государственного развития также служит потенциальным фактором значительных трансформаций общественной жизни и способна затронуть культуру и традиции государств.

В рамках государствоцентричного подхода можно также выделить и международный аспект климатической безопасности, состоящий из нескольких измерений. С одной стороны, климатические изменения предполагают необходимость объединения всего международного сообщества в борьбе с ними, хотя позиции ключевых акторов глобальной политики насчет возможности и масштабов сотрудничества в этой сфере значительно разнятся. С другой стороны, набор вышеозначенных факторов – главным образом увеличение числа конфликтов и экономические трансформации государств – способен модифицировать конгломерат великих держав на мировой арене. Некоторые из имеющих этот статус могут не справиться с финансовыми затратами на декарбонизацию (что особенно вероятно в контексте продолжающегося с 2021 г. энергетического кризиса) и потерять свои позиции, в то время как другие, наоборот, найдут способ заработать и нарастить экономическую и политическую силу в новых условиях.

В-третьих, климатическая безопасность зачастую рассматривается в противоположных государствоцентричному подходу терминах человеческой безопасности [37; 38] и ее семи аспектов – экономики, продовольствия, здравоохранения, окружающей среды, политики, а также безопасности сообществ и личности¹⁵. Очевидно, что все эти сферы могут быть затронуты климатическими изменениями, причем косвенным образом. Так, здравоохранение окажется перед вызовом распространения новых видов болезней по мере изменения средней температуры на Земле и в случае неспособности населения приспособиться к новым климатическим реалиям, а локальные сообщества могут оказаться под угрозой переселения с традиционных мест проживания. В ряде государств может значительно трансформироваться средний уровень благосостояния за счет возможных перемен в ожидаемой продолжительности жизни вследствие реализации вышеуказанных угроз в сфере здравоохранения и социально-экономического развития.

Таким образом, климатическую безопасность как концепцию, приобретающую все возрастающее значение в российской стратегической культуре и широко распространенную в норвежской, можно определить как состояние защищенности личности, общества и государства от рисков и угроз, связанных с негативными последствиями глобальных климатических изменений. Климатически безопасным можно считать общество, обладающее следующими признаками: высокая степень секьюритизации климатических изменений на государственном уровне; значительная финансовая и организационная поддержка государством процессов декарбонизации (большой объем инвестиций в низкоуглеродное развитие в сочетании с достаточно

¹⁵ *Human Development Report 1994*. UNDP Human Development Reports. Available at: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-1994> (accessed 28.09.2022).

жесткими инструментами климатического регулирования); высокий уровень осознания необходимости борьбы с изменением климата среди населения; а также наличие больших запасов природных ресурсов, которые вносят вклад в поддержку состояния защищенности от климатических угроз. Согласно этой логике, экологически сильные государства (преимущественно в “позитивном” измерении) зачастую можно назвать климатически безопасными. Стоит подчеркнуть, что последний признак – богатство природными ресурсами (в первую очередь лесными, водными и т.п.) – далеко не всегда характерен для климатически безопасных государств, однако в случае его наличия способен обеспечить относительную защищенность от климатических угроз даже тогда, когда один или несколько остальных признаков недостаточно выражены.

ДАнные И МЕТОДОЛОГИЯ

Для проверки выдвинутой гипотезы был проведен количественный контент-анализ российских и норвежских стратегических, доктринальных и концептуальных документов. Мы исходили из предпосылки, что стратегические, доктринальные и концептуальные документы играют ключевую роль в государственном управлении, а также отражают степень секьюритизации различных сфер государственной политики.

В рамках количественного контент-анализа были проанализированы стратегии и планы (норв. *strategier og planer*) Норвегии, а также планы, стратегические, доктринальные и концептуальные документы РФ. В общей сложности было проанализировано 468 российских и 258 норвежских документов. Норвежские документы были получены с официального сайта правительства Норвегии (*regjeringen.no*). Российские документы – с сайта электронной базы данных правовых документов “КонсультантПлюс”.

В рамках исследования были использованы документы, опубликованные в период с 2008 г. по июль 2022 г. Нижняя хронологическая рамка определена, во-первых, мировым экономическим кризисом и, во-вторых, вооруженным конфликтом на территории Южной Осетии и Абхазии. Оба события, очевидно, привели к серьезному пересмотру систем национальной безопасности России и Норвегии. Верхняя хронологическая рамка обосновывается международно-политическим кризисом 2022 г., также в значительной степени затронувшим вопросы безопасности в обоих государствах.

В ходе контент-анализа был осуществлен поиск по словам, связанным с безопасностью и угрозами. В табл. 1 представлен список слов на русском и норвежском языках, использованных в запросе. Учитывались также однокоренные слова. Мы исходили из того, что количество упоминаний слов, связанных с безопасностью, отражает степень секьюритизации документа.

Таблица 1. Список слов, связанных с безопасностью, на норвежском и русском языках

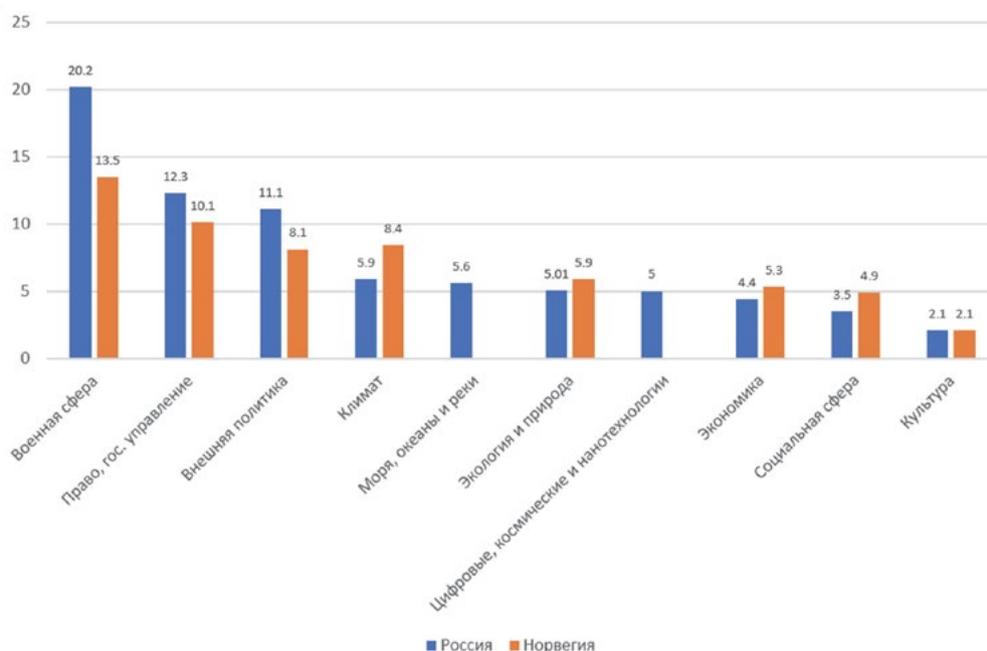
Норвежские слова	Русские слова
<i>Sikkerhet</i>	Безопасность
<i>Fare</i>	Риск
<i>Utfordring</i>	Вызов
<i>Trussel</i>	Угроза
<i>Sårbarhet</i>	Уязвимость
<i>Beskyttelse</i>	Защита
<i>Fare</i>	Опасность
<i>Stabilitet</i>	Стабильность

Источник: составлено авторами.

Российские и норвежские документы в ходе исследования были разделены на группы (сферы государственного управления) и подгруппы (различные области в рамках сфер государственного управления)¹⁶.

На гистограмме (рис. 1) представлены данные по количеству слов, связанных с безопасностью, на тысячу слов в российских и норвежских документах, поделенных на группы. В силу различий в системе государственного управления и стратегической культуре двух стран в Норвегии не выделялись сферы, связанные с морями, океанами и реками, а также с развитием цифровых, космических и нанотехнологий, так как этим направлениям не уделяется должного внимания в норвежском стратегическом планировании. Также следует отметить, что климат, экология и природа были объединены в одну сферу, однако, поскольку предмет исследования связан в первую очередь с климатической безопасностью, на гистограмме данные по климатическим документам выделяются в отдельную категорию; данные по экологии и природе объединены в категорию “экология”.

Рисунок 1. Количество слов, связанных с безопасностью, на 1000 слов в стратегических, доктринальных и концептуальных документах России и Норвегии

Источник: составлено авторами.

Исходя из степени секьюритизации рассматриваемых документов, иерархия угроз в России и Норвегии в целом совпадает. Исключение составляет только климатическая сфера, которая в Норвегии более секьюритизирована, чем внешняя политика, тогда как в России их положение относительно друг друга обратное. Кроме того, не считая военной сферы, права, государственного управления и внешней политики, практически все сферы более высоко секьюритизированы в Норвегии, чем в России, в том числе и климат.

Форма и содержание стратегических, доктринальных и концептуальных документов являются выражением национальной стратегической культуры. Поскольку для исследуемых государств характерна разная степень секьюритизации стратегической культуры, следует также представить нормированные данные¹⁷ по секьюритизации документов в России и Норвегии. Это необходимо для более корректного сравнения положения той или иной сферы

¹⁶ С исходными данными можно ознакомиться по ссылке: *Россия и Норвегия результаты контент-анализа*. Available at: <https://docs.google.com/spreadsheets/d/1T8mPXPcAo2uoO0Z4WGYiK1sW8YxjRAaE/edit?usp=sharing&oid=109621186082767425480&rtpof=true&sd=true> (accessed 30.05.2023).

¹⁷ Нормированные данные – это форма представления данных на едином интервале (в нашем случае от 0 до 1) таким образом, что сохраняется тот же относительный диапазон между отдельными показателями, что и до нормирования.

в иерархии угроз в разных странах. В данном случае использовалось нормирование методом мин-макс. Данные с сохранением интервала были представлены на множестве от 0 до 1 таким образом, что максимальное значение для каждой страны – 1, а минимальное – 0. В результате можно более корректно сравнить положение той или иной сферы или области в национальной иерархии угроз. Нормированные данные представлены в табл. 2.

Таблица 2. Степень секьюритизации стратегических, доктринальных и концептуальных документов России и Норвегии

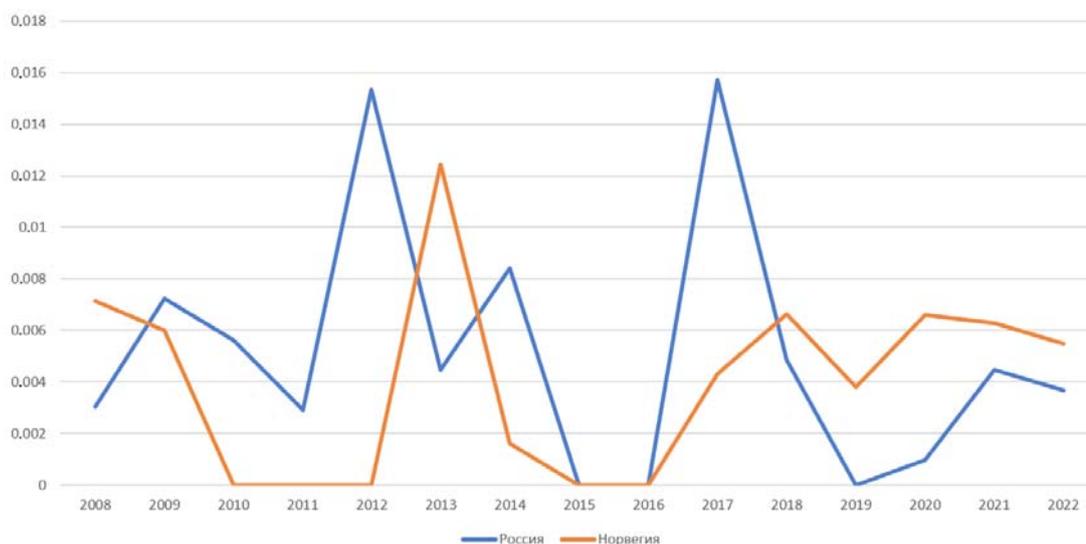
Сфера / область	Нормированные показатели	
	Россия	Норвегия
Военная сфера	1	1
Право, государственное управление, внутренняя безопасность	0.560908	0.703992
Внешняя политика	0.497973	0.524892
Климат	0.211461	0.551937
Моря, океаны и реки	0.194801	-
Экология	0.161931	0.330975
Цифровые, космические и нанотехнологии	0.161427	-
Экономика	0.126699	0.276779
Социальная сфера	0.077462	0.247783
Культура	0	0

Источник: составлено авторами.

Стоит обратить внимание на то, что разница между Россией и Норвегией в нормированных показателях по климатической сфере является наибольшей, что свидетельствует о серьезных различиях в положении этой сферы в национальных системах безопасности.

Наконец, необходимо оценить динамику секьюритизации климатических и экологических документов в России и Норвегии. На графике (рис. 2) представлены средние данные по годам по доле слов, связанных с безопасностью, в экологических и климатических документах. Годы, в течение которых не были опубликованы никакие документы, на графике отмечены нулем.

Рисунок 2. Динамика доли слов, связанных с безопасностью, в документах по климату, экологии и природе

Как следует из графиков, динамика секьюритизации климатической и экологической областей в целом совпадает в обоих государствах. Обращает на себя внимание и то, что она так или иначе связана с целым рядом поворотных внешнеполитических событий. В частности, не считая 2017 г., когда в России была принята Стратегия экологической безопасности, после 2014 г. наблюдается резкое снижение секьюритизации климатических и экологических документов, что, вероятно, связано с пересмотром системы национальной безопасности по итогам украинского кризиса. Помимо этого, в обеих странах отмечается рост уровня секьюритизации климата и экологии в 2017 г., что, вероятнее всего, является следствием подписания Парижского соглашения (и Россия, и Норвегия подписали его в 2016 г.), а также после 2019 г., что совпадает с периодом, непосредственно следующим за активизацией климатической политики Евросоюза с анонсированием “зеленого курса” в декабре 2019 г.

РЕЗУЛЬТАТЫ

По результатам контент-анализа следует отметить, что климатическая сфера секьюритизирована в Норвегии в большей степени, чем в России, а также расположена выше в иерархии угроз национальной системы безопасности. Этот вывод подтверждается данными проведенного контент-анализа (рис. 1 и табл. 2), которые демонстрируют, что норвежские климатические документы в целом секьюритизированы в большей степени, а относительно других сфер климат в Норвегии значительно более секьюритизирован, чем в России. Различия в уровне секьюритизации, соответственно, можно с высокой вероятностью считать одной из основных причин разницы в амбициозности климатической политики двух государств, поскольку угрозы, связанные с климатическими изменениями, в Норвегии оцениваются как более серьезные, чем в России. В общем и целом, в рамках логики секьюритизации ответ на вопрос о факторах, детерминирующих более высокий уровень амбициозности климатической политики Норвегии, является очевидным и подтверждается данными контент-анализа. Однако открытым остается вопрос о том, почему в России и Норвегии различается сама оценка угроз, связанных с климатическими изменениями. В этой связи мы предлагаем две линии аргументации, которые призваны помочь на него ответить.

Во-первых, следует обратить внимание на структуру иерархии угроз систем национальной безопасности России и Норвегии (рис. 1). Заметно, что помимо климата, социальная и экономическая сферы в Норвегии секьюритизированы больше, чем в России. Это, в свою очередь, частично идет вразрез с распространенным мнением о том, что фактор социально-экономического развития имеет важное и в некоторых случаях определяющее значение в определении степени амбициозности климатической политики [39; 40]. В логике секьюритизации можно было бы указать, что российская климатическая политика менее амбициозна по сравнению с норвежской потому, что социально-экономическое развитие является источником более явных и немедленных вызовов и угроз для России, чем климат. Однако такой подход не соответствует данным контент-анализа (рис. 1 и табл. 2); следовательно, объяснение разницы в амбициозности климатической политики Норвегии и России через фактор социально-экономического развития в конечном счете не затрагивает фундаментальных причин этих различий.

Далее следует обратить внимание на то, что сферы внешней политики, права и государственного управления, а также военная сфера в России более секьюритизированы, чем в Норвегии (рис. 1). Соответственно, для России на уровне стратегического планирования характерны более высокая чувствительность к угрозам, возникающим в этих сферах, и представление о том, что именно они нуждаются в более пристальном внимании со стороны государства. На наш взгляд, это напрямую связано с объективным положением России и Норвегии в современной структуре международных отношений. Россия является великой державой; для поддержания и укрепления своего положения в относительном распределении силы в рамках международной системы ей необходимо постоянно наращивать свой силовой потенциал, что и определяет степень восприятия угроз в сфере обороны. Уровень секьюритизации внешней политики в России также во многом связан с ее великодержавным статусом и географическим

положением. Российская внешняя политика в большей степени, чем норвежская, сопряжена с соперничеством, в первую очередь с другими великими державами. Норвегия же является малой державой и не сталкивается с необходимостью непрерывно поддерживать и наращивать силовой потенциал. Будучи в дополнение к этому членом НАТО, она фактически решает задачи обеспечения жесткой безопасности через военно-политическое сотрудничество с США.

Все эти объективные реалии отражаются на различиях в восприятии угроз в сферах обороны и внешней политики. Иными словами, взаимосвязь великодержавности и климатической политики выглядит следующим образом: Россия, будучи великой державой, вынуждена уделять больше внимания сферам, которые тесно связаны с жесткой безопасностью, в то время как Норвегия в значительно меньшей степени сталкивается с проблематикой ее обеспечения и может позволить себе больше вовлекаться в вопросы, связанные с изменением климата. Корректность этой логики также подтверждается данными о динамике трансформации уровня секьюритизации климата и экологии (рис. 2). В частности, после осложнения международно-политической ситуации в результате украинского кризиса 2014 г. фиксируется снижение степени секьюритизации климата и экологии для обоих государств, поскольку этот процесс вызвал переоценку иерархии угроз в сторону вопросов более жесткой безопасности.

Следует также обратить внимание на взаимосвязь всего вышесказанного с понятием “экологической силы”. Как уже было обозначено, Россия располагает значительным потенциалом в этой области и является экологической великой державой. Однако обладание большим количеством “экологической силы” напрямую не меняет положение страны в относительном распределении силы в рамках международной системы. В результате возникает своеобразное противоречие, поскольку для традиционных великих держав климатическая и экологическая политика практически никогда не является первым приоритетом, и, как следствие, потенциал “позитивной экологической силы” не реализуется в полной мере. В данном контексте показательной является трансформация климатической политики США в период президентства Д. Трампа. США, безусловно, располагают значительным потенциалом в области экологической безопасности и весомой “экологической силой”. Более того, объективный набор угроз национальной безопасности и их структура не изменились ни при переходе от Б. Обамы к Д. Трампу, ни при его смене Дж. Байденом на посту президента. Вместе с этим по идеологическим соображениям менялась степень секьюритизации климатических изменений, которая и оказывала влияние на амбициозность климатической политики США. При этом более высокая степень секьюритизации климатических рисков при демократических администрациях также имеет международное измерение, поскольку связана с поддержанием идеологического единства в рамках трансатлантического взаимодействия.

Другая причина различий в амбициозности климатической политики России и Норвегии также лежит в международно-политической плоскости и связана с положением Норвегии в системе международных отношений. Как было отмечено, Норвегия является малой державой и, как следствие, в ходе формулирования своей политики в значительной степени зависит от других центров силы, в первую очередь от Европейского союза. Такое положение находит отражение в ее стратегическом планировании, в том числе в области климата. Норвежские климатические документы более ориентированы на глобальный уровень, подчеркивают связанные с изменением климата угрозы для всего человечества; целый ряд их напрямую связан с международным измерением¹⁸. Европейское направление внешней политики Норвегии является основным: она входит в Европейскую экономическую зону, принимает участие в европейских климатических режимах и в результате в значительной степени вынуждена следовать в фарватере европейской климатической политики. Это и находит отражение в динамике трансформации ее уровня секьюритизации экологии и климата (рис. 2). В частности, с

¹⁸ *Regjeringens strategi for de internasjonale klimaforhandlingene*. Regjeringen. Available at: <https://www.regjeringen.no/contentassets/d8afcae795ca49d38522f19438e5448d/t-1536.pdf> (accessed 28.09.2022); *Norges strategi for internasjonalt samarbeid for reform av subsidier til fossile brensle*. Regjeringen. Available at: <https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/ud/vedlegg/klima/strategi-reform-subsidier-fossile-brenslar.pdf> (accessed 28.09.2022).

активизацией европейской климатической политики в 2019 г. фиксируется рост уровня секьюритизации экологических и климатических документов в Норвегии.

Вместе с тем нельзя утверждать, что российская климатическая политика полностью изолирована от международного контекста в целом и от европейской политики в частности. Россия, формулируя свою политику в области климата, также реагирует на действия европейских стран (особенно ярким примером здесь стала реакция на планирование ЕС механизма пограничной углеродной корректировки (*Carbon border adjustment mechanism, CBAM*)), а динамика секьюритизации климатических и экологических документов в России также, как и в случае Норвегии, отражает связь с активизацией европейской климатической политики (рис. 2). Тем не менее по форме и содержанию эта реакция отличается от норвежской: если Норвегия позиционирует себя как часть европейских климатических усилий и интегрируется в институты климатического регулирования, создаваемые ЕС, то Россия воспринимает европейскую климатическую политику в качестве вызова экономической и энергетической безопасности и соответствующим образом реагирует на нее. Таким образом, если Норвегия де-факто перенимает ЕС секьюритизацию климатических угроз, то Россия, будучи намного более самостоятельным актором международного сообщества, секьюритизирует саму климатическую политику ЕС.

Россия – не единственное государство, для которого характерна такая тенденция: восприятие международных и в первую очередь европейских мер в качестве протекционистских и угрожающих как минимум национальной экономической безопасности и существующим принципам международной торговли в той или иной мере характерно для всех государств БРИКС¹⁹. Последние в целом занимают особую позицию в международном климатическом управлении [41] вследствие схожести интересов, заключающихся в приоритетности социально-экономического роста и технологического развития даже в условиях необходимости повышения климатических амбиций [19]. Соответственно, несмотря на то, что о возможности создания оформленного “климатического клуба” БРИКС на данный момент говорить преждевременно, этот процесс, как и появление других подобных региональных и межрегиональных объединений, может быть ускорен именно такими мерами, как европейский *CBAM*, которые рассматриваются “третьими” для Евросоюза странами в качестве угрозы различным аспектам их безопасности.

ВЫВОДЫ

В контексте нашего исследования следует подчеркнуть и ограничения примененной методологии, которые не могут быть устранены без помощи качественного анализа. Главным здесь является то, что количественный анализ не вполне четко отражает всю сложность процессов секьюритизации в сфере климата в России и Норвегии. Подсчет количества слов, связанных с безопасностью, не дает понимания о контексте, в котором они употребляются, и не учитывает то обстоятельство, что понятия безопасности в рассматриваемых государствах могут фундаментально различаться.

Так, трактовка климатической безопасности в том виде, в котором она была концептуализирована выше, характерна в чистом виде только для норвежских стратегических документов. В российских нормативных правовых актах она в значительной мере смешивается с секьюритизацией “зеленой угрозы”: активизация процессов глобальной низкоуглеродной трансформации и расширение масштабов зарубежных мер климатического регулирования воспринимаются в качестве вызовов и угроз экономической и энергетической безопасности²⁰, поскольку Российская Федерация как крупный экспортер

¹⁹ Пекинская декларация XIV саммита БРИКС. Президент России. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/5819> (accessed 28.09.2022).

²⁰ Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 “О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года”. Президент России. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921> (accessed 30.05.2023); Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2019 № 216 “Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации”. Официальный интернет-портал правовой информации. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201905140010> (accessed 30.05.2023).

ископаемых видов топлива стремится на максимально долгий срок сохранить данную роль в мировой энергетической политике²¹.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. указывает на то, что мировые процессы декарбонизации могут использоваться как предлог для ограничения доступа РФ к международным экспортным рынкам и к транспортным маршрутам, а также сдерживать промышленный рост страны и ее усилия по развитию Арктической зоны. Таким образом, глобальный “зеленый переход” прямо секьюритизируется в ключевом стратегическом документе России, относящемся к безопасности, в то время как климатические изменения в нем же воспринимаются как угроза только косвенно – через повышение рисков чрезвычайных ситуаций и негативное воздействие на хозяйственную деятельность и условия жизни человека²².

Напрямую изменение климата определено как угроза в Климатической доктрине РФ и в Стратегии развития Арктической зоны и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г.²³, в то время как энергетический переход и иные измерения глобального низкоуглеродного развития секьюритизируются в намного большем количестве документов. Соответственно, многие слова, связанные с безопасностью, которые были учтены в контент-анализе документов климатической сферы, на деле относятся к этому “другому” виду климатической секьюритизации, свидетельствующему скорее о низкой мотивированности государства в плане климатической амбициозности. В этой связи можно предположить, что реальный уровень секьюритизации климатических изменений в России несколько меньше, чем отражено в результатах контент-анализа. Стоит отметить, что в исследованных норвежских документах секьюритизация глобальных тенденций к декарбонизации практически или полностью отсутствует.

В других рассмотренных сферах понимание концепции безопасности Россией и Норвегией также может различаться. Так, в ключевой для исследования сфере внешней политики российские документы так или иначе сосредоточены на продвижении ее национальных интересов, будь то в области традиционной дипломатии или культуры. Соответственно, российские стратегии, доктрины и концепции государствоцентричны и отражают реалистическую основу российского внешнеполитического мышления. В норвежских документах в этой сфере наблюдается характерная для либеральной парадигмы человекоориентированность, то есть многие из них посвящены не государственным интересам, а проблемам отдельных общественных групп (например, женщин) или зарубежных регионов.

Кроме того, если российские документы акцентируют внимание преимущественно на проблемах, непосредственно относящихся к РФ, то норвежские зачастую затрагивают далекие от нее как в географическом, так и в политическом плане вопросы гуманитарной помощи, голода, бедности, вооруженных конфликтов в развивающихся государствах и т.д., причем, как правило, именно такие стратегии и концепции наиболее секьюритизированы вследствие высокой остроты соответствующих им проблем.

Схожая ситуация наблюдается, например, и в сфере труда и инклюзивности. В норвежских документах по данным вопросам можно отметить значительный уклон в сторону вопросов разнообразия (норв. *mangfold*), расы, этничности, религии, демократии, прав человека, равенства, социальной интеграции мигрантов, гражданского общества и иных схожих аспектов. Эта тематика создает повышенный уровень секьюритизации, значительно отличающийся от российского. В соответствующих нормативных правовых документах в России практически или полностью отсутствует такой набор угроз, а основной проблематикой является

²¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 09.06.2020 № 1523-р “Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года”. Официальный интернет-портал правовой информации. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006110003> (accessed 30.05.2023).

²² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 09.06.2020 № 1523-р “Об утверждении Энергетической стратегии ...». Указ. соч.

²³ Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 № 645 “О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года”. Президент России. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (accessed 30.05.2023).

трудовое право, рынок труда, система квалификации работников и иные вопросы, в которых уровень секьюритизации невысок, так как они не являются причинами острых социальных и политических противоречий. В других сферах, относящихся к социальной политике и социально-экономическому развитию, прежде всего в здравоохранении и демографии, также выявляется качественно различный набор угроз, который обуславливает различный уровень их секьюритизации и делает их менее сравнимыми в межстрановом разрезе.

Проблема сравнимости двух страновых кейсов заставляет вернуться к рассмотрению климатической сферы с точки зрения ее законодательного и институционального оформления в России и Норвегии. В Норвегии в дополнение к принятому европейскому климатическому регулированию существует национальный закон об изменении климата²⁴, согласно которому правительство должно ежегодно отчитываться парламенту о состоянии и прогрессе в области достижения климатических целей. Российская климатическая политика, в свою очередь, выстраивается во многом под эгидой исполнительной ветви власти, преимущественно Минэкономразвития и Администрации президента, где ведущую роль играет советник президента по вопросам изменения климата. Роль парламента проявляется в основном в процессе окончательного формулирования и утверждения федеральных законов, которыми регулируется только часть общей рамки климатической политики (большинство законодательных актов, в том числе стратегий и концепций, представляют собой либо указы президента, либо, в качестве наиболее распространенной формы, постановления и распоряжения правительства и отдельных министерств и ведомств).

Данная формальная организационная разница обуславливает некоторые недостатки сравнимости двух систем. Одновременно эти отличия свидетельствуют о большей степени секьюритизации норвежской климатической политики в том числе потому, что она значительно более подконтрольна представительному органу власти и, соответственно, является неотъемлемой частью мейнстримной политической повестки, выступает предметом межпартийной политической борьбы и общественной озабоченности, тогда как уровень осознания самим норвежским обществом климатических угроз достаточно высок (только 2.4% населения сомневаются в том, что изменение климата происходит, 69.4% верят в его антропогенный характер)²⁵, и является одним из важных компонентов, определяющих политические предпочтения граждан [42; 43]. В России секьюритизация климатических изменений на общественном уровне не столь высока, в связи с чем репрезентация климатических опасений граждан в повседневной политической повестке и в парламенте не входит в число первостепенных запросов населения. Напротив, ключевыми для россиян в сфере экологии и климата являются локальные и общестрановые экологические проблемы (утилизация отходов, загрязнение водоемов и воздуха), в то время как в существование глобальных климатических изменений в принципе не верит 9% населения²⁶, а 40% считают эту проблему надуманной и преувеличенной²⁷.

Наконец, с вопросом различий в подходах к выстраиванию климатической политики России и Норвегии связана роль, отводимая в обоих государствах поглощающей способности экосистем, в первую очередь лесов. Российская стратегия социально-экономического развития с низким уровнем выбросов парниковых газов²⁸ предполагает, что на пути достижения углеродной нейтральности, запланированного к 2060 г., необходимо увеличить объемы поглощения парниковых газов экосистемами на 124.3% к 2050 г. по сравнению с 2019 г. Поскольку поглощения учитываются в формировании итогового показателя нетто-

²⁴ *Lov om klimamål (klimaloven)*, LOV-2017-06-16-60. Lovdata. Available at: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2017-06-16-60> (accessed 28.09.2022).

²⁵ Kjørstad E., Bazilchuk N. *Most Norwegians Think They Have a Responsibility to Cut Greenhouse Gas Emissions*. Sciencenorway.no. 20.01.2020. Available at: <https://sciencenorway.no/climate-climate-change/most-norwegians-think-they-have-a-responsibility-to-cut-greenhouse-gas-emissions/1620122> (accessed 28.09.2022).

²⁶ *Экология: общая ситуация и острые проблемы*. Фонд общественного мнения. Available at: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14659> (accessed 28.09.2022).

²⁷ *Изменение климата и как с ним бороться*. ВЦИОМ. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/izmenenie-klimata-i-kak-s-nim-borotsya> (accessed 28.09.2022).

²⁸ *Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.10.2021 № 3052-р. "Об утверждении стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года"*. Правительство России. Available at: <http://static.government.ru/media/files/ADKkCzp3fWO32e2yA0BhtlpyzWfHaiUa.pdf> (accessed 28.09.2022).

выбросов, для достижения поставленной на 2050 г. цели потребуется сократить выбросы “в чистом виде” примерно на 13.5%. Таким образом, поглощающая способность лесов становится одной из ключевых опор стратегии декарбонизации в России. В Норвегии, в свою очередь, с 2017 г. наблюдается планомерное снижение этих показателей, которое, по прогнозам, продолжится до 2050 г. и сменится ростом только в последующий период²⁹, то есть когда страна уже, согласно планам, достигнет углеродной нейтральности. Соответственно, поглощения не будут играть значимой роли в процессе низкоуглеродной трансформации в Норвегии; в ключевых норвежских документах, посвященных климатической политике, лесам не отводится особой роли. Такие различия двух государств отражаются и в том, что в России выделяется отдельный корпус документов по чрезвычайным ситуациям, среди которых важнейшее место занимают лесные пожары. В этих документах по результатам контент-анализа наблюдается достаточно высокий уровень секьюритизации, что подтверждает высокую значимость лесного фонда как в российских планах по декарбонизации, так и в государственном стратегическом планировании в целом. В то же время в Норвегии отдельные документы, посвященные чрезвычайным ситуациям, отсутствуют, что также косвенно свидетельствует об относительно меньшей значимости лесных ресурсов в системе государственных приоритетов по сравнению с Россией.

В результате мы приходим к выводу о том, что одну из ключевых ролей в определении уровня амбициозности климатической политики играют вопросы безопасности – в частности, субъективная оценка вызовов и угроз, связанных с климатом, для национальной безопасности государства, выражающаяся в степени секьюритизации климатической сферы. Однако на эту субъективную оценку прямое влияние оказывают объективные факторы, которые и определяют приоритетность климатических проблем в иерархии угроз системе национальной безопасности. В контексте сравнительного анализа России и Норвегии наиболее значимую роль играют различия в положении стран в структуре международных отношений. Роль России в международном сообществе требует от нее уделять значительно большее внимание вопросам военной и международной безопасности, определяя таким образом периферийное внимание к климатической безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Falkner R., Nasiritousi N., Reischl G. Climate Clubs: Politically Feasible and Desirable? *Climate Policy*, 2021, vol. 22, no. 4, pp. 480-487. DOI: 10.1080/14693062.2021.1967717
2. Buzan B., Falkner R. Great Powers and Environmental Responsibilities: A Conceptual Framework. *Great Powers, Climate Change, and Global Environmental Responsibilities*. Falkner R., Buzan B., eds. Oxford University Press, 2022, pp. 14-48. DOI: 10.1093/oso/9780198866022.003.0002
3. Bull H. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. Macmillan Press, 1995. 329 p.
4. Buzan B., Falkner R. The Emergence of Environmental Stewardship as a Primary Institution of Global International Society. *European Journal of International Relations*, 2019, vol. 25, no. 1, pp. 131-155. DOI: 10.1177/1354066117741948
5. Cui Sh., Buzan B. Great Power Management in International Society. *The Chinese Journal of International Politics*, 2016, vol. 9, iss. 2, pp. 181-210. DOI: 10.1093/cjip/pow005
6. Falkner R. Global Environmental Responsibility in International Society. *The Rise of Responsibility in World Politics*. Hansen-Magnusson H., Vetterlein A., eds. Cambridge University Press, 2020, pp. 101-124. DOI: 10.1017/9781108867047.008
7. Brenton A. 'Great Powers' in Climate Politics. *Climate Policy*, 2013, vol. 13, no. 5, pp. 541-546. DOI: 10.1080/14693062.2013.774632
8. Bernstein S. The Absence of Great Power Responsibility in Global Environmental Politics. *European Journal of International Relations*, 2020, vol. 26, no. 1, pp. 8-32. DOI: 10.1177/1354066119859642
9. Allenby B.R. Environmental Security: Concept and Implementation. *International Political Science Review*, 2000, vol. 21, no. 1, pp. 5-21. DOI: 10.1177/0192512100211001
10. Detraz N., Betsill M.M. Climate Change and Environmental Security: For Whom the Discourse Shifts. *International Studies Perspectives*, 2009, vol. 10, no. 3, pp. 303-320. DOI: 10.1111/j.1528-3585.2009.00378.x

²⁹ Norway's National Plan related to the Decision of the EEA Joint Committee No. 269/2019 of 25 October 2019. Regjeringen. Available at: <https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/norways-national-plan-related-to-the-decision-of-the-eea-joint-committee-no-269-2019-of-26-october-2019/id2684252/> (accessed 28.09.2022).

11. Dyer H. Environmental Security and International Relations: the Case for Enclosure. *Review of International Studies*, 2001, vol. 27, no. 3, pp. 441-450. DOI: 10.1017/S0260210501004417
12. Dyer H.C. Environmental Security as a Universal Value: Implications for International Theory. *The Environment and International Relations*. Vogler J., Imber M.F., eds. London, Routledge, 1996, pp. 24-44.
13. Scott Ch.A., Thapa B. Environmental Security. *Oxford Bibliographies in Environmental Sciences*. Wohl E., ed. Oxford University Press, 2015. Available at: <https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780199363445/obo-9780199363445-0012.xml> (accessed 30.05.2023). DOI: 10.1093/OBO/9780199363445-0012
14. Litfin K.T. Constructing Environmental Security and Ecological Interdependences. *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*, 1999, vol. 5, iss. 3, pp. 359-377. DOI: 10.1163/19426720-00503005
15. Trombetta M.J. Environmental Security and Climate Change: Analysing the Discourse. *Cambridge Review of International Affairs*, 2008, vol. 21, no. 4, pp. 585-602. DOI: 10.1080/09557570802452920
16. Barnett J. Security and Climate Change. *Global Environmental Change*, 2003, vol. 13, no. 1, pp. 7-17. DOI: 10.1016/S0959-3780(02)00080-8
17. Barnett J. *The Meaning of Environmental Security: Ecological Politics and Policy in the New Security Era*. London, Zed Books, 2001. 192 p.
18. Averchenkova A. Great Power Ambitions and National Interest in Russia's Climate Change Policy. *Great Powers, Climate Change, and Global Environmental Responsibilities*. Falkner R., Buzan B., eds. Oxford University Press, 2022, pp. 164-185.
19. Ковалев Ю.Ю., Поршнева О.С. Страны БРИКС в международной климатической политике. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 2021, т. 21, № 1, сс. 64-78. [Kovalev Yu.Yu., Porshneva O.S. BRICS Countries in International Climate Policy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2021, vol. 21, no. 1, pp. 64-78 (In Russ.)]. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-64-78
20. Amusan L., Oluwole O. Addressing Climate Change in Southern Africa: Any Role for South Africa in the Post-Paris Agreement? *India Quarterly: A Journal of International Affairs*, 2016, vol. 72, no. 4, pp. 395-409. DOI: 10.1177/0974928416671592
21. Ide T. Recession and Fossil Fuel Dependence Undermine Climate Policy Commitments. *Environmental Research Communications*, 2020, vol. 2, no. 10, 101002. DOI: 10.1088/2515-7620/abbb27
22. Johnsson F., Kjærstad J., Rootzén J. The Threat to Climate Change Mitigation Posed by the Abundance of Fossil Fuels. *Climate Policy*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 258-274. DOI: 10.1080/14693062.2018.1483885
23. Lachapelle E., Paterson M. Drivers of National Climate Policy. *Climate Policy*, 2013, vol. 13, iss. 5, pp. 547-571. DOI: 10.1080/14693062.2013.811333
24. Peszko G., Mensbrugge D. van der, Golub A. *Diversification and Cooperation Strategies in a Decarbonizing World. Policy Research Working Paper 9315*. World Bank Group. Climate Change Global Practice, Environment and Natural Resources Global Practice. July 2020. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/34056/Diversification-and-Cooperation-Strategies-in-a-Decarbonizing-World.pdf?sequence=4&isAllowed=y> (accessed 28.09.2022).
25. Piggot G., Erickson P., Asselt H. van, Lazarus M. Swimming Upstream: Addressing Fossil Fuel Supply Under the UNFCCC. *Climate Policy*, 2018, vol. 18, no. 9, pp. 1189-1202. DOI: 10.1080/14693062.2018.1494535
26. Tørstad V., Sælen H., Bøyum L.S. The Domestic Politics of International Climate Commitments: Which Factors Explain Cross-country Variation in NDC Ambition? *Environmental Research Letters*, 2020, vol. 15, no. 2, 024021. DOI: 10.1088/1748-9326/ab63e0
27. Busby J.W. Beyond Internal Conflict: The Emergent Practice of Climate Security. *Journal of Peace Research*, 2021, vol. 58, no. 1, pp. 186-194. DOI: 10.1177/0022343320971019
28. Lamain C. Conflicting Securities: Contributions to a Critical Research Agenda on Climate Security. *Globalizations*, 2022, vol. 19, no. 8, pp. 1-16. DOI: 10.1080/14747731.2022.2057093
29. McDonald M. Discourses of Climate Security. *Political geography*, 2013, vol. 33, no. 1, pp. 42-51. DOI: 10.1016/j.polgeo.2013.01.002
30. Floyd R. Global Climate Security Governance: a Case of Institutional and Ideational Fragmentation. *Conflict, Security & Development*, 2015, vol. 15, no. 2, pp. 119-146. DOI: 10.1080/14678802.2015.1034452
31. Mirumachi N., Sawas A., Workman M. Unveiling the Security Concerns of Low Carbon Development: Climate Security Analysis of the Undesirable and Unintended Effects of Mitigation and Adaptation. *Climate and Development*, 2020, vol. 12, no. 2, pp. 97-109. DOI: 10.1080/17565529.2019.1604310
32. Warner J., Boas I. Securitization of Climate Change: How Invoking Global Dangers for Instrumental Ends Can Backfire. *Environment and Planning C: Politics and Space*, 2019, vol. 37, no. 8, pp. 1471-1488. DOI: 10.1177/2399654419834018
33. Müller W., Kruse S. Modes of Drought Climatization: A Frame Analysis of Drought Problematization in Germany Across Policy Fields. *Environmental Policy and Governance*, 2021, vol. 31, no. 5, pp. 546-559. DOI: 10.1002/eet.1954
34. Aktürk G., Dastgerdi A.S. Cultural Landscapes under the Threat of Climate Change: A Systematic Study of Barriers to Resilience. *Sustainability*, 2021, vol. 13, no. 17, 9974. DOI: 10.3390/su13179974
35. Mkonda M.Y. Stakeholders' Engagement in the Process of Adapting to Climate Change Impacts. A Case of Central Tanzania. *Management of Environmental Quality: An International Journal*, 2022, vol. 33, no. 4, pp. 975-990. DOI: 10.1108/MEQ-11-2021-0258
36. Levy M.A. Is the Environment a National Security Issue? *International Security*, 1995, vol. 20, no. 2, pp. 35-62. DOI: 10.2307/2539228

37. Barnett J., Matthew R.A., O'Brien K. Global Environmental Change and Human Security. *Globalization and Environmental Challenges*. Brauch H.G., ed. Berlin, Heidelberg, Springer, 2008, pp. 355-361.
38. O'Brien K. Are We Missing the Point? Global Environmental Change as an Issue of Human Security. *Global Environmental Change*, 2006, vol. 16, no. 1, pp. 1-3. DOI: 10.1016/j.gloenvcha.2005.11.002
39. Степанов И.А., Агикян Н.Д., Музыченко Е.Э. От чего зависит амбициозность климатической политики разных стран. *Вестник международных организаций*, 2021, т. 16, № 4, сс. 57-79. [Stepanov I.A., Agikyan N.D., Muzychenko E.E. What Determines the Ambitiousness of Climate Policy in Different Countries? *International Organisations Research Journal*, 2021, vol. 16, no. 4, pp. 57-79. (In Russ.)] DOI: 10.17323/1996-7845-2021-04-03
40. Schmitz H. Who Drives Climate-relevant Policies in the Rising Powers? *New Political Economy*, 2017, vol. 22, no. 5, pp. 521-540. DOI: 10.1080/13563467.2017.1257597
41. Xiao K. The BRICS Countries and International Cooperation on Climate Change. *The BRICS Studies: Theories and Issues*, 1st ed. Xiujun X., ed. New York, Routledge, 2020, pp. 196-214.
42. Aardal B., Bergh J. The 2021 Norwegian Election. *West European Politics*, 2022, vol. 45, no. 7, pp. 1522-1534. DOI: 10.1080/01402382.2022.2062136
43. Oseland S.E. Lifting the Fog of Oil? Exploring the Framing of Ambitious Local Climate Politics in an Oil City. *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, 2022, vol. 104, no. 4, pp. 327-340. DOI: 10.1080/04353684.2021.2020674

ЭКСПАНСИЯ КИТАЯ В УЗБЕКИСТАН: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Памяти моего друга
Алексея Всеволодовича Малашенко

© РОГОЖИН А.А., 2023

РОГОЖИН Александр Александрович, кандидат экономических наук, руководитель группы экономических проблем Центра проблем развития и модернизации. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (rogojine@mail.ru), ORCID: 0000-0002-0736-3184

Рогожин А.А. Экспансия Китая в Узбекистан: экономический аспект. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2023, № 2, сс. 43-56. DOI: 10.20542/afij-2023-2-43-56

DOI: 10.20542/afij-2023-2-43-56

EDN: QIIBOL

УДК: 339:(575+510)

Поступила в редакцию 21.03.2023.
После доработки 18.07.2023.
Принята к публикации 22.08.2023.

Анализ экономической экспансии Китайской Народной Республики в Узбекистан важен с точки зрения экономических интересов России, ибо Китай, несомненно, является ее главным конкурентом на узбекском рынке. В работе предпринята попытка обнаружить основные фактологические и в первую очередь статистические параметры, характеризующие деятельность КНР на данном направлении. Определены ее основные цели и векторы, дан анализ позиций Китая в экономике Узбекистана и прежде всего во внешнеэкономической сфере.

На основании статистических данных установлено, что торговые операции Узбекистана с КНР в XXI в. имели постоянно нарастающее отрицательное сальдо, что неблагоприятно сказывалось на узбекской экономике. Инвестиционное сотрудничество между странами складывалось более удачно, однако объем прямых китайских инвестиций пока довольно скромнен. На основании проведенного мониторинга участия китайских компаний в экономике Узбекистана выявлено, что наибольший интерес у китайских инвесторов вызывают вложения в предприятия нефтегазовой, химической, текстильной, электроэнергетической, цементной, угольной отраслей, а также в сельское и водное хозяйство, логистику. Установлено, что инвестиционный климат в Узбекистане вполне благоприятен для компаний из КНР, и они успешно противостоят главным конкурентам из России, Турции, Германии, Южной Кореи, Саудовской Аравии.

Ключевые слова: Узбекистан, Китай, китайская экономическая экспансия, взаимная торговля, инвестиционное сотрудничество, прямые иностранные инвестиции, Центральная Азия.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования.

**CHINA'S EXPANSION INTO UZBEKISTAN:
THE ECONOMIC ASPECT**

Received 21.03.2023. Revised 18.07.2023. Accepted 22.08.2023.

Alexander A. ROGOZHIN (rogojine@mail.ru), ORCID: 0000-0002-0736-3184,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

The author believes that the analysis of China's economic expansion into Uzbekistan is important from the point of view of Russia's economic interests in this country, because China is undoubtedly its main competitor in the Uzbek market. The paper attempts to discover the main factual parameters and statistical ones in particular that characterize the economic expansion of the PRC into Uzbekistan. Its main goals and directions are determined, an analysis of China's positions in the economy of Uzbekistan and, above all, in the foreign economic sphere is given.

Based on statistical data, it was observed that trade operations of Uzbekistan with China in the 21st century had a constantly growing negative balance, which adversely affected the economy of Uzbekistan. Investment cooperation between the countries has evolved more favourably, but the volume of direct Chinese investment in Uzbekistan is still quite modest. Based on the monitoring of Chinese companies' participation in the economy of Uzbekistan, it was found that Chinese investors are most interested in investments in oil and gas, chemical, textile, electricity, cement, coal industries, as well as in agriculture and water management. It has been established that the investment climate in Uzbekistan for companies from China is quite favourable, and they successfully handle competition from Russia, Turkey, Germany, South Korea and Saudi Arabia.

Keywords: Uzbekistan, China, Chinese economic expansion, mutual trade, investment cooperation, foreign direct investment, Central Asia.

About the author: Alexander A. ROGOZHIN, Cand. Sci. (Econ.), Head of Group for Economic Problems, Center for Development and Modernization.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the author.

Funding: no funding was received for conducting this study.

ВВЕДЕНИЕ

В XXI в. в Центральной Азии¹ развернулась активная борьба за влияние между крупнейшими странами современного мира. Заметное место в ней занимает Китай, мотивирующий свои права на "особые" отношения с государствами этого региона давними историческими связями, традициями Великого шелкового пути, а в случае Казахстана и Киргизии – и общими границами. Наряду с интенсивным развитием политических и культурных связей со странами региона КНР осуществляет и энергичную экономическую экспансию. Одним из главных ее направлений стал Узбекистан. Анализ этого явления в рамках достаточно репрезентативного периода до сих пор не проводился ни в России, ни в Узбекистане.

Автором предпринята попытка обнаружить основные фактологические и, в частности, статистические параметры, характеризующие экономическую экспансию КНР в Узбекистан, выделив наиболее достоверные и информативные из них. К сожалению, имеющаяся фактологическая база нашего исследования по многим объективным и субъективным причинам не всегда достаточно релевантна, емка, измерима и достоверна.

¹ В данной статье автор рассматривает этот регион как совокупность государств постсоветской Средней Азии.

Например, имеющаяся внешнеторговая статистика позволяет определить масштабы китайско-узбекской торговли в целом, но сколько-нибудь полные данные о ее товарной структуре отсутствуют. Официальная статистика об отраслевой и фирменной структуре иностранных, в том числе китайских, прямых инвестиций в Узбекистане либо не публикуется, либо не ведется. Это вынудило нас обратиться к данным мониторинга (собственного и международной консалтинговой компании *Kosta Legal*), которые позволяют с большей или меньшей точностью определить основные сферы интересов китайского бизнеса в узбекской экономике.

Очевидно, что анализ экономической экспансии КНР в Узбекистан особенно важен с точки зрения экономических интересов России в этой стране, ибо Китай, несомненно, является ее главным конкурентом на узбекском рынке и будет всячески стремиться опередить РФ². Именно поэтому основной целью настоящего исследования автор определил анализ основных позиций в экономике Узбекистана КНР как главного конкурента России.

Тема китайско-узбекских отношений изучена мало и рассматривается в лучшем случае в историческом или политическом контекстах, иногда становится сюжетом для сообщений СМИ [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Экономические аспекты двустороннего сотрудничества, тем более в том фокусе, на котором сосредоточивается автор, практически не исследованы в российском научном поле.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ КИТАЯ В УЗБЕКИСТАНЕ

Анализ следует начать с определения основных целей китайской экономической экспансии в Узбекистан.

Во-первых, Китай заинтересован в обеспечении стабильности в Центральной Азии. КНР опасается как социально-политической турбулентности в регионе, так и распространения на его территорию экстремизма и террористических угроз из Афганистана и с Ближнего Востока. В связи с этим Китай концентрирует свои усилия на стабилизации обстановки в этой части Азии посредством содействия региональному экономическому развитию. Пекин исходит из представлений о том, что подобная политика нормализует ситуацию не только в Центральной Азии, но и опосредованно в самом Китае, а именно в пограничном Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). Полагая, что процветание на одной стороне границы способствует благополучию другой, Китай прикладывает усилия к созданию пояса стабильности вблизи СУАР.

Во-вторых, с конца 1990-х – начала 2000-х годов КНР, проходившая этап форсированного промышленного развития и нацеленная на диверсификацию источников импорта ресурсов (прежде всего углеводородов, урана, редкоземельных элементов), стала проявлять повышенную заинтересованность в получении доступа к природным ресурсам Центральной Азии. Этот интерес совпал по времени с обозначившимся в центральноазиатских странах стремлением диверсифицировать внешнеэкономические связи и экспортные маршруты. Комплементарность интересов Китая и стран Центральной Азии позволила сторонам расширить экономическое сотрудничество, однако не всегда оно оказывается взаимовыгодным.

В-третьих, Китай в наступившем веке стремился воспользоваться постепенным ослаблением экономических позиций своего главного конкурента в Центральной Азии – России, что в немалой степени было ускорено осложнением политических отношений между РФ и странами региона после начала специальной военной операции на Украине.

В-четвертых, КНР традиционно концентрировала свои экономические интересы в Центральной Азии на двух странах – Казахстане и Узбекистане. Именно они, по мнению

² В частности, только в 2022 г. России удалось вернуть первенство во внешней торговле Узбекистана с долей в товарообороте в 18.6% (доля КНР – 17.8%). В том же году Китай опередил Россию по объему прямых иностранных инвестиций в узбекскую экономику (2.5 млрд долл. против 2.1). Однако России пока удается сохранять первое место по накопленным в Узбекистане прямым иностранным инвестициям (20.3% против 16.4% у КНР).

Пекина, выглядели наиболее привлекательными в этом регионе с точки зрения имеющихся преимуществ. Казахстан и Узбекистан – главные партнеры Китая в Центральной Азии по двум причинам: 1) благодаря емкости рынков и дифференцированности спроса на них; 2) в силу более высокой платежеспособности экономик и населения Казахстана и Узбекистана по сравнению с другими странами региона.

Применительно к Узбекистану экономические интересы Китая в текущем десятилетии состоят, как нам представляется, в основном в следующем:

- обладание экспортным потенциалом по ряду товаров, в которых особо нуждается китайская экономика, в том числе в среднесрочной перспективе – уран, золото и хлопок, а в более удаленной – природный газ (в случае открытия в Узбекистане новых коммерчески значимых месторождений);
- наличие рынка сбыта для китайских товаров самой широкой номенклатуры – от промышленных изделий народного потребления до машинотехнической продукции; при этом в первую очередь учитываются два фактора: демографический – Узбекистан – самая населенная страна Центральной Азии (к началу 2023 г. – 35.6 млн чел.) и потенциал успешного экономического развития страны в ходе провозглашенных президентом Шавкатом Мирзиёевым реформ.

Хотя кризисные явления в мировой экономике и отчасти издержки специальной военной операции замедлили экономический рост во всем мире, узбекская экономика в 2022 г. развивалась вполне динамично: согласно данным Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике, прирост ВВП Узбекистана составил 5.7%³. Согласно прогнозу Азиатского банка развития, этот показатель в 2023 г. будет не менее 5%⁴. В 2022 г. ВВП Узбекистана оценивался в 80.4 млрд долл. К 2030 г. прогнозируется его рост до 100–160 млрд долл.⁵

О растущей привлекательности Узбекистана в плане торговли и инвестиций свидетельствуют и показатели индекса легкости ведения бизнеса (*2020 Ease of Doing Business Report*) в этой стране: в целом страна заняла в 2019 г. 69 место против 76 в 2018 г., что ближе всего к аналогичному показателю Индонезии (73) или Вьетнама (70)⁶. Наиболее ярким свидетельством интереса Китая к развитию торговых и инвестиционных отношений с Узбекистаном можно считать прежде всего договоренности, достигнутые 25 января 2021 г. в ходе саммита Китай – Центральная Азия между лидерами Узбекистана и КНР. Главы государств подтвердили свою решимость к дальнейшему укреплению отношений всестороннего стратегического партнерства, развитию сотрудничества как на двусторонней основе, так и в рамках инициативы “Пояса и пути”, а также Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в различных областях. Среди сфер сотрудничества – электронная торговля и цифровая логистика, “зеленые” технологии, альтернативная энергетика, инновации, борьба с COVID-19 и многое другое.

Совместное заявление, принятое по итогам этой встречи, положило начало новому этапу отношений между странами. Был дан старт формированию “дорожной карты” долгосрочного сотрудничества с Фондом Шелкового пути и мерам по продвижению стратегических проектов практического взаимодействия и расширению финансово-технического содействия Китая Узбекистану. По итогам саммита была подписана пятилетняя Программа торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества⁷. Намерения сторон подкрепило личное общение лидеров Китая и Узбекистана, что особенно ценится

³ Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике передан в введение узбекского президента с преобразованием в Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан в соответствии с указом от 21 декабря 2022 г. Данные по валовому внутреннему продукту (ВВП) Республики Узбекистан за 2018–2022 гг. см. на сайте агентства. Available at: <https://stat.uz/ru/press-tsen-tr/novosti-goskomstata/34029-yalpi-ichki-mahsulotni-ishlab-chiqarish-2022-yil-yanvar-dekabr-2> (accessed 26.01.2023).

⁴ GDP Growth Rate, 2022 Forecast. Asian Development Outlook 2022 Update. Asian Development Bank. Available at: <https://public.tableau.com/app/profile/asiandevelopmentbank/viz/ADOUUzbekistan/ComparativeADOU> (accessed 11.12.2022).

⁵ К 2030 году Узбекистан намерен довести ВВП до \$160 млрд. KUN.UZ, 14.07.2023. Available at: <https://kun.uz/ru/news/2023/07/14/k-2030-godu-uzbekistan-nameren-dovesti-vvp-do-160-mlrd> (accessed 20.07.2023).

⁶ Ease of Doing Business in Uzbekistan. Take-Profit.Org, 11.11.2019. Available at: <https://take-profit.org/en/statistics/ease-of-doing-business/uzbekistan/> (accessed 11.01.2023).

⁷ Лидеры Узбекистана и Китая выступили за дальнейшее укрепление отношений всестороннего стратегического партнерства. Президент Республики Узбекистан. 05.02.2022. Available at: <https://president.uz/ru/lists/view/4962> (accessed 03.03.2023).

на Востоке: в 2022 г. председатель КНР Си Цзиньпин посетил Узбекистан с государственным визитом (в 2017 г. президент Узбекистана Ш. Мирзиёев совершил аналогичный визит в Китай)⁸.

Договоренности были закреплены подписанием на саммите ШОС в Самарканде 15 сентября 2022 г. соглашений между Узбекистаном и КНР о торговом, инвестиционном и финансово-техническом сотрудничестве на общую сумму 15 млрд долл. США. Стороны конкретизировали направления и объекты торгово-экономического сотрудничества, в частности, обсудили вопросы электронной коммерции, реализации проектов в промышленности (в первую очередь в автопроме и “зеленой” энергетике), сельском хозяйстве, в сфере инфраструктуры, а также создания промышленных зон свободной торговли. Си Цзиньпин подчеркнул, что обеим странам необходимо “расширить энергетическое сотрудничество, совместно обеспечить безопасную эксплуатацию газопровода Китай – Центральная Азия и расширить сотрудничество в области новой энергетики с целью содействия новой модели многомерного энергетического сотрудничества”⁹. Реакция Узбекистана на это предложение была довольно сдержанной в связи с серьезными проблемами в национальном энергетическом секторе.

СФЕРА ТОРГОВЛИ

На протяжении нескольких лет Китай неизменно остается важным торговым партнером Узбекистана. По последним доступным данным, в 2021 г. его доля в объеме узбекского внешнеторгового оборота составила 17.7%¹⁰. Традиционно на торговлю с КНР приходилось 17–20% общего объема внешней торговли Узбекистана. В допандемийный период годовой объем двусторонней торговли увеличивался в среднем на 30–40%¹¹. В 2022 г. оборот взаимной торговли составил 7.5 млрд долл., и Китай планирует довести его до 10 млрд долл. уже к 2025 г.¹²

Анализ товарной структуры узбекско-китайской торговли крайне затруднен в связи с отсутствием необходимых статистических данных, что вполне объяснимо, поскольку значительную часть узбекского экспорта в Китай составляют товары, относимые к стратегическим. В первую очередь это уран и золото, в меньшей степени – хлопок и природный газ. Основу же китайских поставок в Узбекистан составляют машины, оборудование, промышленное сырье и готовые потребительские товары.

Однако целью анализа узбекско-китайских торговых операций является в первую очередь определение степени их выгодности для обеих сторон. Такого рода анализ требует, на наш взгляд, рассмотрения соответствующей статистики за достаточно репрезентативный период (23 года), что позволит избежать влияния погодных колебаний. Именно поэтому мы рассматриваем период с 2000 по 2022 гг. (табл. 1).

Таблица 1. Торговля Узбекистана с Китаем в 2000–2022 гг. (тыс. долл.)

Год	Экспорт	Импорт	Оборот	Сальдо для Узбекистана
2000	22 450	73 018	95 468	-50 568
2001	14 870	91 750	106 620	-76 881

⁸ Sharifli Y. Growing Importance of Uzbekistan for China. *Geopolitical Monitor*, 04.10.2022. Available at: <https://www.geopoliticalmonitor.com/growing-importance-of-uzbekistan-for-china> (accessed 04.10.2022).

⁹ *Uzbekistan Signs US\$15 Billion Worth of Agreements with China at SCO Summit*. Silk Road Briefing, 18.09.2022. Available at: <https://www.silkroadbriefing.com/news/2022/09/18/uzbekistan-signs-us15-billion-worth-of-agreements-with-china-at-sco-summit/> (accessed 11.10.2022).

¹⁰ Umarova N. *China and Uzbekistan: Investments, Projects, and Areas of Cooperation*. Central Asian Bureau for Analytical Reporting, 14.02.2022. Available at: <https://cabar.asia/en/china-and-uzbekistan-investments-projects-and-areas-of-cooperation> (accessed 14.02.2022).

¹¹ Cao Siqi, Xing Xiaojing. Beijing Will Turn New Glorious Page in Intl Olympic Movement History: Uzbek Diplomat. *The Global Times*, 27.01.2022. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202201/1250113.shtml> (accessed 30.01.2022).

¹² Sharifli Y. Op. cit.

2002	17 331	112 766	130 097	-95 436
2003	53 319	163 143	216 462	-109 823
2004	101 470	265 662	367 132	-164 193
2005	228 283	257 212	485 495	-28 929
2006	356 588	377 564	734 152	-20 976
2007	314 414	589 542	903 956	-275 128
2008	257 457	1 253 468	1 510 925	-996 011
2009	489 005	1 562 428	2 051 433	-1 073 423
2010	931 847	1 252 009	2 183 856	-320 162
2011	1 302 223	1 397 236	2 699 460	-95 013
2012	1 463 106	1 894 840	3 357 947	-431 734
2013	2 055 433	2 455 090	4 510 522	-399 657
2014	2 123 647	2 396 758	4 520 405	-273 111
2015	2 472 245	2 258 144	4 730 388	214 101
2016	1 999 267	2 254 298	4 253 565	-255 031
2017	2 025 482	2 728 741	4 754 223	-703 259
2018	2 875 389	3 558 143	6 433 532	-682 755
2019	2 528 750	5 108 629	7 637 379	-2 579 880
2020	1 937 053	4 501 217	6 438 270	-2 564 163
2021	2 529 091	4 923 421	7 452 512	-2 394 330
2022*	2 240 150	5 260 929	7 501 079	-3 020 779
Итого в 2000–2022 гг.	28 338 870	44 736 008	73 074 878	-16 397 138

Примечание: * – оценка.

Источник: составлено автором по данным Агентства статистики при Президенте Республики Узбекистан¹³.

В 2000–2022 гг. годовой товарооборот узбекско-китайской торговли увеличился в 78.5 раз – с 95.5 млн до 7.5 млрд долл. Данный показатель свидетельствует о высоком темпе прироста объема межстрановой торговли. Однако суммарно за тот же период экспорт Узбекистана в КНР составил 28.3 млрд долл., импорт из КНР – 44.7 млрд. Таким образом, суммарное отрицательное сальдо для Узбекистана в анализируемый период составило почти 16.4 млрд долл. Такие результаты свидетельствуют о том, что узбекско-китайская торговля в гораздо большей степени выгодна для Китая, чем для Узбекистана.

ИНВЕСТИЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Анализ статистических данных, характеризующих эту сферу узбекско-китайских экономических отношений, осложняется тем, что стороны по-разному отражают инвестиционные потоки. Во-первых, данные о прямых иностранных инвестициях (ПИИ), публикуемые в КНР и Узбекистане, расходятся из-за различий в системах учета. Во-вторых, нередко узбекская сторона явно завышает показатели притока инвестиций, включая в их состав не только собственно инвестиции, но и кредитование. Например, по итогам 2021 г. узбекская статистика объявила о притоке инвестиций из Китая в 9 млрд долл.: из этой суммы ПИИ составили всего 2.5 млрд, тогда как приток капитала в форме коммерческих кредитов и займов конкретным компаниям (в основном китайским или совместным с узбекским участием) достигал 6.5 млрд¹⁴. Между тем ПИИ и фирменное

¹³ Внешнеэкономическая деятельность. Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан. Available at: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/merchandise-trade> (accessed 02.02.2023)

¹⁴ Лидеры Узбекистана и Китая выступили... Указ. соч.

кредитование в форме краткосрочных и среднесрочных кредитов и займов – это совершенно разные финансовые механизмы, которые следует разграничивать.

В Узбекистане китайские государственные кредиты и займы направляются главным образом на финансирование проектов развития транспортной и иной инфраструктуры, включая строительство дорог, тоннелей, ТЭЦ, линий электропередач и прочих объектов. Они, как правило, обуславливаются выполнением ряда требований китайской стороны: привлечение к проектам компаний-подрядчиков из КНР, материалов, оборудования, рабочей силы. Во многих случаях это связано с тем, что принимающая сторона не располагает необходимыми собственными ресурсами для реализации кредитуемых объектов и не готова принять на себя возможные риски.

Таблица 2. Китайские прямые инвестиции в Узбекистан, 2000–2021 гг.

Год	Приток китайских ПИИ, всего (тыс. долл. США)	Приток ПИИ, всего (тыс. долл. США)	Доля КНР в притоке ПИИ (%)
2000	22 450	3 264 669	0.7
2001	14 870	3 170 422	0.5
2002	17 331	2 988 420	0.6
2003	53 319	3 725 012	1.4
2004	101 470	4 853 025	2.1
2005	228 283	5 408 797	4.2
2006	356 588	6 389 833	5.6
2007	314 414	8 991 475	3.5
2008	257 457	11 493 260	2.2
2009	489 005	11 771 282	4.2
2010	931 847	13 023 390	7.2
2011	1 302 223	15 021 321	8.7
2012	1 463 106	13 599 660	10.8
2013	2 055 433	14 322 656	14.4
2014	2 123 647	13 545 748	15.7
2015	2 472 245	12 507 382	19.8
2016	1 999 267	12 094 646	16.5
2017	2 025 482	12 553 739	16.1
2018	2 875 389	13 990 745	20.6
2019	2 528 750	17 458 688	14.5
2020	1 937 053	15 102 281	12.8
2021	2 529 091	16 662 804	15.2
Всего	26 098 720	231 939 236	11.3

Источник: рассчитано автором по данным Агентства статистики при Президенте Республики Узбекистан¹⁵.

Напротив, китайские прямые частные инвестиции (табл. 2) направляются преимущественно в сферу добычи природных ископаемых и на создание новых производственных мощностей, реже – на их модернизацию, и инвесторы принимают на себя все коммерческие риски.

В 2000–2021 гг. приток прямых инвестиций из Китая в Узбекистан возрос с 22.5 млн до 2.5 млрд долл., увеличившись в 113 раз. Совокупный объем китайских вложений в узбекскую экономику в форме прямых иностранных инвестиций в упомянутый период составил 26 млрд долл. Однако их доля совокупном притоке ПИИ в Узбекистан в рассматриваемый

¹⁵ *Внешнеэкономическая деятельность*. Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан. Указ. соч.

период составила всего 11.3%, хотя в отдельные годы достигала 19–20%. Активный прирост китайских прямых инвестиций в Узбекистан начался в 2011 г., достигнув пика в 2021 г. – 2.5 млрд долл. Ежегодный рост ПИИ КНР в эту страну колеблется в пределах 40–50%¹⁶.

Наибольший интерес у частных китайских инвесторов вызывают вложения в предприятия нефтегазовой, химической, текстильной, электроэнергетической, угольной отраслей, а также в сельское и водное хозяйство, логистику. В последние три года наиболее крупные инвестиции КНР в Узбекистане были заявлены в цементной промышленности: это вложения в строительство цементных заводов компании *Anhui Conch Cement* в Ахангаранском районе Ташкентской области (стоимостью 200 млн долл.), компании *Huaxin Cement* в Джизакской области (150 млн долл.) и компании *Hengyuan Cement* в городе Каттакурган Самаркандской области (до 420 млн долл. США)¹⁷.

Кроме того, китайских инвесторов привлекают различные специальные экономические зоны (СЭЗ) и индустриальные парки, строительство и управление недвижимостью (отели, торговые центры, жилищное строительство)¹⁸.

На территории Узбекистана работает более 1.9 тыс. китайских предприятий. В отличие от некоторых других стран Центральной Азии население Узбекистана не испытывает враждебности по отношению к инвесторам из Поднебесной. Опрос, проведенный организацией “Барометр Центральной Азии”¹⁹, показал, что 70% опрошенных узбеков в значительной мере доверяют китайским инвесторам и надеются в первую очередь на создание ими новых рабочих мест для местных жителей²⁰. Официальные власти и население все более настойчиво требуют от инвесторов из Китая скорректировать свою модель занятости в Узбекистане, предусматривающую импорт китайской рабочей силы, и обеспечить рабочими местами и интенсивным обучением профессиям местные кадры. Необходимость такого подхода осознают и сами инвесторы из КНР, которым приходится во все большей мере ощущать конкурентное давление со стороны предпринимателей не только из России, но и из Индии²¹. По состоянию на 1 января 2022 г. общее количество предприятий с иностранным участием в Узбекистане составило 13.7 тыс. Китайские компании (всего их 1927) вошли в первую пятерку иностранных инвесторов, уступив только компаниям с российским капиталом (2309). При этом количество предприятий с турецким капиталом составило 1882, казахстанским – 1067, а южнокорейским – 896²². Инвесторы из КНР не скрывают своего намерения занять лидирующие позиции в борьбе за узбекский рынок в самых разных его сегментах.

Проведенный нами анализ доступной информации о контрактах, обсуждаемых или заключенных китайскими инвесторами с узбекскими партнерами в период после 2019 г., позволил выделить круг отраслей, представляющих интерес для Китая, и совместных проектов, которые будут реализованы в основном в ближайшие два-три года²³. Учитывались только проекты малого и среднего масштаба, по которым уже определены потенциальные инвесторы / партнеры (табл. 3).

¹⁶ *Beijing Will Turn New Glorious Page...* Op. cit.

¹⁷ Fruitful Projects under BRI Boost Trade and Investment Between China and Central Asia. *The Global Times*, 27.01.2022. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202201/1250090.shtml> (accessed 27.01.2022).

¹⁸ Umarova N. Op. cit.

¹⁹ *The Central Asia Barometer Survey*, CAB – крупномасштабный исследовательский проект, предусматривающий проведение опросов общественного мнения два раза в год, с помощью которых оценивается социальная, экономическая и политическая ситуация в странах Центральной Азии.

²⁰ Durso J. Does the U.S. – Uzbekistan Dialogue Reflect America’s Blueprint for Central Asia? *Defense.info*, 27.12.2022. Available at: <https://defense.info/featured-story/2022/12/does-the-u-s-uzbekistan-dialogue-reflect-americas-blueprint-for-central-asia> (accessed 27.12.2022).

²¹ Schulz D. How India Can Broaden Its Relationships with Central Asia. *The Diplomat*, 10.12.2022. Available at: <https://thediplomat.com/2022/12/how-india-can-broaden-its-relationships-with-central-asia> (accessed 10.12.2022).

²² Turkey Establishes Most Companies in Uzbekistan in 2021. *The Sabah Daily*, 03.02.2023. Available at: <https://www.dailysabah.com/business/economy/turkey-establishes-most-companies-in-uzbekistan-in-2021> (accessed 04.02.2022).

²³ Uzbekistan – People’s Republic of China: Cooperative Projects. Report. *Mondaq*, 23.10.2019. Available at: <https://www.mondaq.com/government-contracts-procurement-ppp/856374/people39s-republic-of-china-cooperative-projects> (accessed 29.10.2022).

Таблица 3. Проекты с участием китайских компаний, согласованные с государственными органами или контролируемые государством учреждениями Узбекистана

	Потенциальный частный инвестор / партнер	Описание проекта	Стоимость (млн долл. США)	Начало работы над проектами	Ответственный госорган или контролируемое государством учреждение Узбекистана
Транспортный и логистический сектор					
1	<i>China Geo-Engineering Corporation, China XinXing Construction & Development Co., Ltd.</i> и другие компании	Реконструкция автомагистрали А 380 Гузар–Бухара–Нукус–Бейнеу	нет данных	С сентября 2019 г. идут переговоры	Министерство транспорта / Министерство инвестиций и внешней торговли
Энергетика					
2	<i>Liaoning Lide Investment Holding Company Corp</i>	Строительство ветряной электростанции мощностью 200 МВт	240	сентябрь–декабрь 2019 г. – начаты переговоры по цене электроэнергии	Министерство энергетики / Министерство финансов / власти Бухарской области / посольство в Китае
Телекоммуникационный и ИТ-сектор					
3	<i>Huawei Technologies Co., Ltd.</i>	Проекты по прямым контрактам между <i>JSC Uzbektelecom</i> и <i>Huawei Technologies Co., Ltd.</i> (расширение сетей и баз данных национального мобильного оператора)	107	Октябрь 2019 г. – исполнение кредитного соглашения между <i>JSC Uzbektelecom</i> и Нацбанком Узбекистана (заемные средства предоставлены Китайским банком развития) / проводятся исследования осуществимости проекта	Министерство информационных технологий и развития связи / Национальный банк / Министерство инвестиций и внешней торговли
4	<i>ZTE Corporation</i>	Проекты по прямым контрактам между <i>JSC Uzbektelecom</i> и <i>ZTE Corporation</i>	50.9	Октябрь 2019 г. – исследование осуществимости проекта	Министерство информационных технологий и развития связи / Министерство инвестиций и внешней торговли
5	<i>China Export & Credit Insurance Corporation (SINOSURE)</i>	Предоставление страхования проекта производства флот-стекла компанией <i>JSC Quartz</i>	нет данных	Октябрь 2019 г. – подготовка и подача документации и предоставление страхования	<i>Asaka Bank</i>
6	<i>Huawei Technologies Co., Ltd.</i>	Модернизация технического оборудования оператора для покрытия территории Узбекистана сетью интернет (подписан меморандум о взаимопонимании с <i>Universal Mobile Systems LLC</i>)	150	Декабрь 2019 г. – исследование осуществимости проекта / представление документов в <i>Export-Import Bank of China (Eximbank)</i> ; февраль 2020 г. – разработка кредитного соглашения и получение одобрения <i>Eximbank</i>	Министерство информационных технологий и развития связи / Министерство финансов

Легкая промышленность					
7	<i>Tianjin KMoiaiteng</i>	Создание отделения проектного института по разработке промышленных и гражданских объектов с последующей реализацией проектов строительства солнечных электростанций, производства материалов для электроники и фабрики по пошиву одежды	нет данных	Январь 2020 г. – исследование осуществимости проекта	Министерство инвестиций и внешней торговли / власти Ташкента / Ассоциация <i>Uzbek-baliqanoat</i>
8	<i>Shandong Wei Dewood Industry</i>	Создание производства оргалита и ДСП из камыша	30	Сентябрь 2019 г. – визит представителей компании, исследование потенциальных производственных площадок	власти Бухарской области / Министерство инвестиций и внешней торговли / посольство в Китае
9	<i>Hebei Cape of Good Hope Logistic Development Corporation</i>	Реализация ряда проектов в СЭЗ “Ангрен”: производство электрических пикапов, велосипедов, высококачественного строительного стекла; текстиль; производство медицинского оборудования; строительство лечебно-профилактического комплекса	нет данных	Январь 2020 г. – исследование осуществимости проектов	Министерство инвестиций и внешней торговли / власти Ташкентской области
10	<i>Chongqing Sunfeel Industrial Group Co., Ltd.</i>	Производство, переработка и выпуск конечной продукции из шелка; создание новых плантаций шелковичных деревьев; разведение шелковичного червя	нет данных	Январь 2020 г. – исследование осуществимости проекта	Министерство инвестиций и внешней торговли / власти Ташкентской области / Ассоциация <i>Uzbekbaliqanoat</i>
11	<i>Hua Zhen</i>	Производство патентованных игл для медицинских шприцев нового поколения; создание агрокластера с комплексом по производству кормов, разведению пекинских утки переработке мяса; строительство гостиничного комплекса	нет данных	Январь 2020 г. – исследование осуществимости проектов	Министерство инвестиций и внешней торговли / власти Ташкентской области
12	<i>Camel Group Co., Ltd.</i>	Производство свинцово-кислотных аккумуляторов и переработка отработанных аккумуляторов на территории СЭЗ “Ангрен”	нет данных	Декабрь 2019 г. – исследование осуществимости проекта	Администрация СЭЗ “Ангрен” / власти Ташкентской области
13	<i>Qingdao Tianyi Group Red Flag Textile Machinery Co., Ltd.</i>	Переработка хлопкового волокна и производство нити	нет данных	Февраль 2020 г. – исследование осуществимости проекта	Власти Наманганской области

14	<i>Beijing New Building Materials Public Limited Company</i>	Производство стройматериалов в Ферганской области	нет данных	Февраль 2020 г. – исследование осуществимости проекта	Власти Ферганской области
15	<i>Richland International Industrial Co. Ltd.</i>	Строительство промышленной зоны по добыче и переработке графита, а также выпуску конечной продукции в Бухарской области	500	2019 г. – геологоразведочные работы с участием китайских специалистов / получение лицензии	Власти Бухарской области / Госкомитет по геологии и минеральным ресурсам / Министерство инвестиций и внешней торговли / посольство в Китае
16	<i>Jiu Peng International Farm Co., Ltd.</i>	Создание плантаций кукурузы и перерабатывающего предприятия; выпуск крахмала и фармацевтической продукции из кукурузы	67	сентябрь 2019 г. – выделение земель; 2020 г. – импорт и монтаж оборудования	власти Бухарской области / Министерство инвестиций и внешней торговли / посольство в Китае
Сельское хозяйство					
17	<i>Good-Seed Technology Co., Ltd. u Zhongnongfa Seed Industry Group Co., Ltd.</i>	Внедрение китайских технологий выращивания риса	нет данных	Конец 2020 г.	Министерство сельского хозяйства
18	<i>Zhejiang Forest Rainbow Medical Co., Ltd.</i>	Выращивание скота с дальнейшей переработкой и продажей продукции на местном и международных рынках	3	Второй квартал 2020 г. – начало реализации проекта после регистрации компании	Госкомитет ветеринарии и развития животноводства / Министерство сельского хозяйства
19	<i>JHHEXIN</i>	Глубокая переработка внутренностей крупного и мелкого скота с последующим экспортом продукции в Китай	1	Второй квартал 2020 г. – начало реализации проекта после регистрации компании	Госкомитет ветеринарии и развития животноводства / Министерство сельского хозяйства
20	<i>Kingland Technology Co., Ltd.</i>	Производство систем капельной ирригации и компонентов теплиц	30	Ноябрь-декабрь 2019 г. – выделение земельного участка для строительства	
21	<i>Dalin Co., Ltd.</i>	Производство систем капельной ирригации	5	Октябрь 2019 г. – начало переговоров с компанией	
22	<i>Taonan Glorious Agricultural Co., Ltd.</i>	Развитие новых земель с использованием системы ирригации (дождевальное и капельное орошение)	25	Октябрь 2019 г. – начало переговоров с компанией	Агентство по развитию садоводства и тепличного сельского хозяйства Министерства сельского хозяйства
23	<i>Xinjiang Hengrui International Trade Co., Ltd. u I Chen Co.</i>	Создание кластера по выращиванию винограда на площади в 200 га в Ташкентской области	4	Октябрь 2019 г. – создание специальной компании	Агентство по развитию садоводства и тепличного сельского хозяйства Министерства сельского хозяйства
24	<i>Lyufeng Grand Cherry</i>	Создание совместного предприятия по производству саженцев черешни, а также созданию "интенсивных садов" в Ферганской области	1	Октябрь 2019 г. – начало переговоров с компанией	

25	<i>Henan Luoyang Wang Bang You Xuan Co., Ltd.</i>	Создание животноводческого кластера	29.7	Сентябрь 2019 г. – выделение земельного участка	Власти Бухарской области / Министерство инвестиций и внешней торговли / посольство в Китае
26	<i>Liaoning Zhenhan Group Co., Ltd.</i>	Создание совместного рыбоводческого кластера на озере Айдаркул	нет данных	Октябрь 2019 г. – начало переговоров с компанией	Государственный налоговый комитет / Министерство сельского хозяйства / Ассоциация <i>Uzbekbaliqsanoat</i> / Госкомитет по экологии и защите окружающей среды
Фармацевтика					
27	<i>Jiu Peng International Pharmaceutical</i>	Инвестиционный проект по производству нефасованных медикаментов	нет данных	Конец 2019 г. – согласование графика и условий переговоров	Власти Бухарской области / Министерство инвестиций и внешней торговли / посольство в Китае

Источник: составлено по данным консалтинговой компании *Kosta Legal*.²⁴

В 2022 г. в результате переговоров на высшем уровне Узбекистан и КНР приступили к ускоренной реализации нескольких крупных и, что особенно важно, наиболее актуальных для узбекской стороны проектов. Поскольку приоритетной для властей страны в настоящее время является энергетическая сфера, где основная задача – восстановление баланса между спросом и предложением энергоносителей, китайские фирмы будут играть важную роль именно в этих процессах.

Так, Фонд Шелкового пути приобрел за 1 млрд долл. 49% акций проекта газовой электростанции комбинированного цикла мощностью 1.5 ГВт, строящейся в Сырдарьинской области Узбекистана, у саудовского частного оператора *ACWA Power*. В соответствии с соглашением *ACWA Power* останется мажоритарным акционером проекта с долей 51% в этом предприятии. С началом полномасштабной коммерческой эксплуатации электростанция обеспечит 8% установленных генерирующих мощностей Узбекистана и будет удовлетворять 15% потребностей страны в электроэнергии для промышленности и домохозяйств.

С китайской стороны строительство новой электростанции финансируется многосторонними банками развития и коммерческими банками. Государственная *China Energy Engineering Corporation* выступает в качестве подрядчика по проектированию, закупкам и в рамках проекта. Строительные работы были начаты в 2021 г., ввод станции в коммерческую эксплуатацию запланирован на 2024 г.²⁵

В середине декабря 2022 г. консорциум китайских компаний *GD Power – Powerchina* выиграл тендер на строительство солнечной электростанции мощностью 150 МВт в Наманганской области, объявленный Министерством энергетики Узбекистана. Этот консорциум также подал заявки на участие в тендере на строительство солнечных электростанций в Самаркандской и Джизакской областях. *GD Power (Power Construction Corporation of China)*, заинтересованная в строительстве электростанций как на традиционных, так и на возобновляемых источниках энергии, приняла участие в тендерах, объявленных Министерством энергетики Узбекистана в рамках соглашения между Государственным комитетом по инвестициям Узбекистана и Министерством торговли Китая, на строительство ряда малых и средних гидроэлектростанций на общую сумму 2.7 млрд долл.

В 2022 г. отдельные китайские компании вели переговоры с властями Ферганской области о строительстве двух солнечных электростанций общей стоимостью более 1 млрд долл. Статус этих договоренностей неясен, пока отсутствует официальная реакция на них

²⁴ *Uzbekistan – People's Republic of China: Cooperative Projects*. Op. cit.

²⁵ Shusi He. China's Silk Road Fund Acquires Uzbekistan Power Plant on Xi's Visit. *The Asian Investor*, 19.09.2022. Available at: <https://www.asianinvestor.net/article/chinas-silk-road-fund-acquires-uzbekistan-power-plant-on-xis-visit/481405> (accessed 21.09.2022).

со стороны правительства Республики Узбекистан. Примечательно, что, как правило, после получения подобных официальных разрешений кабинета министров не только узбекские, но и иностранные компании обращаются к поставщикам необходимых инвестиционных товаров из КНР. Например, компания *Masdar* из ОАЭ, получив от правительства РУ контракт на строительство ветряной электростанции мощностью 500 МВт в Навоийской области Узбекистана, сразу же обратилась к китайскому производителю ветряных турбин *Xinjiang Goldwind Science & Technology*, назначив его основным поставщиком необходимого оборудования. Этот проект, завершение которого намечено на 2024 г., станет одним из крупнейших в Центральной Азии и внесет заметный вклад в реализацию планов Узбекистана по увеличению к 2030 г. доли “зеленой” энергетики в общем объеме производства электроэнергии в стране до более чем 30%²⁶.

В 2022 г. стало известно о решении китайской автомобильной компании *BYD*²⁷ начать совместно с узбекской *UzAuto Motors* производство электромобилей и сборку китайских автомобилей *Chery* в Узбекистане, что свидетельствует о возрастающем интересе компаний из КНР к этой центральноазиатской республике и расширению узбекско-китайского инвестиционного сотрудничества²⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как уже было отмечено, анализ экономической экспансии КНР в Узбекистан важен с точки зрения российских экономических интересов, крепнущих позиций Китая на узбекском рынке и его стремления опередить здесь Россию. Проведенный автором анализ позволил определить цели экономической экспансии КНР в Узбекистан, а также основные позиции КНР в торговле и инвестиционном сотрудничестве с этой страной. Результаты исследования торговых отношений между Китаем и Узбекистаном за достаточно репрезентативный период (более 20 лет) свидетельствуют о высоком темпе прироста взаимного товарооборота. Однако в рассматриваемый период суммарное отрицательное сальдо для Узбекистана в торговле с КНР возросло более высокими темпами и на постоянной основе, достигнув в 2022 г. исторического максимума в 3 млрд долл., а значит, узбекско-китайская торговля в гораздо большей степени выгодна для Китая, чем для Узбекистана.

Анализ инвестиционного сотрудничества КНР с Узбекистаном показал, что приток китайских прямых инвестиций в эту страну достаточно устойчив и после 2012 г. колеблется в диапазоне от 2 до 2.5 млрд долл. Прямые инвестиции направляются преимущественно в сферу добычи природных ископаемых и на создание новых производственных мощностей, реже – на их модернизацию. Наибольший интерес у китайских инвесторов вызывают вложения в предприятия нефтегазовой, химической, текстильной, электроэнергетической, угольной отраслей, а также в сельское и водное хозяйство, логистику. В последние три года наиболее крупные инвестиции КНР в Узбекистане были заявлены в цементной промышленности.

Отношение властей и населения Узбекистана к проникновению китайского капитала в экономику в целом позитивное, что в известной мере связано с корректировкой китайской инвестиционной политики, направленной на более широкое привлечение на создаваемые предприятия местных кадров. Инвестиционное сотрудничество КНР и Узбекистана можно охарактеризовать как взаимовыгодное, поскольку оно охватывает многие отрасли узбекской экономики и ориентировано на вовлечение в него местных партнеров, представляющих весь спектр предприятий – малый, средний и крупный бизнес, как государственный, так и частный.

²⁶ Amid Uzbekistan's Energy Crunch, China Enters Growing Solar Sector. *Eurasianet*, 20.12.2022. Available at: <https://eurasianet.org/amid-uzbekistans-energy-crunch-china-enters-growing-solar-sector> (accessed 25.12.2022).

²⁷ *BYD Co., Ltd.* (от англ. *Build Your Dreams*, “построй свои мечты”) – китайский конгломерат, включающий в себя производителя автомобилей *BYD Auto* и производителя аккумуляторов и электроники *BYD Electronic*. Базируется в Шэньчжэне (КНР). В списке крупнейших публичных компаний мира *Forbes Global 2000* за 2022 г. *BYD* заняла 580-е место. Владелец компании является китайский миллиардер Ван Чуаньфу. В настоящее время *BYD* имеет четыре производственные базы в Шэньчжэне, Сиане, Шанхае и Пекине.

²⁸ *Amid Uzbekistan's Energy Crunch...* Op. cit.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Долиновская Е.Э. Современное экономическое сотрудничество Китая и Узбекистана. *Актуальные вопросы региональных и международных исследований. Материалы IX международной научно-практической студенческой конференции на иностранных языках*. Новосибирск, Новосибирский государственный технический университет, 2023, сс. 237-240. [Dolinovskaya E.E. Modern Economic Cooperation Between China and Uzbekistan. *Topical Issues of Regional and International Studies. Materials of the IX International Scientific-Practical Student Conference in Foreign Languages*. Novosibirsk, Novosibirsk State Technical University, 2023, pp. 237-240. (In Russ.)]
2. Зиядуллаев У.С., Зияева М.М. Развитие международных торгово-экономических связей Республики Узбекистан. *Российский внешнеэкономический вестник*, 2018, № 7, сс. 62-74. [Ziyadullaev U.S., Ziyaeva M.M. Development of International Trade and Economic Relations of the Republic of Uzbekistan. *Russian Foreign Economic Bulletin*, 2018, no. 7, pp. 62-74. (In Russ.)] Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-mezhdunarodnyh-torgovo-ekonomicheskikh-svyazey-respubliki-uzbekistan/viewer> (accessed 20.03.2023).
3. Савкович Е.В. Торгово-экономическое сотрудничество КНР и Республики Узбекистан в 1990-х – середине 2000-х гг. *Вестник Томского государственного университета. История*, 2011, № 4 (16), сс. 107-112. [Savkovich E.V. Trade and Economic Cooperation Between China and the Republic of Uzbekistan in the 1990s – mid-2000s. *Tomsk State University Journal. History*, 2011, no. 4 (16), pp. 107-112. (In Russ.)] Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/torgovo-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-knr-i-respubliki-uzbekistan-v-1990-h-seredine-2000-h-gg/viewer> (accessed 20.03.2023).
4. Сюань Цзян, Чжунъян Гань. Анализ торгово-экономического сотрудничества между Китайской Народной Республикой и Республикой Узбекистан в рамках новой торгово-экономической политики, проводимой Республикой Узбекистан. *Правовая культура*, 2020, № 2 (41), сс. 95-108. [Siyuan Jiang, Zhongyang Gan. Analysis of Trade and Economic Cooperation Between the People's Republic of China and the Republic of Uzbekistan in the Frameworks of New Trade and Economic Policy Which Is Being Targeting by the Republic of Uzbekistan. *Pravovaya kul'tura*, 2020, no. 2 (41), pp. 95-108. (In Russ.)]
5. Хатамова Г.А. Краткий анализ экономического сотрудничества Узбекистана с Китаем. *Наука и мир*, 2016, № 8-2 (36), сс. 40-42. [Khatamova G.A. Brief Analysis of Economic Cooperation Between Uzbekistan and China. *Nauka i mir*, 2016, № 8-2 (36), pp. 40-42. (In Russ.)]
6. Эрматов Ш.Ж., Норалиев У. Современные тенденции торгово-экономического сотрудничества Узбекистана и КНР. *Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences*, 2021, vol. 1, iss. 1, pp. 686-691. [Ermamatov Sh.Zh., Noraliev U. Current Trends in Trade and Economic Cooperation Between Uzbekistan and China. *Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences*, 2021, vol. 1, iss. 1, pp. 686-691. (In Russ.)] DOI: 10.24412/2181-1784-2021-1-686-691

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА УКРАИНСКОГО КРИЗИСА НЕМЕЦКИМ ИНСТИТУТОМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И БЕЗОПАСНОСТИ: НОВЫЕ ВЫВОДЫ О ГЕРМАНСКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

© ГЛАСЕР М.А., ПОЛЯЧЕНКОВ А.В., 2023

ГЛАСЕР Марина Алексеевна, доктор философских наук, профессор факультета мировой экономики и мировой политики департамента международных отношений. Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 115184 Москва, ул. Большая Ордынка, 47/7, стр. 1 (mglaser@hse.ru), ORCID: 0000-0002-7069-4779

ПОЛЯЧЕНКОВ Антон Вадимович, стажер факультета мировой экономики и мировой политики департамента международных отношений. Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 115184 Москва, ул. Большая Ордынка, 47/7, стр. 1 (tony.fielding@yandex.ru), ORCID: 0000-0001-5690-5835

Гласер М.А., Поляченко А.В. Политическая экспертиза украинского кризиса Немецким институтом международных отношений и безопасности: новые выводы о германской стратегической культуре. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2023, № 2, сс. 57-72. DOI: 10.20542/afij-2023-2-57-72

DOI: 10.20542/afij-2023-2-57-72

EDN: RMFSRQ

УДК: 327(430)

Поступила в редакцию 06.03.2023.

После доработки 14.06.2023.

Принята к публикации 22.08.2023.

В статье рассмотрено влияние германского аналитического центра “Немецкий институт международных отношений и безопасности” на общественное мнение Германии с целью формирования основных параметров национальной стратегической культуры. Обнаружено, что ключевая задача экспертов центра – продвижение идеи о необходимости трансформации прежних принципов стратегической культуры для соответствия политики ФРГ новым мировым реалиям и успешного взаимодействия страны с другими государствами в военно-политической сфере. Не исключается, что схожую идею аналитики продвигают и в рамках экспертного обеспечения деятельности немецкого правительства, но в данный момент их основной задачей видится взаимодействие с обществом. Рассмотрены основные принципы стратегической культуры Германии, подчеркнуто, что из-за наследия прошлого ФРГ продолжает избегать активного вовлечения в урегулирование военных конфликтов. Кроме того, для современной Германии кажется невозможным приоритет собственных национальных интересов в сфере безопасности по сравнению с интересами союзников. В этой связи задачу восстановления обороноспособности страны и превращения бундесвера в эффективную современную армию эксперты аналитического центра интерпретируют не как процесс милитаризации, а как необходимость перехода от государственного пацифизма к идеологемам справедливой войны. Эксперты избегают прямой критики стратегической культуры, концентрируясь на частных случаях и призывая Германию к более активным действиям. Анализ политики ФРГ на африканском континенте является ярким тому примером. В статье демонстрируется активность экспертов Немецкого института международных отношений и безопасности в СМИ по вопросам, связанным с украинским кризисом и ролью Германии в его урегулировании. Они требуют от ФРГ большей инициативы и отказа от существующих барьеров и ограничений, пусть и постепенного. Представители

экспертного сообщества в данном случае исходят из того, что военная сила является важным фактором в международных отношениях, и, применяя ее, Берлин будет более эффективно, чем прежде, выполнять свои обязательства по обеспечению национальной и региональной безопасности. Представляется невозможным однозначно судить, оказывают ли аналитики рассматриваемого центра решающее влияние на политические решения, но они определенно принимают самое активное участие в формировании общественного мнения по вопросу изменения военно-политической роли Германии в мире, поэтому значение такой экспертизы не следует игнорировать.

Ключевые слова: Германия, Украина, стратегическая культура, политические элиты, аналитические центры, политическая экспертиза, политика обороны, Европейский союз.

Вклад авторов: авторы внесли равный вклад в исследование.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

**POLITICAL EXPERTISE OF THE UKRAINIAN CRISIS BY THE GERMAN INSTITUTE
FOR INTERNATIONAL AND SECURITY AFFAIRS:
NEW CONCLUSIONS ABOUT GERMAN STRATEGIC CULTURE**

Received 06.03.2023. Revised 14.06.2023. Accepted 22.08.2023.

Marina A. GLASER (mglaser@hse.ru), ORCID: 0000-0002-7069-4779,
National Research University 'Higher School of Economics', 47/7.1 Bolshaya Ordynka Str.,
Moscow 115184, Russian Federation.

Anton V. POLYACHENKOV (tony.fielding@yandex.ru), ORCID: 0000-0001-5690-5835,
National Research University 'Higher School of Economics', 47/7.1 Bolshaya Ordynka Str.,
Moscow 115184, Russian Federation.

The article examines the influence of the German think tank 'German Institute for International and Security Affairs' (SWP) on German public opinion and, subsequently, on the main parameters of the country's strategic culture. It was found that the key task of the think tank's experts is to promote the idea of the need to transform the previous principles of strategic culture in order for Germany's policy to correspond to the new world realities, so that the country could interact more successfully with other states in the military-political sphere. It is possible that analysts promote a similar idea while advising the German government and taking part in its decision-making processes, but at the moment their main task is to interact with the society. The basic principles of the strategic culture of Germany are studied, it is emphasized that due to the legacy of the past, Germany continues to avoid active involvement in the settlement of military conflicts. In addition, it seems impossible for modern Germany to prioritize its own national security interests over the ones of the allies. In this regard, the task of restoring the country's defense capability and turning the Bundeswehr into an effective modern army is interpreted by the experts of the think tank as a need to move from state pacifism to ideologems of a just war rather than as a process of militarization. Experts avoid direct criticism of the strategic culture, focusing on particular cases and calling on Germany to take more active actions. The analysis of Germany's policy on the African continent serves as a vivid example. The article demonstrates the activity of SWP experts in the mass media on the issues regarding the Ukrainian crisis and the role of Germany in its settlement. They demand greater initiative from Germany and the abandonment of existing barriers and restrictions, albeit gradual one. Opinion of expert community representatives stems from the fact that military force is an important factor in international relations, and by using it, Berlin will more effectively fulfill its obligations to ensure national and regional security than before. It seems impossible to unequivocally judge whether the

analysts of the think tank have a decisive influence on political decisions, but they definitely take an active part in shaping the public opinion on the change of Germany's military-political role in the world, so the importance of such expertise should not be ignored.

Keywords: Germany, Ukraine, strategic culture, political elites, think tanks, political expertise, defense policy, European Union.

About the authors: Marina A. GLASER, *Doct. Sci. (Polit. Philosophy), Professor, Department of International Relations, Faculty of World Economy and World Politics.* Anton V. POLYACHENKOV, *Intern Researcher, Department of International Relations, Faculty of World Economy and World Politics.*

Authors' contribution: all authors have contributed equally.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the authors.

Funding: no funding was received for conducting this study.

ВВЕДЕНИЕ

Украинский кризис уже породил и, несомненно, еще принесет неопределенное множество последствий для разных стран мира. Эти последствия сложно просчитать, особенно имея ограниченное понимание происходящего. В любой перспективе – краткосрочной и долгосрочной – они просматриваются слабо. Но иметь представление о контурах будущего для ответственного принятия решений в настоящем тем не менее необходимо. Профессиональная политическая экспертиза как процесс производства актуальных знаний о политически значимых феноменах является для этого наиболее эффективным средством. Она существует в двух формах: индивидуальной и коллективной. Вторая представлена экспертными группами, консультативными органами различных политических организаций, аналитическими центрами. Последние – ключевой элемент экспертного сообщества. Рост их численности наблюдается практически во всех странах, даже самых небогатых [1]. Они – официальная основа процедуры политического анализа и консалтинга [2].

В ФРГ рекомендации по вопросам политики в форме институционализированных научных консультаций для поддержки федеральных правительства, министерств и парламента существовали и расширялись с конца 1960-х годов, а после 1999 г. стали “политической индустрией” [3, с. 135]. По данным на 2021 г., в Германии существует 266 аналитических центров (далее – АЦ), при этом их число продолжает расти, что объясняется высоким спросом на политическую экспертизу, а также разнообразием направлений деятельности таких центров¹. Принято разделять их на две большие группы: одна обслуживает интересы федерального правительства, определенных ведомств и министерств, например Министерства иностранных дел или Министерства обороны, а другая работает прежде всего на политические партии.

В 2022 г. основные тренды политической экспертизы во внешней политике и политике безопасности в Германии, по данным портала *On think tanks*, который занимается исследованиями аналитических центров по всему миру, задавали два АЦ – Немецкий институт международных отношений и безопасности (нем. *Stiftung Wissenschaft und Politik, SWP*) и Немецкий совет по международным отношениям (нем. *Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik, DGAP*)². SWP занимает особое место в культуре политической экспертизы Германии. Дело в том, что главная отличительная черта этой культуры – отказ экспертов

¹ McGann J.G. 2020 Global Go to Think Tank Index Report. *TTCSP Global Go to Think Tank Index Reports*, January 2021, iss. 18, p. 44. Available at: <https://repository.upenn.edu/entities/publication/9f1730fa-da55-40bd-a1f4-1c2b2346b753> (accessed 24.07.2023).

² Orrico A., Correa J., Lafrance J., Sutton S. Think Tank Landscape Scan 2022: Germany. *On Think Tanks*, 18.11.2022. Available at: <https://onthinktanks.org/articles/think-tank-landscape-scan-2022-germany/> (accessed 05.04.2023).

от стремления оказывать непосредственное влияние на процесс принятия решений правительственными структурами. Аналитические центры Германии лишь предоставляют последним “пищу для размышления – и политики сами могут решить, что с этим делать”³.

SWP открыто заявляет обратное. Одной из главных целей он считает имплементацию ключевых идей своих рекомендаций во внешнюю политику Германии и Европейского союза в целом⁴. *SWP* официально сотрудничает с федеральным правительством, министерствами иностранных дел и экономического сотрудничества и развития ФРГ, которые обеспечивают экспертов центра аналитическими заказами. Соответственно, аналитика *SWP* призвана отвечать интересам прежде всего самого государства, однако намерение аналитиков заключается не в том, чтобы выполнять правительственный заказ, а скорее в том, чтобы рационализировать немецкую политику⁵. На основе ее изучения можно прояснить мотивы, цели и характер ожидаемых и принятых федеральным правительством ФРГ внешнеполитических решений. Возможно, поэтому среди множества АЦ мира *SWP* наиболее упоминаем политиками, общественными деятелями, журналистами разных стран в такой социальной сети, как *Twitter* (заблокирован на территории РФ, в настоящее время сеть в процессе ребрендинга в X)⁶.

Одной из наиболее обсуждаемых в 2022 г. тем среди экспертов, политиков и журналистов был украинский кризис и его последствия для международного сообщества. *SWP* не стал исключением. В этой связи возникает необходимость проверки того, как центр, который, согласно собственным заявлениям, задает тренды политической экспертизы в Германии, подходит к обсуждению ситуации вокруг Украины. Целью данной статьи является определение роли экспертизы *SWP* в формировании позиции ФРГ по отношению к украинскому кризису.

Такое определение будет способствовать ответу на ключевой исследовательский вопрос – какова возможная роль экспертизы украинского кризиса, осуществляемой *SWP*, в процессе фундаментальных изменений стратегической культуры Германии.

ИССЛЕДОВАНИЯ *SWP* СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПОЛИТИКИ ОБОРОНЫ ГЕРМАНИИ ДО 2022 Г.

Политика обороны Германии базируется на пяти ключевых документах. Из них четыре ориентированы на сотрудничество в рамках ЕС и НАТО (Белая книга о политике безопасности и будущем бундесвера 2016 г.⁷, Концепция рамочных наций НАТО 2013 г.⁸, Концепция бундесвера 2018 г.⁹, Стратегия резерва 2019 г.¹⁰). Пятый документ – бюджетный, принимаемый ежегодно (законы о бюджете как инвестиции в оборону)¹¹. Определяемые в нем инвестиции в оборону на практике демонстрируют, насколько серьезно страна готова вкладываться в решение проблем в сфере безопасности.

³ Beitzer H. Die Gedankenmacht. *Süddeutsche Zeitung*, 15.09.2011. Available at: <https://www.sueddeutsche.de/politik/think-tanks-in-deutschland-die-gedankenmacht-1.1006138> (accessed 05.04.2023).

⁴ *Über uns*. Stiftung Wissenschaft und Politik. Available at: <https://www.swp-berlin.org/ueber-uns/> (accessed 05.04.2023).

⁵ Ibid.

⁶ Manzano C., Sánchez-Giménez J. Women, Gender and Think Tanks: Political Influence Network in Twitter 2018 – Analysis. *Eurasia Review*, 07.04.2019. Available at: <https://www.eurasiareview.com/07042019-women-gender-and-think-tanks-political-influence-network-in-twitter-2018-analysis/> (accessed 05.03.2023).

⁷ *Weissbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr*. Bundesministerium der Verteidigung. 2016. Available at: <https://www.bmvg.de/resource/blob/13708/015be272f8c0098f1537a491676bfc31/weissbuch2016-barrierefrei-data.pdf> (accessed 05.04.2023).

⁸ FAQ: *Rahmennationenkonzept der NATO*. Bundesministerium der Verteidigung. 06.09.2017. Available at: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/faq-rahmennationenkonzept-nato-17722> (accessed 05.04.2023).

⁹ *Die Konzeption der Bundeswehr. Ausgewählte Grundlinien der Gesamtkonzeption*. Bundesministerium der Verteidigung. April 2018. Available at: <https://www.bmvg.de/resource/blob/26546/befaf450b146faa515e19328e659fa1e/20180731-broschuere-konzeption-der-bundeswehr-data.pdf> (accessed 05.04.2023).

¹⁰ *Strategie der Reserve*. Bundesministerium der Verteidigung. Oktober 2018. Available at: <https://www.bundeswehr.de/resource/blob/139810/21b668f541ce76edf0d80fbf28d2c857/download-strategie-der-reserve-data.pdf> (accessed 05.04.2023).

¹¹ *Gesetz über die Feststellung des Bundeshaushaltsplans für das Haushaltsjahr 2022*. Bundesministerium der Finanzen. Available at: <https://www.bundeshaushalt.de/static/daten/2022/soll/BHH%202022%20gesamt.pdf> (accessed 05.04.2023).

Внимательное изучение этих документов, помимо целей, задач и принципов указанной политики, позволяет проследить изменения в ключевых элементах стратегической культуры Германии, сложившихся после 1945 г.

Идеи об отказе от военной силы и пацифизме сформировались в ФРГ примерно к 1950-м годам и стали краеугольным камнем национальной стратегической культуры. Данное понятие было введено американским политологом Джеком Снайдером в 1977 г. По его словам, "стратегическая культура определяется как совокупность идей, условных эмоциональных откликов и моделей поведения, которые члены национального стратегического сообщества приобрели через инструкции или имитацию и разделяют друг с другом" [4, с. 9]. Наиболее полную картину элементов немецкой стратегической культуры дал Ян Техау, аналитик Германского фонда Маршалла в США (фонд внесен Минюстом РФ в список нежелательных организаций). Он полагает, что их всего восемь:

- 1) стыд за прошлое и отказ от внешнеполитической "нормальности";
- 2) "воинствующий пацифизм" (англ. *militant pacifism*) и антимилитаризм;
- 3) *Vergangenheitsbewältigung* (нем.), или преодоление прошлого (которое Техау называет "правом быть оставленными в покое");
- 4) отсутствие суверенитета, восстановленного только после объединения;
- 5) сдержанность, пассивность, боязливость;
- 6) Европа как эрзац-религия;
- 7) безграничное доверие к трансатлантической "сделке" (НАТО);
- 8) "Великий немецкий внешнеполитический консенсус", выразившийся в формуле "три плюс три" (где первая тройка – многосторонность, Европа и ООН, а вторая – США, Франция, СССР / Россия), окончательно закрепившей в политических элитах ФРГ ощущение внутреннего комфорта в условиях необходимости действовать, поскольку от самостоятельных внешнеполитических действий Германия воздерживается, ограничиваясь риторикой, поддержкой союзников или выступлением от их имени [5, сс. 69-93].

В результате в ФРГ любой сдвиг в сторону поддержки или вовлечения в боевые действия или миротворческие операции в какой-либо точке земного шара встречал резкую критику со стороны политического истеблишмента. Реакция со стороны партий была преимущественно негативной – левые силы отрицали возможность вовлечения страны в подобные мероприятия, а правые допускали ограниченное участие, но не более того [6, с. 276].

Техау при анализе стратегической культуры Германии оговаривает, что ее формирование происходило в основном в ФРГ, поскольку в ГДР политическая культура была "искусственной" и развалилась с объединением страны [5, с. 72]. Впрочем, он не отрицает также определенного влияния сформировавшихся на востоке Германии взглядов на современную стратегическую культуру, отмечая, что это тема для отдельного исследования. Авторы допускают, что Техау (и вместе с ним большинство западных исследователей) прав, и фактор ГДР не стоит учитывать. Важно подчеркнуть, что данная тема изучена недостаточно и заслуживает как минимум отдельной научной статьи.

Историческое прошлое и участие в мировых войнах в качестве агрессора не только определили преимущественно пацифистскую внешнюю политику государства, но и сформулировали видение ФРГ самой себя в послевоенном мире. Тесная связь с США в период разделения страны сформировала зависимость от более сильного союзника и относительную пассивность в выборе внешнеполитических векторов [6, с. 278]. Более того, опасаясь повторения событий XX в., Германия стала воздерживаться от активных заявлений на мировой арене, предпочитая оставаться на вторых ролях [7, с. 80]. Обращение к международным организациям, таким как ООН, а также вовлечение в дела Европейского союза позволили ей после воссоединения в 1990 г. компенсировать неспособность открыто заявлять о собственных национальных интересах, срачивая их с европейскими или вовсе с целями глобального мира и безопасности [7, с. 84].

Подобная приверженность устоявшимся принципам стратегической культуры привела к тому, что в XXI в. внешняя политика Германии оставалась верна устоям, актуальным для 1950-х годов. Недостатком такого подхода стало отсутствие работоспособной системы стратегического планирования. Вытекающие из этого проблемы обнаружились, в частности, при вовлечении ФРГ в события в бывшей Югославии, связанные с бомбардировками Белграда в 1999 г. силами НАТО, при формировании боевых подразделений Североатлантического альянса в Афганистане или в участии в работе германских военных инструкторов в Мали. Реакция немецкого общества на более милитаризованную внешнюю политику была настолько негативной, что, например, правительство Герхарда Шрёдера в 1999 г. даже выступило против наземной операции в Югославии, подчеркнув безальтернативность для ФРГ невоенных методов урегулирования конфликтов¹².

Хотя немцы и американцы различаются во взглядах друг на друга и на мир¹³, среди первых растет убежденность в необходимости тесного сотрудничества с Вашингтоном в сфере защиты европейской безопасности: если в начале 2021 г. так считали 54% немцев¹⁴, то к концу 2021 г. их число возросло до 73%¹⁵. Разговоры о так называемой стратегической автономии Евросоюза встречают резкую критику среди населения и части политического истеблишмента, убежденных в важности НАТО и отмечающих роль США как гаранта безопасности, способного защитить Германию и всю Европу в случае вооруженного противостояния. Такой подход не противоречит принципам немецкой стратегической культуры, изложенным ранее, при этом и США следят за тем, чтобы отступлений от них не было.

Обозначенную специфику стратегической культуры Германии можно проследить на ряде примеров. Показательна, в частности, германская политика военно-политического взаимодействия со странами Африки. В последнее время страны Африки южнее Сахары привлекают особое внимание международного сообщества ввиду перспектив сотрудничества и развития, а также из-за неразрешенных проблем в сфере безопасности, которые могут впоследствии повлиять на европейскую безопасность, нарушить цепочки поставок или спровоцировать проникновение экстремистских элементов в страны Европейского союза.

Германские войска принимали участие в миссиях ООН в Мали¹⁶, Центральноафриканской Республике¹⁷ и других африканских странах. Ключевым принципом этого участия стало обязательство ФРГ политически содействовать развитию независимой континентальной архитектуры мира и безопасности, для чего осуществлялось прежде всего консультирование местных властей. Прямое участие в боевых действиях допускалось только в случае крайней необходимости и при условии, что принимающая миссию сторона гарантирует обеспечение всевозможных "подготовительных мер для того, чтобы федеральные вооруженные силы (Германии. – **Авт.**) действовали быстро и эффективно"¹⁸. В официальных документах ФРГ, относящихся к африканскому треку ее внешней политики, акцентируется важность многостороннего

¹² Schröder Opposed to Changing NATO Strategy in Kosovo Conflict. *ReliefWeb*, 19.05.1999. Available at: <https://reliefweb.int/report/serbia/schr%C3%B6der-opposed-changing-nato-strategy-kosovo-conflict> (accessed 05.04.2023).

¹³ Poushter J., Schumacher S. *Americans and Germans Head Into 2021 with Divergent Opinions on Transatlantic Alliance*. Pew Research Center. 23.11.2020. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/2020/11/23/americans-and-germans-head-into-2021-with-divergent-opinions-on-transatlantic-alliance/> (accessed 05.04.2023).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Poushter J., Schumacher S., Gubbala S. *U.S.-German Relations on the Mend as New Leadership Takes Hold*. Pew Research Center. 22.11.2021. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/2021/11/22/u-s-german-relations-on-the-mend-as-new-leadership-takes-hold/> (accessed 05.04.2023).

¹⁶ Afrika-Reise der Kanzlerin. Weitere Unterstützung für Mali. Die Bundesregierung. 10.10.2016. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv/alt-inhalte/weitere-unterstuetzung-fuer-mali-402078> (accessed 05.04.2023).

¹⁷ Zentralafrikanische Republik – EUFOR RCA (European Union Force République Centrafricaine). Bundeswehr. Available at: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/abgeschlossene-einsaetze-der-bundeswehr/zentralafrikanische-republik-eufor-rca> (accessed 05.04.2023).

¹⁸ *Strategische Leitlinie. Umsetzung der Afrikapolitischen Leitlinien der Bundesregierung im Geschäftsbereich des BMVg*. Bundesministerium der Verteidigung. P.7. Available at: <https://www.bmvg.de/resource/blob/12810/fe3f44a6e3b12bec5ee3bc9c7880f570/strategische-leitlinie-zur-umsetzung-der-afrikapolitischen-leitlinien-data.pdf> (accessed 05.04.2023).

сотрудничества с другими акторами – поставщиками безопасности на континенте (ООН, Африканским союзом), при этом собственная роль Германии отходит на второй план, а ее интересы отождествляются прежде всего с интересами Евросоюза¹⁹.

Такая системная “несамостоятельность”, фактическое отсутствие собственной стратегической линии и становится главным объектом критики внутри страны. На этот факт неоднократно указывали эксперты *SWP*. Например, интересен доклад Дениса Талла и Штефана Майра “Африканская политика Германии” 2009 г., составленный как список предложений для новой внешнеполитической стратегии ФРГ в Африке. В нем авторы активно продвигали идею отказа от тех принципов стратегической культуры, которые ограничивают военно-политическую активность [8, с. 38]. Это происходило на фоне поиска Германией собственного внешнеполитического подхода к африканскому континенту, и аналитики центра настаивали на необходимости развития не только гуманитарного, но и иных направлений сотрудничества [9].

В отсутствие собственной позиции по вопросам политики безопасности немецкие чиновники нередко прибегают к услугам экспертов. Одна из ярких иллюстраций – это совместный с американским Фондом Маршалла доклад “Новая сила – новая ответственность” [10], в котором обозначены основные принципы дальнейшего развития ФРГ как крупного международного игрока. Ключевым из этих принципов является более активная внешнеполитическая роль и более решительное вовлечение в военные действия на мировой арене в целях формирования и отстаивания национальных интересов. Доклад был опубликован в 2013 г., а годом позже, когда его идеи и достаточно жесткая риторика оказались уместными ввиду украинского кризиса, на Мюнхенской конференции по безопасности 2014 г. глава МИД ФРГ Франк-Вальтер Штайнмайер и министр обороны Урсула фон дер Ляйен буквально цитировали его в своих выступлениях, основывая на его положениях представления о будущем Германии²⁰. Отголоски этого доклада также прослеживались в обсуждении Белой книги по безопасности Германии 2016 г.²¹ В 2021 г. эксперт *SWP* Вольфрам Лахер прямо заявил, что стратегическая культура ФРГ делает ее неспособной внятно сформулировать свои внешнеполитические цели в сфере обеспечения безопасности, равно как и заставить правительство приложить усилия для их достижения и нести ответственность за собственные действия [11, с. 37].

Эксперты *SWP* в целом избегают говорить о стратегической культуре Германии, предпочитая критиковать отдельные нерешительные действия правительства или его отказ от активного внешнеполитического позиционирования, в том числе и в рамках урегулирования конфликтов. Примечательна коллективная монография 2019 г. “Европейская стратегическая автономия” [12], в которой нейтральный подход Германии и стремление угодить США отчасти критикуются, а также прослеживается призыв к более активной политике в рамках ЕС и НАТО. Данный пример демонстрирует общую тенденцию, которой придерживаются эксперты, – в каждом конкретном случае они настаивают на том, чтобы Германия меняла свою модель поведения, подвергая критике присущие немецкой стратегической культуре особенности. Однако при этом общий анализ того, какой должна быть новая стратегическая культура, отсутствует.

Принимая во внимание роль экспертов в дискуссии о стратегической культуре Германии, есть основания полагать, что ключевые идеи и лейтмотив экспертизы ситуации вокруг Украины аналитиками *SWP* и их рекомендации своему правительству позволяют понять, как интеллектуальные элиты, опираясь на опыт прошлого своей страны, выстраивают существующий политический дискурс, используя СМИ как площадку для продвижения своих идей.

¹⁹ *Strategische Leitlinie. Umsetzung der Afrikapolitischen Leitlinien der Bundesregierung im Geschäftsbereich des BMVg*. Op. cit..

²⁰ Schreyer P. Wir sind die Guten. *Telepolis*, 04.02.2014. Available at: <https://web.archive.org/web/20140209195024/http://www.heise.de/tp/artikel/40/40913/1.html> (accessed 05.04.2023).

²¹ Birnbaum R. Ursula von der Leyen und das neue Weißbuch: Deutsche Sicherheitspolitik ohne Tabus. *Tagesspiegel*, 17.02.2015. Available at: <https://www.tagesspiegel.de/politik/deutsche-sicherheitspolitik-ohne-tabus-6636775.html> (accessed 05.04.2023).

ПРЕДПОСЫЛКИ К ДИСКУССИИ О ПЕРЕСМОТРЕ ПРИНЦИПОВ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГЕРМАНИИ

27 февраля 2022 г., через три дня после начала российской специальной военной операции (СВО) на Украине, федеральный канцлер ФРГ Олаф Шольц выступил перед немецким правительством с речью, в которой объявил о реформе национальной армии и финансировании намечающихся преобразований²². Он обозначил пять ключевых задач, стоящих перед Германией в сложившейся ситуации: всемерно поддержать Украину; оказать давление на президента России Владимира Путина с целью принудить его к отказу от проведения СВО; не допустить распространения военных действий на другие страны Европы, в связи с чем со своей стороны “выполнить долг по оказанию помощи НАТО”; укрепить немецкую армию, сделать ее “эффективной, современной, прогрессивной”, надежной защитой Германии (что потребует создания специального фонда бундесвера и внесения в федеральный бюджет на 2022 г. единовременной суммы в размере 100 млрд евро на “необходимые инвестиции и проекты вооружений”); независимо от того, как будет в дальнейшем развиваться ситуация, “сохранять дипломатические каналы связи”²³. В конце 2022 г. О. Шольц опубликовал статью о “переломном моменте в истории страны” (нем. *Zeitenwende*)²⁴. В ней он как федеральный канцлер, который согласно ст. 65 Конституции Германии определяет направления государственной политики, объявил о том, что ФРГ должна стать независимым и смелым игроком “во все более многоцентричном мире”.

Заявив, что “фокус нашей политики безопасности и обороны сместился на другие, более насущные угрозы” по сравнению с прежними, Шольц ясно обозначил новую роль Германии в Европе в качестве одного из главных гарантов ее безопасности. Он подчеркнул, что для создания специального фонда национальных вооруженных сил Германия даже изменила свою Конституцию: “Это решение знаменует наиболее перспективный поворотный момент в политике безопасности Германии со времени основания бундесвера в 1955 году”²⁵. *Zeitenwende*, считает канцлер, диктует ФРГ необходимость пересмотреть существовавший десятилетиями в немецкой внешней политике “принцип табу” в отношении экспорта вооружений и “впервые в новейшей истории Германии” начать поставки оружия государствам, находящимся в состоянии вооруженного конфликта. Все это требует решительных мер, нацеленных прежде всего на создание новой стратегической культуры, принципы которой призваны лечь в основу Стратегии национальной безопасности ФРГ²⁶.

Важным видится предположение О. Шольца о том, что “эти изменения также отражают новое восприятие (нем. *Bewusstsein*) немецкого общества. Сегодня подавляющее большинство немцев считают, что нашей стране нужна армия, способная и готовая сдерживать противников и защищать себя и своих союзников”²⁷. Однако это заявление канцлера противоречит данным социологического исследования, проведенного институтом *Körber-Stiftung* – аналитическим центром, который является площадкой для обсуждения политических проблем и разработки проектов по широкому кругу вопросов. Институт опубликовал исследование “Берлинский пульс 2022/23: Переосмысление безопасности для Германии и Европы”, согласно которому «большинство немцев (52%) по-прежнему хотят, чтобы Германия проявляла больше международной сдержанности. С другой стороны, 41% опрошенных выступают за более активное участие Германии, предпочитают участие дипломатическое (65%), а не

²² Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz am 27. Februar 2022. Die Bundesregierung. 27.02.2022. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungserklaerung-von-bundeskanzler-olaf-scholz-am-27-februar-2022-2008356> (accessed 05.04.2023).

²³ Ibid.

²⁴ Scholz O. Die globale Zeitenwende. Wie ein neuer Kalter Krieg in einer multipolaren Ära vermieden werden kann. *Foreign Affairs*, 05.12.2022. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/germany/die-globale-zeitenwende> (accessed 05.04.2023).

²⁵ Scholz O. Op. cit.

²⁶ Nationale Sicherheitsstrategie. Bundesministerium der Verteidigung. Available at: <https://www.bmvg.de/de/nationale-sicherheitsstrategie> (accessed 05.04.2023).

²⁷ Scholz O. Op. cit.

военное (14%) или финансовое (13%). Это означает, что отношение немцев почти не изменилось по сравнению с предыдущим годом (2021 г. – 50% в пользу сдержанности), несмотря на начало военных действий на Украине и провозглашенный канцлером Шольцем “исторический поворот” во внешней политике и политике безопасности Германии»²⁸.

Спустя год после начала спецоперации на Украине только 47% немцев выступали за поставки вооружений на фронт, при этом 31% все еще считали, что подобная поддержка чрезмерна²⁹. Эксперты SWP полагают, что “самой большой задачей, касающейся обороны и безопасности, является то, что Шольц не может навязать (обществу. – Авт.) простой констатацией: изменение мышления, которое потребуется Германии для реализации этих революционных решений” [13]. С ними солидарен научный сотрудник американского Центра анализа европейской политики (англ. *Center for European Policy Analysis*) А. Аллен, заключивший, что “главная проблема, стоящая перед *Zeitenwende* в долгосрочной перспективе, будет заключаться в изменении (германских. – Авт.) культурных устоев и норм, касающихся роли Германии в мире” [14].

Речь О. Шольца объясняется не только меняющимся ландшафтом безопасности Европы, но и позицией интеллектуальных элит ФРГ, традиционно склонных как к широкому философскому обобщению, так и к формулировке вполне конкретных политических предложений. Представители этих элит – эксперты SWP – обнаруживают то и другое. Неизвестно наверняка, участвовали ли они в формировании нового видения немецкого политического курса. Однако в последнее время эксперты активно выполняют роль апологетов более активной внешней политики в сфере безопасности и обороны, продвигая идею о необходимости изменений в стратегической культуре и подходах страны к участию в украинском конфликте. В качестве площадок для трансляции этих идей используются немецкие и международные СМИ. Из 245 материалов, содержащих ключевое слово “Украина” и опубликованных на сайте центра в период с 24 февраля 2022 г. по 16 февраля 2023 г., 132 являются интервью для печатных изданий, ТВ-новостей или радио, ссылки на которые институт размещает у себя. Остальные 113 – это подкасты, колонки в газетах и журналах или исследования на сайте. При этом такое разделение не вполне типично для SWP, заслужившего репутацию серьезного аналитического центра публикациями на сайте прежде всего докладов, аналитических записок и иных экспертных исследований. Но оно отражает стремление SWP воздействовать на общественное мнение в ситуации чрезвычайных событий и выстраивать для граждан новый политический нарратив об изменении роли и места Германии в мире и ее самоощущения в нем.

РЕКОМЕНДАЦИИ SWP В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

В кругах немецких экспертов периодически ведутся дискуссии относительно продуктивного воздействия на общественное мнение [15]. Для донесения собственной позиции аналитикам рекомендуется выбирать социальные медиа и СМИ [16]. Последние были использованы в качестве новой дискуссионной площадки для экспертов SWP после начала СВО, перенеся обсуждение в прямой эфир с максимальным охватом аудитории. Вопросы обороны до событий на Украине мало обсуждались в публичных дебатах. Возможно, в этой связи SWP во внимание был принят феномен “структурирующих предпосылок” в процессе социальной коммуникации, использование которых дает возможность интервьюируемому “скрыто протащить” информацию, которую получатель “не особенно охотно примет в качестве исходной” [17, с. 110]. “Вбрасывая” соответствующие идеи через экспертов в рамках обсуждений в СМИ, SWP помогает правительству Германии “прощупывать” настроения общества перед принятием

²⁸ The Berlin Pulse 2022/23. *Rethinking Security for Germany and Europe*. Körber-Stiftung. 2022. Available at: https://koerber-stiftung.de/site/assets/files/25632/theberlinpulse2022_2023.pdf (accessed 05.04.2023).

²⁹ Ehni E. Mehrheit der Deutschen stimmt Waffenlieferungen zu. *Tagesschau*, 02.03.2023. Available at: <https://www.tagesschau.de/inland/deutschlandtrend/deutschlandtrend-3313.html#:~:text=ARD%2DDeutschlandTrend%20Mehrheit%20der%20Deutschen%20stimmt%20Waffenlieferungen%20zu&text=Wie%20kann%20der%20Krieg%20in,%C3%BCber%20Verhandlungen%20mit%20Russland%20entscheiden> (accessed 05.04.2023).

важных решений. Ключевая идея интервью экспертов SWP – необходимость изменения стратегической культуры Германии [18].

В первые дни после начала СВО эксперты SWP выступали просто обозревателями происходящего. Их интервью СМИ сводились к описанию ситуации, анализу возможных последствий СВО для ЕС и, в частности, Германии, к перечислению возможных мер, которые стоит предпринять, чтобы справиться с ситуацией³⁰. Однако через день после упомянутого выступления О. Шольца и его обещаний реформировать бундесвер вышел доклад коллектива авторов SWP “Нападение России на Украину: *Zeitenwende* для евроатлантической безопасности” [19], содержащий комплексный анализ предполагаемых причин конфликта, возможных ответных действий ЕС и НАТО и рекомендации относительно реакции Германии. Речь о поставках оружия не велась, но уже в конце февраля 2022 г. эксперты предложили и санкции в отношении России, и отключение ее от международной межбанковской системы SWIFT, и избавление Германии от российской газовой зависимости. Учитывая выход материала спустя всего четыре дня после начала СВО и на следующий день после речи канцлера Шольца, есть основания предполагать, что разработка рекомендаций велась заблаговременно.

Постепенно появлялись материалы, касающиеся непосредственно Германии и ее роли в конфликте. Так, Вольфганг Рихтер, бывший военный и сотрудник ОБСЕ, а в настоящее время научный сотрудник SWP³¹, в начале марта 2022 г. дал интервью изданию *Augsburger Allgemeine*, в котором, помимо поддержки идеи о необходимости отправки вооружений Украине, высказался за реформирование бундесвера. При этом В. Рихтер вел речь не только о финансировании или модернизации, но и об «изменении ментальности “ немецкого истеблишмента “ для готовности к обеспечению национальной безопасности и безопасности альянса (НАТО. – Авт.)»³². Призывы к скорейшей реформе вооруженных сил объяснялись необходимостью защиты восточных рубежей Организации Североатлантического договора от новых угроз.

Идею о военной поддержке Украины высказала и Клаудия Майор – глава отдела международной безопасности SWP, представитель политического истеблишмента ФРГ, член консультативного совета по предотвращению гражданских кризисов и миростроительству при Министерстве иностранных дел Германии³³. В прошлом Майор работала в департаменте немецкого МИД по связям с НАТО. В настоящее время она считается одним из ведущих немецких экспертов в сфере безопасности³⁴. В интервью телеканалу ZDF 8 марта 2022 г., одном из первых в длинном списке ее появлений в медиа за последний год (на К. Майор приходится до половины от 132 интервью экспертов института), она заявила о необходимости поставок военной техники Украине, причем акцентировала внимание на авиации как более действенном, по сравнению с танками, средстве ведения боевых действий³⁵. Эксперт настаивала на поставках авиации, несмотря на необходимость использования для этого аэродромов на территории Западной Европы. По ее словам, цель – защита Украины и ее победа – оправдывает подобные средства.

Примечательно, что в марте 2022 г. мнения экспертов института расходились: если Майор говорила о необходимости вовлечения Германии в конфликт через поставки вооружений и предоставление военных аэродромов, то Рихтер в своем интервью

³⁰ Kaim: „Ukraine hat Pech gehabt“. *ZDF-Morgenmagazin*, 25.02.2022. Available at: <https://www.zdf.de/nachrichten/zdf-morgenmagazin/kaim-ukraine-hat-pech-gehabt-russland-sanktionen-100.html> (accessed 05.04.23).

³¹ *Lebenslauf. Oberst i.G. Wolfgang Richter*. Stiftung Wissenschaft und Politik. Available at: https://www.swp-berlin.org/assets/swp/people/life_career/Lebenslauf_Wolfgang_Richter.pdf (accessed 05.04.2023).

³² Kaminski S. Was bringt der Bundeswehr das 100-Milliarden-Paket, Herr Richter? *Augsburger Allgemeine*, 03.04.2022. Available at: <https://www.augsburger-allgemeine.de/politik/100-milliarden-paket-fuer-die-bundeswehr-sinnvoll-id61965166.html> (accessed 05.04.23).

³³ *Dr. Claudia Major*. Stiftung Wissenschaft und Politik. Available at: <https://www.swp-berlin.org/wissenschaftler-in/claudia-major> (accessed 05.04.2023).

³⁴ *Dr. Claudia Major*. Global Female Leaders 2024. Available at: <https://www.globalfemaleleaders.com/speaker/dr-claudia-major/> (accessed 05.04.2023).

³⁵ Markus Lanz vom 8. März 2022. *ZDF*, 08.03.2022. Available at: <https://www.zdf.de/gesellschaft/markus-lanz/markus-lanz-vom-8-mae-rz-2022-102.html> (accessed 05.04.23).

говорил о возможности его дипломатического завершения и призывал не спешить. Однако по мере затягивания конфликта аргументы экспертов о необходимости большей вовлеченности в него Германии начали превалировать. Об этом в апреле 2022 г. писали сотрудники института с огромным научным и экспертным опытом Николай фон Ондарза и Марко Оферхауз. В статье “Переосмысливая стратегический суверенитет” они возложили часть вины за произошедшее на Украине на саму ФРГ, в связи с чем потребовали от нее активизации действий по обеспечению безопасности Европы и гарантий европейской стратегической автономии. По их мнению, Германия должна стать военно-политическим лидером в ЕС, используя для этого собственный военный потенциал [20].

В апреле 2022 г. К. Майор дала интервью новостному шоу *Tagesschau* на центральном телеканале Германии *ARD*, где говорила о необходимости “разворота” не только в вопросах поставок вооружений Украине, но и во взглядах на политику общеевропейской безопасности³⁶. Эксперт рассуждала о комплексном переосмыслении привычных параметров, времени, которое займет такое переосмысление, и жизненной необходимости данного шага для Берлина. В другом интервью для телеканала *ZDF* К. Майор утверждала, что нерешительность Германии в поставках тяжелых вооружений и в целом в вопросе поддержки Украины негативно сказывается на отношениях с европейскими союзниками, что недопустимо для “гаранта европейской безопасности”³⁷.

Активное экспертное обсуждение необходимых изменений стратегической культуры Германии с акцентом на отказ от позиции “ведомой” стороны, вероятно, оказало влияние на позицию О. Шольца. Тезис о важности изменений красной нитью проходил через его декабрьскую статью о *Zeitenwende*. Он повторил в своем тексте все вышеупомянутые тезисы: о переосмыслении роли Германии в обеспечении европейской безопасности, о решимости в сфере обеспечения безопасности, о лидерстве в ЕС и ужесточении политики в отношении России. Понимание необходимости изменений во многом совпадает с видением экспертного сообщества и различается с позицией федерального канцлера, озвученной в феврале 2022 г. Нельзя с уверенностью заявлять о том, что в этом заслуга исключительно экспертов *SWP*, но они действительно способствовали запуску дискуссии о переосмыслении стратегической культуры, содействовали поддержанию этой дискуссии и привлечению к ней внимания. Важно и то, что через СМИ эксперты подготавливали почву для подобных заявлений и активно защищали основные тезисы, представленные Шольцем в декабрьской статье.

Однако эксперты подталкивают канцлера идти дальше. В опубликованной в январе 2023 г. колонке в *Handelsblatt*, ежедневной общенациональной деловой газете Германии, К. Майор задавала весьма решительный тон германским дискуссиям о событиях на Украине. В материале “Много и в то же время слишком мало: проблема с *Zeitenwende* в оборонной политике Германии” она писала, что переломный момент для страны наступил с началом дебатов в элитах и обществе о возможности поставки оружия в кризисные районы: “Вскоре после вторжения России на Украину правительство Германии объявило о фундаментальных изменениях в немецкой оборонной политике. Речь шла о трех направлениях: реконструкции бундесвера, защите Европы и поддержке Украины” [21]. Эти изменения “при широкой парламентской и общественной поддержке” были подкреплены эпохальными решениями – созданием специального фонда в размере 100 млрд евро для инвестиций в вооруженные силы Германии и поставками оружия на Украину. Однако “трагедия” немецкого *Zeitenwende* заключается, по мнению эксперта, в недостаточности этих мер: реформа бундесвера оказалась фактически парализована, правительство заморозило оборонный бюджет на текущем уровне, финансовый план его увеличения на долгосрочную перспективу отсутствует. При таких условиях правительство окажется не в состоянии выполнить свои обязательства ни перед собственными гражданами, ни перед зарубежными партнерами. Майор считает,

³⁶ Claudia Major, Sicherheitsexpertin Stiftung Wissenschaft und Politik, über Waffenlieferungen in die Ukraine: “Es hat ein Umdenken stattgefunden”. *Tagesschau*, 11.04.2022. Available at: <https://www.tagesschau.de/multimedia/video/video-1016167.html> (accessed 05.04.23).

³⁷ Major: “Schwere Waffen sind enorm wichtig”. *ZDF-Mittagsmagazin*, 14.04.2022. Available at: <https://web.archive.org/web/20220526115506/https://www.zdf.de/nachrichten/zdf-mittagsmagazin/ukraine-waffenlieferungen-claudia-major-russland-ziele-100.html> (accessed 05.04.23).

что для успеха *Zeitenwende* следует действовать в трех направлениях: координации с партнерами стратегии обеспечения Украины систематической военной и гуманитарной помощью; создания концепции структурной реорганизации бундесвера; четкого разъяснения для мирового сообщества причин и мотивов переосмысления Германией своей роли в мире. Иначе, по мнению эксперта, *Zeitenwende* не имеет смысла [21].

Критика нерешительности правительства является “визитной карточкой” К. Майор, которая, следует заметить, играет роль значимого лидера мнений. Она дает колоссальное количество интервью и комментариев немецким и иностранным СМИ³⁸. Она же была приглашенным экспертом, задававшим вопросы и обсуждавшим преимущества *Zeitenwende* с бывшим министром обороны ФРГ Кристиной Ламбрехт, когда та в сентябре 2022 г. представляла “новый взгляд” ведомства на политику безопасности Германии³⁹. В 2022 и 2023 гг. Майор появлялась на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности в качестве приглашенного эксперта⁴⁰. Число ее подписчиков в заблокированной в РФ сети *Twitter* составляет около 70 тыс., что практически втрое превышает аудиторию самого Немецкого института международных отношений и безопасности, и в список ее читателей входят журналисты крупнейших немецких изданий, немецкие и европейские политики. Она фактически является медийным лицом *SWP*, к идеям которого как минимум прислушиваются политические элиты. И если влияние правительственных консультаций К. Майор или ее коллег еще можно поставить под вопрос, то их воздействие на общественное мнение Германии неоспоримо, в немецком медиапространстве они явно доминируют.

По степени знаковости выступлений и частоте появления на публике в один ряд с К. Майор можно поставить Горана Свистека, выходца из армейской среды, который до 2020 г. занимал пост заместителя и советника главы Военно-морского флота Германии⁴¹. В интервью “Берлин реагирует только на невыносимый натиск” телеканалу *ZDF* в конце января 2023 г. Г. Свистек подчеркнул, что “важнейшим поворотным моментом в политике Германии... стала прежде всего поставка систем вооружения в зону боевых действий. Это табу, существовавшее на протяжении десятилетий, постепенно отошло на второй план в связи с войной на Украине”⁴². Он полагает, что Германия быстро выходит из привычного состояния невмешательства в военные конфликты других стран, хотя и “не будет действовать в одиночку – это принцип, который неоднократно подтверждал действующий федеральный канцлер”⁴³. И этот тезис – отзвук акцента на значимости многостороннего сотрудничества в урегулировании конфликтов, вероятно, имманентный политическому менталитету Германии в целом. С ним согласен коллега Свистека – упоминавшийся выше В. Рихтер⁴⁴. Он утверждает, что поставки Киеву оружия являются единственной возможной реакцией Берлина на нынешнюю ситуацию, поскольку только так Украина сможет изменить ход боевых действий и занять лучшую переговорную позицию – а это и есть цель ФРГ в данном конфликте⁴⁵.

Аргументы о необходимости изменений в стратегической культуре Германии

³⁸ Schlichting M. Claudia Major fordert Industrieumstellung auf ukrainische Bedürfnisse. *NTV*, 09.02.2023. Available at: <https://www.n-tv.de/politik/Sicherheitsexpertin-Major-fordert-Umstellung-der-Industrieproduktion-auf-Beuerfnisse-der-Ukraine-article23903962.html> (accessed 05.04.23).

³⁹ Grundsatzrede von Verteidigungsministerin Christine Lambrecht mit Podiumsdiskussion. Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik. 12.09.2022. Available at: <https://dgap.org/de/veranstaltungen/grundsatzrede-von-verteidigungsministerin-christine-lambrecht-mit-podiumsdiskussion> (accessed 05.04.2023).

⁴⁰ *Fallout? Challenges for Transatlantic Defense and the Nuclear Order*. Munich Security Conference. 2023. Available at: <https://securityconference.org/en/msc-2023/agenda/event/fallout-challenges-for-transatlantic-defense-and-the-nuclear-order/> (accessed 05.04.2023).

⁴¹ Fregattenkapitän Göran Swistek, M.A. Stiftung Wissenschaft und Politik. Available at: <https://www.swp-berlin.org/wissenschaftler-in/goeran-swistek> (accessed 05.04.2023).

⁴² Waffen für die Ukraine: “Berlin reagiert erst, wenn Druck enorm wird”. *ZDF Heute*, 28.01.2023. Available at: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/waffen-helme-leopard-ukraine-krieg-russland-100.html> (accessed 05.04.23).

⁴³ Experte befürchtet: “Russien haben mehr Ressourcen”. *NTV*, 12.07.2022. Available at: <https://www.n-tv.de/politik/Experte-befuerchtet-Russen-haben-mehr-Ressourcen-article23456799.html> (accessed 05.04.23).

⁴⁴ *Lebenslauf. Oberst i.G. Wolfgang Richter*. Stiftung Wissenschaft und Politik. Available at: https://www.swp-berlin.org/assets/swp/people/life_career/Lebenslauf_Wolfgang_Richter.pdf (accessed 05.04.2023).

⁴⁵ Experte befürchtet: “Russien haben mehr Ressourcen”. *Op. cit.*

поддерживает также эксперт в сфере безопасности Маркус Каим, работавший в различных университетах по всему миру, включая американский университет Джонса Хопкинса и университет Фридриха Шиллера в немецкой Йене⁴⁶. В статье для журнала *Spiegel* "Если Путин проиграет..." Каим заявляет, что одна лишь поставка вооружений Украине не поможет изменить ситуацию на фронте, Германии необходима четкая стратегия ее участия в этом конфликте, а таковой все еще нет [22]. Без этого ФРГ не может играть роль европейского лидера. Дискуссия о европейской безопасности не должна сводиться исключительно к вопросам поставок вооружений, иначе теряется направленность такой помощи и ее смысл. По словам Каима, Берлину следует определиться со своей ролью в этом конфликте, исходя из собственных интересов.

Ключевая идея, которая объединяет этих и других экспертов *SWP*, заключается в призыве к политическим элитам Германии взглянуть на прошлое страны под новым углом зрения, выйти из "тени истории", ограничивающей, по их мнению, возможности страны, позиционирующей себя как региональная держава, и перестать бояться вовлечения в военные действия. Как пишут К. Майор и Кристиан Мёллинг – директор по исследованиям Немецкого совета по международным отношениям, "по всей видимости, вскоре Берлин почувствует искушение отказаться от трудного пути, намеченного канцлером. Зазвучат голоса пацифистов или тех, кто призывает к скорейшему сближению с Россией. Тогда немецкое коалиционное правительство, возглавляемое Социал-демократической партией Шольца, но также включающее Зеленых и Свободную демократическую партию, должно сохранить единство и не только разъяснить, но и активно продвигать новую политику среди немецкой общественности" [13].

Здесь важно зафиксировать два ключевых момента. Во-первых, вполне вероятно, что мы наблюдаем начало нового цикла смены германских политических элит. Принято выделять четыре рубежа таких циклов: в 1919, 1933, 1945 и 1990 гг. [23] Полагаем, что как минимум с 2021 г., когда закончилась "эпоха" правления Ангелы Меркель, трансформировавшей образ Германии на мировой арене, был запущен новый цикл. Меркель оставила страну перед выбором вектора внешнеполитического развития на фоне беспрецедентных вызовов международной и европейской безопасности. Начало такого цикла само по себе – объективный процесс, связанный с неизбежным поколенческим вызовом, кризисным положением системных немецких партий, международной ситуацией и развитием мировой экономики. Для политических элит Германии важно и ощущение себя частью многосоставной европейской элиты, европейского политического пространства вообще. При этом некоей "внутренней традицией" немецкой элиты является важная доминирующая тенденция – преемственность [24, сс. 11-34]. Это означает, что в Германии смена элит всегда была относительно плавной, а процесс циркуляции элит носит политический, а не социальный характер [25, с. 35].

Во-вторых, политические элиты Германии инициировали начало процесса пересмотра во внешней политике страны крайностей пацифизма как убеждения в абсолютной аморальности войны в пользу позиции справедливой войны, теория которой утверждает, что "одни войны безнравственны, в то время как другие могут быть оправданы с нравственной точки зрения" [26, с. 32]. Эксперты *SWP* стремятся убедить политиков и граждан именно в этом, рассуждая, что поставки вооружений Украине являются не просто участием Германии в боевых действиях, но с точки зрения морали и геополитики – правильным решением, которое не несет никаких политических рисков [27]. Такой пересмотр указывает на процессы изменений в характеристиках и приоритетах стратегической культуры, решимость укреплять самостоятельность принимаемых решений. Но вряд ли это означает принятие политическими элитами реалистической парадигмы с ее тезисом о неморальности войны и, следовательно, неизбежность последующей милитаризации страны.

⁴⁶ PD Dr. habil. Markus Kaim. Stiftung Wissenschaft und Politik. Available at: <https://www.swp-berlin.org/wissenschaftler-in/markus-kaim> (accessed 05.04.2023).

Пафос заявлений Шольца в его статье, упомянутой выше, сглажен акцентами на необходимости в ситуации кризиса “держать дипломатические каналы связи открытыми”, остаться “наводчиком мостов внутри Евросоюза”, “защитником многосторонности при решении глобальных проблем” [28]. Все это ставит под вопрос решимость элит стать реальным лидером ЕС во всех отношениях и свидетельствует о жизнеспособности и устойчивости осторожного подхода А. Меркель во внешней политике. Итоговый результат будет зависеть от того, насколько политическим элитам ФРГ и особенно правящей элите удастся в новых условиях остаться сплоченными: сохранить высокий внутренний консенсус, стабильные репрезентативные политические институты, возможность неформализованным институтам гражданского общества оказывать воздействие на власть, эффективно реализовывать совместно с бизнес-элитой инициативы правительства в области оборонной политики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Однозначно определить роль экспертов *SWP* в обсуждении украинского кризиса, участия в нем Германии и эволюции немецкой стратегической культуры довольно сложно. Можно уверенно заявлять о доминировании экспертов центра в информационном поле Германии, их воздействии на общественное мнение и продвижении идей о расширении роли ФРГ в украинском конфликте, а также о необходимости изменения стратегической культуры страны. Сопоставляя это с информацией о влиятельности *SWP* и стремлении центров воздействовать на общественное мнение, можно сделать вывод, что данный центр преследует эту цель и активно пытается оказывать влияние на общественную дискуссию и дискурс. Востребованность экспертов в СМИ подтверждает успешность предпринимаемых попыток. При этом для анализа влияния *SWP* на принятие политических решений не хватает информации, которая является преимущественно закрытой.

Эксперты *SWP* призывают Германию, ее элиты и граждан к более активным шагам в исторически поворотном моменте перехода от стратегии *Wandel durch Handel*, или перемен через торговлю, к новому “способу ведения дел” Германией. Они используют разную аргументацию, отсылая то к важности для страны лидирующих позиций внутри ЕС, то к необходимости последовательно формировать собственную стратегию безопасности, четко формулируя цели и задачи, убеждая истеблишмент в том, что это необходимо, и угрожая населению перспективами остаться без защиты перед лицом врагов. Во всех случаях акцент делается на том, что старая стратегическая культура, которая и удерживает Берлин от смелых решений и активных действий в данной сфере, должна быть пересмотрена. Некоторые эксперты упоминают этот аспект напрямую, некоторые только намекают на него, но в целом все они сходятся на необходимости слома старых порядков. Значение такого преобразования для национальных интересов Германии и для общества до конца не понятно, особенно с учетом текущего положения страны и ее авторитета.

Возможно, речь идет о стремлении к достижению большей автономии от США в принятии ключевых военно-политических решений, или события вокруг Украины порождают истерию, которая провоцирует подобную реакцию. Еще одной причиной могла стать усталость интеллектуальных элит от нерешительности и “несамостоятельности” Германии. Поскольку обращение к политическому истеблишменту не дает результатов, эксперты, вероятно, используют общественное мнение для попытки запустить процесс изменений стратегической культуры. Наконец, еще одной причиной мог стать присущий Германии антимиитаризм, а начавшийся у европейских границ конфликт потребовал вмешательства и усилий, направленных на его разрешение, которое оказалось невозможным с помощью привычных механизмов. Обращение к военным решениям требует одобрения общества, что подталкивает экспертов и к необходимости выступлений в поддержку правительственных подходов.

При этом важен исторический контекст, в котором происходит укрепление позиций экспертов и продвижение озвученных выше идей. Созданная в декабре

2021 г. нынешняя коалиция *Ampelkoalition*, или “светофорная коалиция”, изначально намеревалась так или иначе следовать на международной арене курсу правительства Меркель, хотя и с некоторыми незначительными изменениями. Но в политику приходят новые, молодые люди с иными убеждениями и взглядами, желающие перемен. Эксперты аналитических центров участвуют в формировании мировоззрения таких элит, подкрепляя своими рекомендациями их намерения привнести больше смелости и решительности в политику Германии. Пока это происходит максимально аккуратно, что вызывает вопросы относительно того, каким будет новое поколение немецкого политического истеблишмента и в чем его отличия от предшественников.

Определенно не стоит ждать от Германии резкой милитаризации и перехода к агрессивной внешней политике. По крайней мере, эксперты аналитических центров пытаются этого избежать, предлагая последовательное и постепенное наращивание военно-политического потенциала, плавный переход в новое состояние, что в целом соответствует международной идентичности государства и особенностям исторического развития немецких политических элит. В аналитическом центре *SWP* понимают, насколько губительными могут быть резкие перемены. Понимает это и нынешнее руководство ФРГ, в частности, сам О. Шольц, который осуждает Россию (“империализм вернулся в Европу”) и настроен помогать Украине (“Германия будет поддерживать Украину столько, сколько потребуется”), аргументируя это тем, что Киев якобы ведет справедливую войну. Но грань справедливой войны легко переступить, достаточно лишь вольной интерпретации фактов или логичного и рационального обоснования необходимости рокового шага. То и другое могут сделать аналитические центры, а значит, цена их ошибки может оказаться очень высокой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Mudau P. African Think Tanks and the Challenge of Reinvention for Sustainability. *Africa Portal*, 24.06.2021. Available at: <https://www.africaportal.org/features/african-think-tanks-and-challenge-reinvention-sustainability/> (accessed 05.03.2023).
2. Brewer G.D., deLeon P. *The Foundations of Policy Analysis*. Homewood, Dorsey Press, 1983. 480 p.
3. Heinze R.G. Federal Government in Germany: Temporary, Issue-Related Policy Advice. *Policy Analyses in Germany*. Blum S., Schubert K., eds. Bristol University Press, 2013. 312 p.
4. Snyder J.L. *The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operations*. RAND Corporation. 2005. 40 p. Available at: <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2005/R2154.pdf> (accessed 05.04.2023).
5. Techau J. No Strategy, Please, We're German – the Eight Elements That Shaped German Strategic Culture. *Towards a Comprehensive Approach: Strategic and Operational Challenges*. Schnaubelt C., ed. NATO Defense College, 2011, pp. 69-94.
6. Berger T. Norms, Identity, and National Security in Germany and Japan. *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*. Katzenstein P., ed. New York, Columbia University Press, 1996, pp. 317-356.
7. Schnaubelt C., ed. *Towards a Comprehensive Approach: Strategic and Operational Challenges*. NATO Defense College, 2011. 172 p.
8. Mair S., Tull D. *Deutsche Afrikapolitik: Eckpunkte einer strategischen Neuausrichtung*. Stiftung Wissenschaft und Politik. 2009. 46 S. Available at: https://www.swp-berlin.org/publications/products/studien/2009_S10_mrs_tll_ks.pdf (accessed 05.04.2023).
9. Angenendt S., Basedau M., Conrad B., et al. *Herausforderungen und Chancen für die Politik*. Bundeszentrale für politische Bildung. 2009. Available at: <https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/izpb/7931/herausforderungen-und-chancen-fuer-die-politik/> (accessed 05.04.2023).
10. *Neue Macht – Neue Verantwortung*. Stiftung Wissenschaft und Politik, German Marshall Fund of the United States. 2013. 48 S. Available at: <https://www.swp-berlin.org/publikation/neue-macht-neue-verantwortung-neue-aussenpolitik/> (accessed 05.04.2023).
11. Lacher W. *Unser schwieriger Partner*. Stiftung Wissenschaft und Politik. 2021. 39 S. Available at: https://www.swp-berlin.org/publications/products/studien/2021S03_deutschland_frankreich_libyen_mali.pdf (accessed 05.04.2023).
12. Lippert B., Ondarza N., Perthes V. *Strategische Autonomie Europas*. Stiftung Wissenschaft und Politik. 2019. 44 S. Available at: <https://www.swp-berlin.org/publikation/strategische-autonomie-europas> (accessed 05.04.2023).
13. Major C., Mölling C. The War in Ukraine Just Caused a Revolution in German Military Affairs. *World Politics Review*, 22.03.2022. Available at: <https://www.worldpoliticsreview.com/germany-defense-spending-hike-is-a-revolution-in-military-affairs/> (accessed 05.04.2023).
14. Allen A. Germany's Defense 'Zeitenwende' Will Need Popular Support to Succeed. *World Politics Review*, 28.03.2023. Available at: <https://www.worldpoliticsreview.com/scholz-germany-military-defense-budget-nato-traffic-light-coalition/> (accessed 05.04.2023).

15. Lux N. *Außenpolitische Think-Tanks in Krisenzeiten*. Stiftung Wissenschaft und Politik. 2021. 8 S. Available at: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2021ZS01/> (accessed 05.04.2023).
16. Brockmeier S., Nitzschke H. Mehr Marktplatz, weniger Papier. *Internationale Politik*, 02.11.2017. Available at: <https://internationalepolitik.de/de/mehr-marktplatz-weniger-papier> (accessed 05.04.2023).
17. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте). *Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы*. Петров В.В., общ. ред. Москва, Прогресс, 1987, сс. 88-125. [Blakar P. Language as an Instrument of Social Power (Theoretical and Empirical Studies of the Language and Its Use in a Social Context). *Language and Modeling of Social Interaction: Translations*. Petrov V.V., ed. Moscow, Progress, 1987, pp. 88-125. (In Russ.)]
18. Klein M., Schreiber N. *The Attack on Ukraine and the Militarisation of Russian Foreign and Domestic Policy*. Stiftung Wissenschaft und Politik. 2022. 8 S. Available at: <https://www.swp-berlin.org/publikation/the-attack-on-ukraine-and-the-militarisation-of-russian-foreign-and-domestic-policy> (accessed 05.04.2023).
19. Daniels L., Fischer S., Godehardt N., et al. *Russischer Angriff auf die Ukraine: Zeitenwende für die euro-atlantische Sicherheit*. Stiftung Wissenschaft und Politik. 28.02.2022. Available at: <https://www.swp-berlin.org/publikation/zeitenwende-fuer-die-euro-atlantische-sicherheit> (accessed 05.04.2023).
20. Ondarza N., Overhaus M. *Strategische Souveränität neu denken*. Stiftung Wissenschaft und Politik. 11.04.2022. 8 S. Available at: <https://www.swp-berlin.org/publikation/strategische-souveraenitaet-neu-denken> (accessed 05.04.2023).
21. Major C. Viel und doch zu wenig: Es hakt bei Deutschlands verteidigungspolitischer Zeitenwende. *Handelsblatt*, 05.01.2023. Available at: <https://www.handelsblatt.com/meinung/kolumnen/geoeconomics/kolumne-geoeconomics-viel-und-doch-zu-wenig-es-hakt-bei-deutschlands-verteidigungspolitischen-zeitenwende/28903832.html> (accessed 05.04.2023).
22. Kaim M. Wenn Putin verliert... *Spiegel*, 23.05.2022. Available at: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/ukraine-krieg-wladimir-putin-verliert-a-11132261-e48f-4b1f-a67a-8909569d3613> (accessed 05.04.2023).
23. Schäfers B. *Elite*. Bundeszentrale für politische Bildung. 2004. Available at: <https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/28476/elite/> (accessed 05.04.2023).
24. Bürklin W., Rebenstorf H. *Eliten in Deutschland. Rekrutierung und Integration*. Opladen, Leske u. Budrich. 1997. 482 S.
25. Хоффманн-Ланге У. Элиты в Германии: исторические изменения и новые вызовы. *Власть и элиты*. Дука А.В., ред. Санкт-Петербург, Интер социс, 2017, т. 4, сс. 55-83. [Khoffmann-Lange U. German Elites: Historical Changes and New Challenges. *Power and Elites*. Duka A.V., ed. Saint-Petersburg, Inter sotsis, 2017, vol. 4, pp. 55-83. (In Russ.)]
26. Фоушин Н. и др. Введение. *Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры*. Коппитерс Б. и др., ред. Москва, Гардарики, 2002, сс. 21-63. [Foushin N. et al. Introduction. *Moral Boundaries of War: Issues and Examples*. Koppiters B. et al., eds. Moscow, Gardariki, 2002, pp. 21-63. (In Russ.)]
27. Schaller C. *Waffenlieferungen an die Ukraine*. Stiftung Wissenschaft und Politik. 02.03.2023. 5 S. Available at: <https://www.swp-berlin.org/publikation/waffenlieferungen-an-die-ukraine> (accessed 05.04.2023).
28. Higley J., Field L., Grøholt K. *Elite Structure and Ideology: A Theory with Applications to Norway*. Oslo, New York, Universitetsforlaget, Columbia University Press, 1976. 367 p.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ ГЕРМАНИИ ПОСЛЕ НАЧАЛА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ НА УКРАИНЕ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИИ

© ХОРОЛЬСКАЯ М.В., 2023

ХОРОЛЬСКАЯ Мария Витальевна, кандидат политических наук, научный сотрудник сектора политических проблем европейской интеграции отдела европейских политических исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (khorolskaja.marya@yandex.ru), ORCID: 0000-0002-1885-7729

Хорольская М.В. Изменения в политическом ландшафте Германии после начала боевых действий на Украине: вызовы для России. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2023, № 2, сс. 73-83. DOI: 10.20542/afij-2023-2-73-83

DOI: 10.20542/afij-2023-2-73-83

EDN: RRLJMV

УДК: (329+327):430

Поступила в редакцию 18.01.2023.

После доработки 04.04.2023.

Принята к публикации 22.08.2023.

Статья посвящена изменению общественных настроений и новой расстановке политических сил в Германии после начала российской специальной военной операции на Украине. Автор анализирует данные опросов общественного мнения, на основании чего делает вывод, что с начала этого вооруженного конфликта население Германии переживает слом старых установок и раскол по важнейшим вопросам. В статье представлен построенный автором график колебания рейтинга правительства, демонстрирующий падение уровня поддержки правящей коалиции одновременно с ростом одобрения оппозиции. Однако этот график показывает, что рейтинг снизился у правительственных Социал-демократической партии Германии и Свободной демократической партии, а также оппозиционной Левой партии, но вырос у оппозиционных Христианско-демократического союза / Христианско-социального союза, "Альтернативы для Германии" и правительственной партии "Союз 90/Зеленые". Сопоставление данных опросов с партийными материалами позволило выявить причины укрепления и ослабления различных политических сил. В заключении делается вывод о влиянии изменений в партийно-политическом раскладе на отношения ФРГ и РФ. Проблемой для России является единство большинства партий в осуждении политики Москвы. В большей мере настроенные на диалог АдГ и часть Левой партии не имеют шансов войти в земельные и федеральное правительства, а взаимодействие с правопопулистской "Альтернативой для Германии" к тому же может дискредитировать Россию.

Ключевые слова: Германия, общественные настроения, партии, ХДС/ХСС, СДПГ, СвДП, "Союз 90/Зеленые", "Левые", АдГ, украинский кризис, российско-германские отношения.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования.

CHANGES IN THE GERMAN POLITICAL LANDSCAPE AFTER THE OUTBREAK OF THE CONFLICT IN UKRAINE: CHALLENGES FOR RUSSIA

Received 18.01.2023. Revised 04.04.2023. Accepted 22.08.2023.

Maria V. KHOROLSKAYA (khorolskaja.marya@yandex.ru), ORCID: 0000-0002-1885-7729, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

The article deals with the changes in public opinion and balance of political forces in Germany after the outbreak of the conflict in Ukraine. The analyses of sociological polls revealed that German population has been experiencing the break of old patterns and the division on the most important foreign policy issues. Also, the article presents a graph of government rating created by the author. It shows that while the support for ruling coalition declines, opposition's ranking improves. However, the graph of parties' ranking demonstrates that the support for governing Social Democratic Party of Germany and the Free Democratic Party, as well as the opposition Left Party dropping, the rating of Christian Democratic Union/Christian Social Union, 'Alternative for Germany' and governing Alliance 90/The Greens improves. Comparison of survey data with party materials revealed the reasons for the strengthening and weakening of various political forces. In the end, the author draws conclusions regarding the impact of changes in the party-political balance on Russian-German relations. The main challenge for our countries is that most German parties are united in condemning Moscow's policies. The more open to dialogue AfD and part of the Left Party have no chance of entering the federal and state governments, and interaction with the right-wing populist 'Alternative for Germany' could discredit Russia.

Keywords: Germany, public opinions, parties, CDU/CSU, SPD, FDP, Alliance 90/The Greens, the Left Party, AfD, Ukrainian crisis, Russian-German relations.

About the author: Maria V. KHOROLSKAYA, Cand. Sci. (Polit.), Researcher, Sector for European Integration Political Aspects, Department of European Political Studies.

Competing interests: no potential competing financial or non-financial interest was reported by the author.

Funding: no funding was received for conducting this study.

ВВЕДЕНИЕ

Осенью 2021 г. в ФРГ закончилась "эра Меркель". За 16 лет руководства правительством федеральный канцлер Ангела Меркель выработала свой стиль – сочетание прагматического и ценностного подходов во внешней и внутренней политике, личного авторитета и способности к компромиссам. Это было важно и для нахождения сбалансированных решений двумя партиями. В первый и второй сроки страной управляла правоцентристская коалиция Христианско-демократического союза / Христианско-социального союза (ХДС/ХСС) и Свободной демократической партии (СвДП), а после падения популярности "свободных демократов" к власти пришла "большая коалиция" так называемых народных партий – ХДС/ХСС и Социально-демократической партии Германии (СДПГ).

Однако в 2021 г. на смену традиционной двухпартийной коалиции впервые пришла коалиция из трех партий – СДПГ, СвДП и "Союза 90/Зеленых" – называемая по цветам основных политических сил "светофорной" (цвета партийной символики соответственно: красный, желтый, зеленый).

Трехпартийная коалиция стала новым политическим явлением для послевоенной Германии. В связи с этим аналитики высказывали беспокойство относительно устойчивости данной конфигурации: как смогут достичь компромисса три столь разные

политические силы, не начнут ли “свободные демократы”, как четыре года назад, угрожать стабильности коалиционного соглашения для укрепления собственных позиций?

Одновременно с этим уже в конце 2021 г. ряд наблюдателей из России высказывали обеспокоенность дальнейшим развитием российско-германских отношений. Особое опасение вызвала жесткая позиция по отношению к РФ “Зеленых” и непосредственно бывшего сопредседателя этой партии Аннелены Бербок, получившей портфель министра иностранных дел. При этом, войдя в правительство, “Зеленые” смягчили риторику, а визиты в Россию новых канцлера и главы МИДа прошли в относительно доброжелательной атмосфере, что вызвало сдержанный оптимизм аналитиков. Однако начало 24 февраля 2022 г. специальной военной операции (СВО) на Украине привело к сильнейшему кризису в отношениях между Москвой и Берлином. Пересмотреть свою риторику и политику в отношении РФ были вынуждены и все ведущие политические партии.

Боевые действия на Украине также повлекли за собой изменения в общественных настроениях и внутриполитическом ландшафте ФРГ. В то время как влияние одних политических сил стало расти, рейтинг других стремительно снижался.

Целью данного исследования является анализ воздействия украинского кризиса на конфигурацию политических сил внутри Германии, а также ее дальнейшие взаимоотношения с Россией. В статье рассмотрены партийные и общественные дискуссии по проблеме военного конфликта, колебание рейтинга ведущих партий, изменение их политической риторики в отношении России. Немецкий партийный ландшафт и ранее привлекал внимание исследователей. Ведущий научный сотрудник Института Европы РАН Е.П. Тимошенко написала глубокую и многостороннюю монографию, посвященную партийно-политической системе Германии в период канцлерства А. Меркель [1]. Руководитель Центра германских исследований ИЕ РАН В.Б. Белов проанализировал влияние конфликта на Украине на российско-германские отношения [2]. Научные сотрудники ИМЭМО РАН Ф.А. Басов, В.И. Васильев, А.М. Кокеев в своих статьях рассматривали изменения, происходящие в партийной системе ФРГ [3], трансформацию Социал-демократической партии Германии [4], внешнеполитические установки правящих и оппозиционных сил [5]. Различные аспекты предвыборных программ ведущих партий освещались автором данной статьи в более ранних публикациях [6]. Однако изменение общественных настроений и новый политический расклад после начала украинского конфликта еще не были в полной мере раскрыты.

Задачей настоящей работы является восполнение этого пробела. В статье особое внимание уделяется анализу статистических данных. На основании проведенных за последний год опросов автор строит графики колебания рейтинга основных политических сил Германии. Для анализа общественного мнения использовались данные ведущих статистических агентств ФРГ. Источниками информации об изменении партийных ориентиров послужили выступления ведущих политиков, делопроизводственная документация, дискуссии в Бундестаге.

ИЗМЕНЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ

Начало боевых действий в феврале 2022 г. вызвало волнения в немецком обществе, в большинстве своем симпатизирующем украинцам. По данным опросов марта 2022 г., 89% респондентов беспокоились о людях на Украине, 77% волновались о том, что Украина будет полностью оккупирована Россией, 69% опасались вторжения РФ в какую-то из европейских стран¹ (к концу 2022 г. опасение вторжения снизилось до 61%²).

¹ ARD-DeutschlandTREND März 2022. Sorgen nach russischen Einmarsch in die Ukraine. Infratest dimap. Available at: <https://www.infratest-dimap.de/umfragen-analysen/bundesweit/ard-deutschlandtrend/2022/maerz/> (accessed 20.10.2022).

² ARD-DeutschlandTREND November 2022. Repräsentative Studie im Auftrag der ARD. Infratest dimap. Available at: <https://www.infratest-dimap.de/umfragen-analysen/bundesweit/ard-deutschlandtrend/2022/november/> (accessed 20.12.2022).

Согласно данным опросов ведущих немецких социологических агентств, большинство немцев осуждали действия Москвы и одобряли помощь Украине, однако в том, как именно должна быть организована эта помощь, мнения серьезно разнились. Однозначную поддержку вызывал только прием беженцев (в марте 2022 г. – 91%)³. В том же месяце около 2/3 граждан Германии выступали за жесткие меры в отношении РФ (67% соглашались с остановкой “Северного потока-2”, 61% высказывался за поставку оружия украинской стороне)⁴.

Уже с апреля мнение общества разделилось. С одобрением к предполагаемому бойкоту российских энергоносителей относились 40% опрошенных, критично – 48%. С поставками тяжелого вооружения Украине соглашались 55%, а 37% выступали против⁵. Прекращение закупок российского газа и нефти поддерживали 40% и отвергали 48%⁶. В июне 43% опрошенных сказали, что Германии нужно быть более сдержанной, чтобы не провоцировать Россию, не согласились с этой точкой зрения 50%⁷. Большая популярность сохранилась у санкций – в июле 58% респондентов приветствовали санкционную политику несмотря на возможный ущерб для ФРГ, 33% – выступили против⁸. На основании данных опросов можно сделать ряд промежуточных выводов. Во-первых, в общественном мнении Германии происходят серьезные изменения. Ранее для немцев были характерны пацифистские настроения, в частности, поставка вооружения в зону конфликта вызывала критику общественности, а энергетическое сотрудничество с РФ рассматривалось как элемент, способствующий сближению и миру. Теперь же значительная часть населения считает, что передача оружия Киеву служит делу мира, так как позволяет ему противостоять агрессии Москвы.

Во-вторых, в обществе постепенно снижалась поддержка жестких мер по отношению к России, однако доля их сторонников по-прежнему была высока.

В-третьих, с весны 2022 г. немецкое общество оказалось расколото по многим значимым вопросам в отношении украинского кризиса. Меньшую раздробленность мы видим у приверженцев “Союза 90/Зеленых” и “Альтернативы для Германии” (АдГ). Если первые почти единодушно выступают за жесткие меры в отношении России, то вторые столь же организованно их отвергают. Сторонники же право- и левоцентристских партий (СДПГ, СвДП, ХДС/ХСС) в большей мере разделены по вопросу российского направления внешней политики Германии на два примерно равных по численности лагеря либо в соотношении один к двум⁹.

В-четвертых, важно, что в связи с расколом общества практически любое действие немецкого правительства по острым вопросам может вызвать недовольство почти половины населения.

РЕЙТИНГ ВЕДУЩИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ

Колебания поддержки правящих и оппозиционных партий с сентября 2021 г. (выборов в Бундестаг) и до конца 2022 г. представлены на графике (рис. 1). Заметны

³ ARD-DeutschlandTREND März 2022. Aufnahme von Flüchtlingen aus der Ukraine. Infratest dimap. Available at: <https://www.infratest-dimap.de/umfragen-analysen/bundesweit/ard-deutschlandtrend/2022/maerz/> (accessed 20.10.2022).

⁴ ARD-DeutschlandTREND März 2022. Akzeptanz von Maßnahmen nach russischem Einmarsch in die Ukraine. Infratest dimap. Available at: <https://www.infratest-dimap.de/umfragen-analysen/bundesweit/ard-deutschlandtrend/2022/maerz/> (accessed 20.10.2022).

⁵ Gut die Hälfte spricht sich für Lieferung von schweren Waffen an die Ukraine aus. Infratest dimap. Available at: <https://www.infratest-dimap.de/umfragen-analysen/bundesweit/umfragen/aktuell/gut-die-haelfte-spricht-sich-fuer-lieferung-von-schweren-waffen-an-die-ukraine-aus/> (accessed 20.10.2022).

⁶ Ibid.

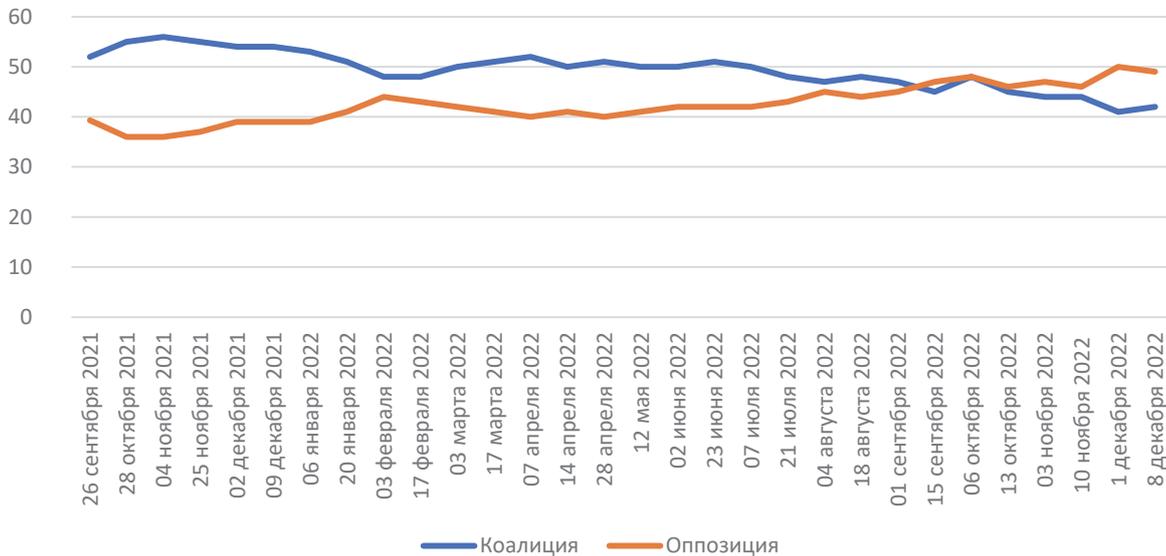
⁷ ARD-DeutschlandTREND Juni 2022. Repräsentative Studie im Auftrag der ARD. Infratest dimap. Available at: <https://www.infratest-dimap.de/umfragen-analysen/bundesweit/ard-deutschlandtrend/2022/juni/> (accessed 20.10.2022).

⁸ Weiterhin Unterstützung für Sanktionen gegen Russland – trotz möglicher Nachteile für Deutschland. Infratest dimap. Available at: <https://www.infratest-dimap.de/umfragen-analysen/bundesweit/umfragen/aktuell/weiterhin-unterstuetzung-fuer-sanktionen-gegen-russland-trotz-moeglicher-nachteile-fuer-deutschland/> (accessed 20.10.2022).

⁹ Gut die Hälfte spricht sich für Lieferung von schweren Waffen an die Ukraine aus... Op. cit.

снижение рейтинга коалиции и рост популярности оппозиции. С большой вероятностью можно сказать, что обе тенденции вызваны ухудшением экономической ситуации (повышением цен, инфляцией, возможными проблемами с энергоснабжением), а также несогласием с решениями правительства. При этом, как было отмечено выше, в связи с расколом общества по многим вопросам такое недовольство неминуемо.

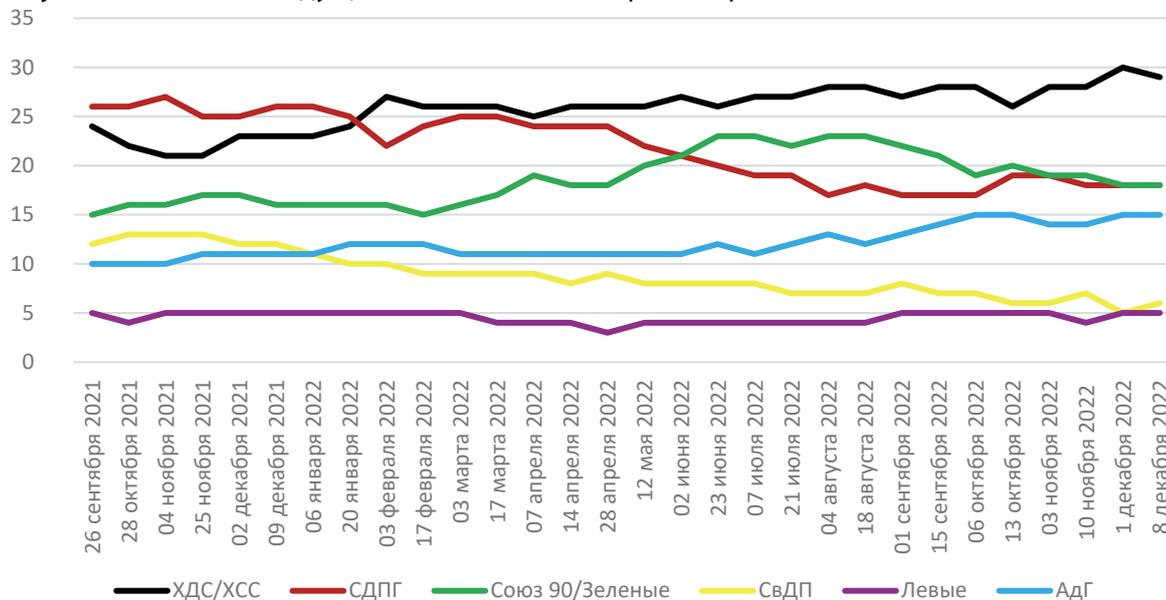
Рисунок 1. Рейтинг правящей коалиции и оппозиции в Германии (%)

Источник: составлено автором на основании данных *Infratest dimap*¹⁰.

Вместе с тем анализ рейтинга партий в самой правящей коалиции (рис. 2) показывает, что, в то время как у СДПГ и СвДП поддержка падает, у "Союза 90 / Зеленых" она растет.

Рисунок 2. Рейтинг ведущих политических партий Германии (%)

Источник: составлено автором на основании данных *Infratest dimap*¹¹.

Снижение популярности СДПГ и СвДП также может быть частично связано с общим недовольством граждан ухудшением экономической ситуации и внешнеполитической

¹⁰ Wenn am kommenden Sonntag Bundestagswahl wäre... Op. cit. Available at: <https://www.wahlrecht.de/umfragen/dimap.htm> (accessed 20.10.2022).

¹¹ Wenn am kommenden Sonntag Bundestagswahl wäre... Op. cit.

нестабильностью. Особенно это характерно для социал-демократов, возглавляющих коалицию.

Социал-демократическая партия Германии

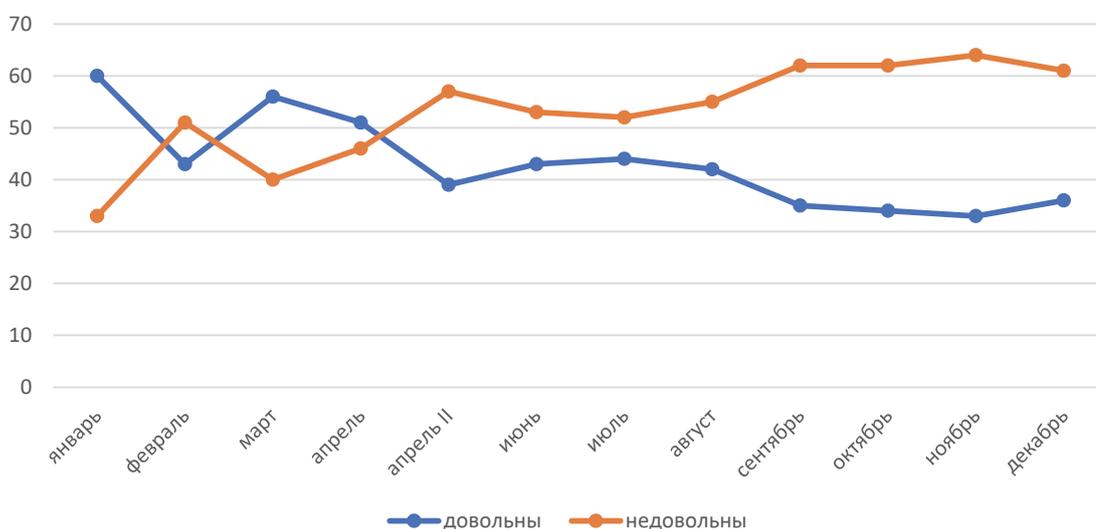
Социал-демократы начали сдавать позиции еще до боевых действий на Украине. Однако после вспыхнувшего конфликта обозначился кратковременный подъем их рейтинга, а затем его постепенное последовательное снижение. Это объясняется рядом факторов.

Во-первых, именно социал-демократы подверглись критике за близость с Россией и существовавшую еще с периода канцлера В. Брандта концепцию “изменения через сближение”. Особенно активно клеймили сторонников диалога, например, председателя правления Германо-российского форума, бывшего премьер-министра Бранденбурга М. Плацека или лоббистов “Северного потока-2”, в числе которых оказались премьер-министр Мекленбурга – Передней Померании М. Швезиг и бывший федеральный канцлер Г. Шрёдер.

Во-вторых, критика повлекла за собой отказ коалиции и нынешнего федерального канцлера Олафа Шольца от попыток выступить медиатором в диалоге Москвы и Киева. Более того, СДПГ официально отказалась от идеи “восточной политики”, направленной на установление диалога с СССР, а затем с Россией. Ранее “восточная политика” стала одним из внешнеполитических успехов СДПГ при В. Брандте и оставалась “визитной карточкой” социал-демократов. Отказ от прежней линии был обусловлен стремлением избежать обвинений в симпатиях к РФ, однако он же привел к потере партией своей внешнеполитической идентичности.

В-третьих, поддержка социал-демократов частично коррелирует с рейтингом канцлера и члена СДПГ О. Шольца, что заметно при сравнении второго и третьего графиков (рис. 2, 3).

Рисунок 3. Рейтинг федерального канцлера ФРГ О. Шольца в 2022 г. (%)

Источник: составлено автором на основании данных *Infratest dimap*¹².

Доверие к канцлеру начало снижаться в связи с событиями на Украине в 2022 г. Вероятно, население ожидало от главы государства более решительных действий и заявлений и сочло его политику неуверенной. С начала специальной военной операции Шольц действительно стремился занять сдержанную позицию, избегая громких заявлений и популистских решений. Так, он долгое время воздерживался от одобрения поставки тяжелого вооружения Киеву, а также гарантий быстрого отказа от российских

¹² *Infratest dimap*. Available at: <https://www.infratest-dimap.de> (accessed 21.12.2022).

энергоносителей. Несмотря на то, что в условиях любого кризиса взвешенный, осторожный подход должен выглядеть предпочтительнее популистских заявлений и решений, представляется, что Шольц вызвал недовольство электората именно своей сдержанностью.

Свободная демократическая партия

СвДП столкнулась не только со снижением уровня поддержки на федеральном уровне, но и с проблемами на земельном. После выборов партия не смогла вновь войти в правительства Северного Рейна – Вестфалии и Шлезвиг–Гольштейна, а также не прошла в ландтаг Нижней Саксонии. В неудачах на региональном уровне партийцы обвинили фракцию “свободных демократов” в Бундестаге.

СвДП частично сталкивается с потерей собственной идентичности в связи с нахождением в правящей коалиции. По данным опросов, 2/3 респондентов и 3/4 представителей свободных профессий¹³ (традиционный электорат “свободных демократов”) полагают, что интересы избирателей СвДП недостаточно представлены в правительстве, и партия должна делать больше для малого бизнеса, самозанятых, ремесленников и руководителей среднего звена¹⁴.

Лидер СвДП Кристиан Линднер возглавляет Федеральное министерство финансов Германии, которое не может не подвергаться критике в сложной экономической ситуации (в 2022 г. инфляция в ФРГ составила 7.9%¹⁵, росли цены на электроэнергию и отопление). В новых условиях Линднеру уже пришлось отойти от своих предвыборных обещаний. Отказ от повышения налогов был одним из основных тезисов председателя “свободных демократов” в ходе электоральной кампании, однако в ноябре 2022 г. министр финансов выступил за введение 33% налога на сверхприбыль¹⁶ для энергетических компаний [7]. Другим важнейшим обещанием СвДП было сохранение “долгового тормоза”¹⁷. С одной стороны, в представленном Минфином бюджете на 2023 г. (476.29 млрд евро) объем чистого госдолга составил 45 млрд евро, что соответствует принципу “долгового тормоза” при плохой конъюнктуре. Однако федеральное правительство в 2022 г. взяло беспрецедентно высокие займы (360 млрд евро), которые были проведены не как часть бюджета, а в рамках кредитных полномочий (*Kreditermächtigung*)¹⁸. Эти деньги должны пойти на нужды бундесвера (100 млрд евро в течение пяти лет) и мероприятия, направленные на снижение цен на газ и электричество, а также защиту климата¹⁹. При этом займы в рамках кредитных полномочий статистически учитываются в год их принятия, и это позволяет Линднеру утверждать, что впервые за три года бюджет на будущий год сформирован при учете нормативов “долгового тормоза”.

“Союз 90/Зеленые”

Партия “Союз 90/Зеленые” продемонстрировала рост популярности в преддверии выборов в Бундестаг, в мае 2021 г. с 26% они опережали народные партии (у ХДС/ХСС было 24%, а у СДПГ – 15%). Однако рейтинг партии начал падать, в том числе из-за ошибок кандидата на пост канцлера от “Зеленых” А. Бербок (неудачных высказываний, публикации книги с недобросовестным цитированием) [7]. В итоге “Зеленые” получили на выборах лишь 15% и не смогли возглавить правящую коалицию.

¹³ Немецкое обозначение самозанятых, представителей творческих профессий и семейного бизнеса.

¹⁴ Forsa-Umfrage: FDP-Image als Partei für den Mittelstand ramponiert. Focus-online. 28.10.2022. Available at: https://www.focus.de/politik/deutschland/forsa-umfrage-fdp-image-als-partei-fuer-den-mittelstand-ramponiert_id_171836929.html (accessed 21.12.2022).

¹⁵ Inflationsrate im Jahr 2022 bei +7,9%. DeStatis. Available at: https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/2023/01/PD23_022_611.html (accessed 28.12.2022).

¹⁶ Сверхприбыль означает, что прибыль корпорации на 20% превышает среднюю прибыль за последние три года.

¹⁷ В стабильной экономической ситуации при составлении бюджета долговые займы правительства не должны превышать 0.35% ВВП. Подробнее см.: *Schuldenbremse*. Bundesfinanzministerium. Available at: <https://www.bundesfinanzministerium.de/Content/DE/Glossareintraege/S/Schuldenbremse.html?view=renderHelp> (accessed 12.01.2022).

¹⁸ Юридический механизм, позволяющий правительству брать кредиты в рассматриваемом бюджетном году.

¹⁹ Minister zwischen allen Stühlen. Tagesschau, 09.12.2022. Available at: <https://www.tagesschau.de/inland/ampel-koalition-lindner-101.html> (accessed 21.12.2022).

При этом на рис. 2 виден рост популярности “Зеленых”, особенно с февраля 2022 г. Усиление позиций партии экологов можно объяснить рядом причин. Во-первых, востребованностью их риторики. Именно “Зеленые” последовательно, еще до обострения международной обстановки, критиковали действия Москвы, призывали сокращать зависимость от российских энергоресурсов и отказаться от “Северного потока-2”. Это позволяет партии в настоящий момент утверждать, что именно ее политический курс был верен.

Во-вторых, сопредседатели “Зеленых” в настоящий момент возглавляют рейтинг самых популярных политических деятелей и держат портфели значимых министров (Анналена Бербок, как уже указывалось, занимает пост министра иностранных дел, а Роберт Хабек – министра экономики и климата)²⁰. Политический стиль и должности обоих политиков позволяют им демонстрировать активную работу и практически не исчезать из публикаций СМИ. Р. Хабек после начала боевых действий на Украине заявил о скором отказе от российских энергоносителей и начал совершать деловые визиты в страны – экспортеры энергоресурсов с тем, чтобы договориться об альтернативных поставках. Бербок в настоящий момент выступает как один из наиболее жестких критиков России и во время международных встреч апеллирует к либеральным и демократическим ценностям. Представляется, что в условиях кризиса немцам импонирует кипучая деятельность и решительная риторика этих двух политических деятелей.

Несмотря на мнение ряда наблюдателей, отказ “Союза 90/Зеленых” от ценностей экологии (продление срока работы угольных электростанций и АЭС) и пацифизма (одобрение поставок тяжелого вооружения воюющей стороне) не привел к падению их популярности. Объяснение этого кроется, вероятно, в том, что изменились не только “Зеленые”, но и их избиратели. В частности, отправка тяжелого вооружения на Украину находит наибольшую поддержку именно у электората “Союза 90/Зеленых”²¹. Сторонники этой партии также активнее прочих выступают за отказ от российских энергоносителей, а значит, готовы идти для этого даже на антиклиматические меры²².

Христианско-демократический союз / Христианско-социальный союз

Как видно на графиках на рис. 1 и рис. 2, в Германии растет поддержка партий, находящихся в оппозиции. Особенно поднялся рейтинг партии АдГ и блока ХДС/ХСС, активно использующих критику правительственных действий для усиления своих позиций.

В настоящее время облик ХДС/ХСС в глазах избирателей в значительной мере определяется лидером христианских демократов Фридрихом Мерцем. Мерц надеялся возглавить немецкое правительство, но для участия в предвыборной гонке ему необходимо было утвердить лидерство среди однопартийцев и занять пост председателя ХДС. Однако с начала 2000-х годов Мерц долгое время проигрывал во внутрипартийной борьбе Ангеле Меркель, Аннегрет Крамп-Карренбауэр, Армину Лашету, и только серьезное поражение ХДС/ХСС в 2021 г. позволило ему наконец стать лидером партии. Политик, 20 лет остававшийся на вторых ролях, не теряет надежд побороться за кресло канцлера. В связи с этим он стремится укрепить свои личные позиции с помощью критики буквально всех действий правящей коалиции (продления срока действия АЭС, выделения стомиллиардного фонда на нужды бундесвера, поставок вооружения Украине и пр.).

Наиболее ярко иллюстрирует данную стратегию Мерца дискуссия о поставках тяжелого вооружения Киеву в апреле 2022 г. В этот период правящая коалиция не поддерживала его направление воюющей стороне, в связи с чем лидер ХДС заявил, что если правительство Германии отвергнет такие поставки Украине, то “христианские демократы” внесут проект резолюции об отправке тяжелого вооружения Киеву в Бундестаг [8]. Набрав большинство голосов в противовес позиции канцлера, такая резолюция могла бы спровоцировать вопрос о доверии главе правительства. Ситуацию

²⁰ ARD-DeutschlandTREND Januar 2023. Wichtigste Probleme. Infratest dimap. Available at: <https://www.infratest-dimap.de/umfragen-analyse/bundesweit/ard-deutschlandtrend/2023/januar/> (accessed 16.01.2022).

²¹ Gut die Hälfte spricht sich für Lieferung von schweren Waffen an die Ukraine aus... Op. cit.

²² Ibid.

осложнял тот факт, что активные сторонники снабжения Украины тяжелым вооружением были и среди членов партий правящей коалиции (например, председатель комитета обороны Бундестага Мари-Агнес Штрак-Циммерман).

Под давлением Мерца СДПГ изменила позицию. 26 апреля 2022 г. министр обороны ФРГ К. Ламбрехт заявила, что Германия поставит Украине танки, однако это будут не *Leopard-2*, а 50 списанных самоходных зенитных установок *Gepard* (нем. *Flugabwehrkanonenpanzer*) [9]. Правящая коалиция также подготовила свою резолюцию, в которой подтвердила готовность оказывать помощь Киеву, не исключая и поставки тяжелого вооружения. Однако в документе указано, что это не должно угрожать обороноспособности ФРГ²³.

Солитарная позиция трех партий побудила Мерца воздержаться от прямого противостояния и согласиться на совместную резолюцию, которая и была предложена Бундестагу 28 апреля 2022 г.

Таким образом, сложная внешнеполитическая ситуация стала в ФРГ поводом для внутрипартийной борьбы. Своими действиями Мерц не только поставил под угрозу коалицию, но и способствовал ужесточению внешнеполитической риторики Германии.

Альтернатива для Германии

АдГ также аккумулирует вокруг себя критиков основной политической линии: она выступает против поставок оружия Киеву (и в целом против вовлечения Германии в боевые действия)²⁴, осуждает отказ от российских энергоносителей и политику санкций²⁵. Несмотря на то, что большая часть населения ФРГ готова оказывать помощь украинцам, бегущим от военных действий, один из членов фракции АдГ Карло Клемент негативно высказался о приеме большого количества мигрантов и беженцев (среди прочих назвал и украинцев)²⁶. Ранее представитель партии отвергал идею интеграционных курсов для детей с Украины, подчеркивая, что они находятся в Германии в рамках механизма временной защиты²⁷.

При этом "Альтернатива для Германии" нигде не высказывается в поддержку российского правительства, но подчеркивает необходимость ФРГ заботиться только о своих интересах (в основном о низких ценах на энергоносители), игнорируя нужды Киева или солидарность с ЕС.

Левая партия

Согласно рис. 2, несмотря на усиление оппозиции, рейтинг Левой партии не только не растет, но даже опускался до 3%. Этому содействуют следующие факторы.

Во-первых, на уровень поддержки "левых" негативно повлиял конфликт на Украине. Ранее именно они были одним из "адвокатов" российского направления внешней политики Германии. Даже критика Москвы со стороны Левой партии сопровождалась заявлениями, что в кризисе между Россией и Западом виноваты обе стороны. "Левые" также утверждали, что именно взаимодействие с РФ снизит вероятность столкновения. Соответственно, начало конфликта привело к кризису внешнеполитической стратегии партии.

"Левым" сложно выработать и какую-либо тактику в отношении украинского конфликта. Пацифистские убеждения не позволяют им призывать к поставке оружия, а

²³ Ampel-Fraktionen legen Antrag für Waffenlieferungen vor. *Zeit Online*, 26.04.2022. Available at: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2022-04/krieg-ukraine-waffenlieferungen-ringtausch-ampelfraktionen> (accessed 21.12.2022); Antrag der Fraktionen SPD, CDU/CSU, BÜNDNIS 90/DIE GRÜNEN und FDP. *Frieden und Freiheit in Europa verteidigen – Umfassende Unterstützung für die Ukraine*. Deutscher Bundestag, 27.04.2022. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/015/2001550.pdf> (accessed 28.12.2022).

²⁴ Tino Chrupalla: *Keine weiteren Waffenlieferungen an die Ukraine*. AfD, 15.09.2022. Available at: <https://www.afd.de/tino-chrupalla-keine-weiteren-waffenlieferungen-an-die-ukraine/> (accessed 28.12.2022).

²⁵ Mariana Harder-Kühnel: *Ungarn fordert Ende der EU-Sanktionen gegen Russland – Orbán hat recht*. AfD, 22.09.2022. Available at: <https://www.afd.de/mariana-harder-kuehnel-ungarn-fordert-ende-der-eu-sanktionen-gegen-russland-orban-hat-recht/> (accessed 28.12.2022).

²⁶ Carlo Clemens: *Rekordzuwanderung in 2022: Deutschland hat aus 2015 nichts gelernt*. AfD, 5.12.2022. Available at: <https://www.afd.de/carlo-clemens-rekordzuwanderung-in-2022-deutschland-hat-aus-2015-nichts-gelernt/> (accessed 28.12.2022).

²⁷ Joachim Paul: *Ukrainer wollen sozialen Schutz, aber keine soziale Daueralimentation*. AfD, 17.03.2022. Available at: <https://www.afd.de/joachim-paul-ukrainer-wollen-sozialen-schutz-aber-keine-soziale-daueralimentation/> (accessed 28.12.2022).

альтернативных вариантов решения проблемы они не видят.

Во-вторых, партия переживает раскол. Отсутствие единства давно было для нее характерно. Однако украинские события усугубили эту проблему. Большинство членов партии поддерживают ограничительные антироссийские меры. Но против этой преобладающей риторики выступает Сара Вагенкнехт, ранее возглавлявшая фракцию “Левых” в Бундестаге. Вагенкнехт осудила российскую СВО на Украине, но при этом она продолжает утверждать, что изначально в кризисе были виновны обе стороны, и нужно искать компромисс и пути примирения²⁸. Политик также призывает Германию отказаться от антироссийских санкций и продолжить покупать газ у России, потому что данные меры губительны в первую очередь для немецкого народа, а не для Москвы²⁹.

Соответственно, отсутствие единой и проработанной позиции не позволяетевой партии объединить вокруг себя избирателей. Протестные голоса переходят к правопопулистам из АдГ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конфликт на Украине оказал воздействие на немецкое общественное мнение и повлиял на партийно-политический ландшафт. При этом колебания происходят внутри самой системы, меняется рейтинг политических партий, что не угрожает политическому строю страны.

Несмотря на то, что Германия сталкивается с внутренними, в первую очередь экономическими проблемами, украинский кризис был ведущей темой в 2022 г. Иными словами, внешнеполитический дискурс потеснил внутренний. Даже если экономические проблемы затрагиваются, они преимущественно вписываются во внешний контекст, например, повышение цен на электроэнергию связывается с “необходимостью противостоять российской агрессии”.

Повышенное внимание немцев именно к украинскому вопросу объясняется рядом факторов. Во-первых, боевые действия ведутся на границах ЕС, на территории страны, с которой у Германии сложились тесные экономические и политические отношения. Украинский народ кажется немцам близким не только по географическому, но и культурному признаку. Во-вторых, в настоящий момент в стране пребывает большое количество украинских беженцев. В-третьих, ФРГ выступала как медиатор в рамках Нормандского формата, а сейчас подвергается критике за прошлую политику Киевом, Москвой и собственным населением.

Немецкое общество оказалось не готово к конфликту на границах ЕС. У части граждан сложилось мнение, что ранее характерные для Германии установки (отказ от поставок оружия в зону конфликта, активная торговля, приоритет экологических мер), больше не работают и не способствуют окончанию конфликта. В условиях кризиса старых представлений общественность ФРГ разошлась во взглядах по ряду важнейших внешнеполитических вопросов.

Снижение уровня жизни (инфляция, уменьшение потребления энергии) и раскол общества по “украинской проблеме” приводят к росту недовольства правительством. При этом в правящей коалиции падает рейтинг СДПГ и СвДП – партий, вынужденных из-за внешних условий отказаться от своей традиционной риторики и предвыборных обещаний, а потому потерявших часть своего базового электората. “Союз 90/Зеленые”, напротив, по ряду вопросов не только продолжили, но и

²⁸ Barthelme C. “Es gibt eine Mitverantwortung des Westens”. Interview mit Sahra Wagenknecht, erschienen im Weserkurier am 01.10.2022. Die Linke im Bundestag. Available at: <https://www.sahra-wagenknecht.de/de/article/3211.es-gibt-eine-mitverantwortung-des-westens.html> (accessed 28.12.2022).

²⁹ Trimborn M. “Scholz muss mit Putin über Gas verhandeln”. Sahra Wagenknecht im Interview mit der Neuen Osnabrücker Zeitung, erschienen am 1. Die Linke im Bundestag, Oktober 2022. Available at: <https://www.sahra-wagenknecht.de/de/article/3213.scholz-muss-mit-putin-über-gas-verhandeln.html> (accessed 28.12.2022).

радикализировали предвыборную риторику. Отказ экологов от некоторых установок не привел к потере поддержки, поскольку совпал с установками электората.

Недовольство населения действиями правительства приводит в том числе к увеличению поддержки оппозиции. При этом рост рейтинга характерен именно для партий, выступающих с наиболее жесткими оценками коалиции – АдГ, традиционно привлекающей протестные голоса, и блоку ХДС/ХСС, где во главе фракции стоит главный критик канцлера – Ф. Мерц. Одновременно Левая партия в связи с расколом и неспособностью выработать единую позицию не может привлечь голоса недовольных.

Проблемой для России является единство большинства партий в осуждении Москвы и поддержке ограничительных мер. Позиция “левой” С. Вагенкнехт не пользуется достаточной поддержкой. А “Альтернатива для Германии” не имеет шансов войти в федеральное или земельные правительства. Более того, контакты с правопопулистской АдГ не принесут РФ практической пользы, но могут дискредитировать нашу страну. В настоящий момент также вырос рейтинг резких критиков России и сторонников ужесточения антироссийской политики – ХДС/ХСС и “Союза 90/Зеленых”. При этом, если для “Зеленых” критика Москвы является важной идеологической константой, то Мерц в данном случае исходит из тактических соображений. А потому можно ожидать смягчения линии христианских демократов и баварской сестринской ХСС, если они решат, что изменение риторики в отношении России положительно отразится на поддержке электората.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Тимошенкова Е.П. *Партийно-политическая система Германии в период канцлерства А. Меркель (2005–2017 гг.)*. Москва, ИЕ РАН, 2020. 148 с. [Timoshenkova E.P. *The German Party Political System During Angela Merkel' Chancellorship (2005–2017)*. Moscow, IE RAN, 2020. 148 p. (In Russ.)]
2. Белов В.Б. Новое правительство ФРГ и германо-российские отношения. Часть 1. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, 2022, №1, сс. 67-78. [Belov V.B. The New Government of Germany and German-Russian Relations. Part 1. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 2022, no. 1, pp. 67-78. (In Russ.)] DOI: 10.15211/vestnikieran120226778
3. Басов Ф.А. Трансформация партийной системы Германии. *Мировая экономика и международные отношения*, 2021, т. 65, № 2, сс. 29-36. [Basov F.A. Party System Transformation in Germany. *World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 2, pp. 29-36. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-2-29-36
4. Васильев В.И. “Меркелизация” СДПГ: отход от “восточной политики” В. Брандта. *Международная жизнь*, 2018, № 9, сс. 47-64. [Vasiliev V.I. 'Merkelisation' of the SPD: A Departure from Brandt's 'Eastern Policy', *International Affairs*, 2018, no. 9, pp. 47-64. (In Russ.)]
5. Васильев В.И., Кокеев А.М., ред. *Германия в евроинтеграционных и трансатлантических процессах*. Москва, ИМЭМО РАН, 2021. 127 с. [Vasiliev V.I., Kokeev A.M., eds. *Germany in the Integration and Transatlantic Processes*. Moscow, IMEMO RAN, 2021. 127 p. (In Russ.)] DOI: 10.20542/978-5-9535-0589-5
6. Хорольская М.В. Ведущие немецкие партии в преддверии выборов в Бундестаг. *Мировая экономика и международные отношения*, 2021, т. 65, № 9, сс. 25-33. [Khorolskaya M.V. The Main German Parties Ahead of the 2021 Bundestag Elections. *World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 9, pp. 25-33. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-25-33
7. Хорольская М.В., Бунина А.А. *Парламентские выборы в Германии*. ИМЭМО РАН. 24.09.2021. [Khorolskaya M.V., Bunina A.A. *Parliamentary Elections in Germany*. IMEMO RAN. 24.09.2021. (In Russ.)] Available at: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/parlamentskie-vibori-v-germanii> (accessed 16.01.2022).
8. Garbe S., Gathmann F. Wagt die Union das Projekt Kanzlersturz? *Spiegel*, 21.04.2022. Available at: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/friedrich-merz-versus-kanzler-olaf-scholz-wagt-die-union-das-projekt-kanzler-sturz-a-8782cd1b-9b16-4d1a-89e4-6f37065fc8fd> (accessed 21.12.2022).
9. Krüger P.A., Szymanski M. Deutschland zur Lieferung von Panzern an die Ukraine bereit. *Süddeutsche Zeitung*, 26.04.2022. Available at: <https://www.sueddeutsche.de/politik/gepard-panzer-waffenlieferung-ukraine-1.5572762> (accessed 21.12.2022).

РАЗДЕЛЕННЫЕ ОБЩЕСТВА:
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

© ХАЙНАЦКАЯ Т.И., 2023

ХАЙНАЦКАЯ Татьяна Игоревна, младший научный сотрудник Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (tkhaynatskaya@gmail.com), ORCID: 0000-0002-6364-4765

Хайнацкая Т.И. Разделенные общества: экологическое измерение. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2023, № 2, сс. 84-99 DOI: 10.20542/afij-2023-2-84-99

DOI: 10.20542/afij-2023-2-84-99

EDN: SJIEWM

УДК: 504.03:321

Поступила в редакцию 29.06.2023.

После доработки 16.08.2023.

Принята к публикации 22.08.2023.

Экологический кризис стал серьезным глобальным вызовом, побуждающим к политическим действиям и инициативам на различных уровнях. Однако при разработке и реализации “зеленой” политики обнажаются проблемы, лежащие за пределами ее повестки. Противоречия, возникающие из-за несовпадения интересов и приоритетов различных заинтересованных сторон, влияют на результаты проводимых преобразований и способствуют поляризации общества.

В данном исследовании экологическое измерение рассмотрено сквозь призму социально-политических размежеваний. Автор анализирует ключевые факторы, способствующие возникновению таких размежеваний в современных обществах (главным образом на примере стран Евросоюза), включая различия в социально-экономическом положении, ценностных ориентирах и географических характеристиках их составляющих. На основе изучения “зеленого” политического тренда был сделан вывод о неоднозначности продвигаемой модели трансформации и различиях в ее восприятии разными группами населения.

Результаты исследования показывают, что социально-политические размежевания, вызванные экологической политикой ЕС, проявляются в таких формах, как мировоззренческие конфликты, разногласия по поводу приоритетности экологических проблем и напряженность между различными уровнями экоуправления. Остро обозначилась дихотомия “справедливость–несправедливость” как в международном измерении, так и в рамках национальных государств. Эти противоречия во многом характеризуют разрыв, существующий между интересами отдельных государств и наднациональными экологическими целями. Они затрудняют разработку эффективной практической политики. Основные разделения проходят по географическим, возрастным, гендерным и ценностным осям. В то же время наличие определенных конфигураций размежеваний способствует поддержанию баланса в экологической повестке и маневрированию между крайностями – полной и резкой “зеленой” трансформацией с непредсказуемыми последствиями для социального и экономического развития и бездействием с предсказуемыми негативными последствиями. Оценка конфликтного и консолидирующего потенциалов экологических размежеваний и их соотношений имеет важное значение для понимания возможностей и ограничений в реализации “зеленого курса” Евросоюза.

Ключевые слова: экологические кливажи, экологическая политика, экологические конфликты, социально-политические размежевания, “Европейская зеленая сделка”.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов финансового и нефинансового характера.

Финансирование: автор заявляет об отсутствии внешнего финансирования.

DIVIDED SOCIETIES: THE ECOLOGICAL DIMENSION

Received 29.06.2023. Revised 16.08.2023. Accepted 22.08.2023.

Tatiana I. KHAYNATSKAYA (tkhaynatskaya@gmail.com), ORCID: 0000-0002-6364-4765, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

The environmental crisis has become a major global challenge, prompting political action and initiatives at various levels. However, the development and implementation of green policies reveal problems that lie beyond their agenda. Contradictions arising from divergent interests and priorities of different stakeholders affect the outcomes of ongoing transformations and contribute to the polarization of society.

This study examines the environmental dimension through the prism of socio-political divisions. The author examines the key factors contributing to such divisions in modern societies (mainly based on the example of the European Union), including differences in socio-economic status, values and geographical characteristics of their constituents. Based on the study of the 'green' political trend, the conclusion was made about the 'ambiguity' of the promoted model of transformation and differences in its perception by different social groups.

The results of the study show that socio-political divisions caused by the EU environmental policy manifest in the form of worldview conflicts, disagreements over the prioritization of environmental issues and tensions between different levels of eco-governance. The dichotomy of 'fairness-unfairness' has become acute both in the international dimension and within nation-states. These contradictions largely characterize the gap between the interests of individual states and supranational environmental goals, making it difficult to develop effective practical policies. The main divisions are along geographical, age, gender and value axes. At the same time, the presence of certain configurations of divisions contributes to maintaining a balance in the environmental agenda and maneuvering between extremes – full and sharp 'green' transformation with unpredictable consequences for social and economic development and inaction with predictable negative consequences. The assessment of the conflict and consolidation potentials of environmental divisions and their correlations is important for understanding the opportunities and limitations of the EU 'green course' implementation.

Keywords: *environmental cleavages, environmental politics, environmental conflicts, socio-political divisions, European Green Deal.*

About the author: *Tatiana I. KHAYNATSKAYA, Junior Researcher, Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies.*

Competing interests: *no potential competing financial or non-financial interest was reported by the author.*

Funding: *no funding was received for conducting this study.*

ВВЕДЕНИЕ

В условиях социально-экономического, экологического и политического кризисов, международных и внутренних конфликтов и поляризации общества возрастает актуальность осмысления причин сбоев в функционировании сложившейся парадигмы развития, а также мотивов принятия и/или непринятия обществом доминирующей повестки дня. Вопросы защиты и охраны окружающей среды уже давно присутствуют в политическом поле и находятся в центре дискуссий. Однако в последние годы решение экологических и климатических проблем вошло в число ключевых и даже доминирующих политических приоритетов. Несмотря на алармизм со стороны научного и экспертного сообщества, принимаемые в течение последних десятилетий меры “зеленой” политики не смогли существенно замедлить процесс деградации природных экосистем. Очевидно, что экологические проблемы тесно увязаны с социальными процессами и часто являются их следствием, хотя и выстраиваются вокруг объектов природной среды [1]. Эксперты не раз подчеркивали необходимость радикальной смены ценностных ориентиров и потребительских практик для смягчения и преодоления последствий экологического кризиса. На этом фоне появляются новые конкурирующие между собой эколого-политические дискурсы, такие как “зеленый” переход, “зеленый” рост, нулевой рост, устойчивое развитие, экологическая модернизация, и контрдискурсы “зеленого империализма”, колониализма, экологической и климатической справедливости и др. Борьба за идеи, знания и смыслы является неотъемлемым элементом политического процесса, который поддерживает динамику его развития. Чем больше актуализируется “зеленая” тематика, тем больше появляется альтернативных взглядов на ее проблемы и способы их решения.

Переломным моментом стал 2015 г., когда были приняты Парижское соглашение по климату¹ и Цели устойчивого развития (ЦУР) ООН на период 2016–2030 гг.² Эти решения стали вехой в процессе продвижения и популяризации проблемы изменения климата и концепции устойчивого развития в политической и публичной дискуссиях. Последующая протестная эоактивность, а также “зеленая” волна способствовали усилению давления “снизу” на правительства. На этом фоне представители политических и экономических кругов взяли на себя смелые обязательства по сокращению выбросов парниковых газов и инициировали широкомасштабные планы и стратегии достижения углеродной нейтральности и нулевого суммарного загрязнения. Однако именно на этом этапе климатическая проблематика постепенно обособляется от экологической, превращаясь в крупное политическое направление. Политические лидеры, СМИ, научное и экспертное сообщество отводят вопросам изменения климата приоритетное место, зачастую оставляя без должного внимания другие глобальные экологические проблемы, такие как утрата биоразнообразия, загрязнение окружающей среды пластиком и т.д.

На сегодняшний день одним из самых амбициозных проектов считается “Европейская зеленая сделка” (ЕЗС)³, в которой вопросы изменения климата были поставлены в центр эколого-политической повестки как главный политический приоритет ЕС. Реакция на представленный план “зеленой” трансформации Евросоюза была неоднозначной: сразу после принятия ЕЗС значительная часть научного и экспертного сообщества выразила скептицизм по отношению к ней, поставив под сомнение возможность полной реализации намеченных планов. В то же время НКО и общественные экологические движения подвергли ЕЗС критике за недостаточную амбициозность.

¹ Парижское соглашение по климату – принятый в 2015 г. международный договор, направленный на смягчение последствий изменения климата, адаптацию к ним и финансирование соответствующих мероприятий. Документ был согласован и подписан 195 сторонами, ратифицирован 189 странами и Европейским союзом.

² Цели устойчивого развития ООН – 17 взаимосвязанных задач по достижению экономической, социальной и экологической “устойчивости”. Они призваны искоренить бедность, нищету, дискриминацию, обеспечить экономическую стабильность и рост, а также защитить окружающую среду.

³ “Европейская зеленая сделка” (*European Green Deal*) – комплекс политических инициатив, представленных Европейской комиссией, основной целью которых является достижение климатической нейтральности на территории Евросоюза к 2050 г. В рамках ЕЗС планируется привести каждый существующий закон в соответствие с климатическими целями, а также ввести новое законодательство по вопросам циркулярной экономики, сохранения биоразнообразия, сокращения загрязнений, сельского хозяйства, инноваций и др.

Такое неоднозначное отношение к названному документу весьма показательно. С одной стороны, “зеленые” цели продвигаются политическими элитами, учеными и экспертами как важный инструмент политической мобилизации европейского сообщества. Их рассматривают как ключевой ориентир европейской идентичности. Ученые не раз подчеркивали, что экологическая и климатическая повестка может стать полем для сотрудничества между конкурирующими и/или конфликтующими странами, той точкой соприкосновения для взаимодействия, где стоящие на разных позициях группы интересов могут найти взаимовыгодное решение (англ. *win-win situation*) [2].

С другой стороны, уже сегодня наблюдаются серьезные разногласия между стейкхолдерами в отношении приоритетности решения различных экологических проблем и путей реализации заявленной политики [3]. Противоречия в вопросах управления природной средой создают условия для поляризации общества и провоцируют экологические конфликты [4]. Следовательно, встают вопросы: как в дальнейшем будет продвигаться экологическая повестка и имеет ли она консолидирующий или, наоборот, дезинтегрирующий общественный потенциал? Для ответа на него предлагается выявить и проанализировать линии размежеваний в обществе вокруг “зеленой” тематики. Наиболее примечательным представляется опыт ЕС и его государств-членов. Именно Брюссель активно продвигает экологические и климатические ориентиры развития как внутри Евросоюза, так и за его пределами.

Отношение к мерам экологической политики нельзя назвать однозначным. С одной стороны, сохранение окружающей среды и природных ресурсов представляется как “общее благо”, бенефициаром которого является каждый человек. С другой стороны, продвигаемая форма “зеленого перехода” влечет неравное распределение бремени от его издержек. “Зеленый переход” осуществляется через радикальные трансформации экономической модели, конфигураций рынка, энергетического сектора. В результате под угрозой исчезновения оказываются целые отрасли промышленности, ликвидируются рабочие места, меняется социально-экономическое положение отдельных категорий граждан. Если некоторые группы населения готовы платить за такого рода преобразования, то множество людей, для которых социально-экономические вопросы остаются приоритетом, не намерены жертвовать своим материальным положением ради достижения абстрактных, с их точки зрения, “зеленых” целей. Продвижение экологической и климатической повестки стимулирует дальнейшую политизацию проблем защиты окружающей среды и поляризацию вокруг них.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА

Появление новых очагов социально-политических размежеваний является следствием кризиса модели развития, которая в новых условиях не прошла тест на прочность. Повсеместно в обществе возрастает градус напряженности, увеличиваются частота и масштабы социальных конфликтов. В числе актуальных источников общественных расколов оказалась “зеленая” политика. Экологические конфликты не являются новым феноменом [3], тем не менее сегодня они приобрели совершенно иные по сравнению с прежними формы, масштабы и измерения. В условиях распространения эколого-политических дискурсов и активной реализации “зеленых” мер в продвигаемой модели экологической трансформации обнаруживается все больше уязвимостей, которые способствуют углублению неравенства в обществе. В данной работе предлагается рассмотреть “зеленую” повестку сквозь призму классической теории социально-политических размежеваний Сеймура Липсета и Стейна Роккана [5] с учетом появления новых размежеваний и новых форм их политизации. Очевидно, что восприятие и поддержка “зеленой” тематики отдельными группами населения различается в зависимости от доступа к инфраструктуре, мест расселения и от самих настроений в обществе.

Продвижение “зеленой” повестки создает новые измерения для анализа разделенных обществ – социально-экологическое и эколого-политическое. Зачастую при разработке политики по защите окружающей среды учитываются только природные

и экономические факторы, хотя в научном поле неоднократно поднимались вопросы о необходимости целостного подхода, который бы принимал во внимание экономические, социальные, политические последствия экологического кризиса. Попытки подобного комплексного осмысления были предприняты в ходе разработки и реализации концепции устойчивого развития. Но на практике имплементация намеченного курса не привела к желаемым результатам⁴, и была раскритикована научным сообществом за обилие парадоксов и противоречивость целей [6].

Серьезной проблемой для реализации “зеленой” политики выступает социальное измерение. Вопросы экологической справедливости уже давно стали частью эколого-политических дискуссий. Незащищенные группы населения по-прежнему страдают от неравномерного распределения экологических рисков и негативных последствий деградации окружающей среды. Финансовое бремя от принятых мер по предотвращению экологических и климатического кризисов ложится на уязвимые слои населения. Это способствует дальнейшему углублению социально-политических размежеваний.

Многие из образующихся кливажей в рамках экологической политики повторяют традиционные размежевания, описанные в работе Роккана и Липсета [5], к примеру, между городским и сельским населением, центром и периферией. Новые линии размежеваний проходят сразу в нескольких измерениях: по географическим, поколенческим, гендерным, ценностным и идентитарным осям. Разделения, сформировавшиеся вокруг “зеленой” повестки, представляют собой достаточно новое и малоизученное явление, поскольку традиционно считалось, что относительно вопросов экологической и климатической политики сформирован и поддерживается общественный консенсус. Проанализируем примеры этих размежеваний.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ОСЬ

Разделение международного сообщества на страны Глобального Севера и Глобального Юга является классическим фокусом анализа. Это разделение проявляется в различных сферах: социально-экономической, культурной, политической, а также экологической. В рамках традиционного подхода, зачастую в марксистских интерпретациях, фокусом исследований становятся отношения господства и подчинения в контексте экономической зависимости. Разработки на этом направлении сосредотачивали внимание на проблемах империализма и несправедливости международной системы [7], за ними следовала волна критики внешней политики развитых государств. Постепенно представители политической и экономической элиты стран Глобального Севера стали менять свои стратегии взаимодействия со странами Глобального Юга, выстраивать нарративы вокруг вопросов помощи в социально-экономическом развитии⁵.

Об империализме вновь заговорили по мере агрессивного продвижения эколого-политических дискурсов и роста алармизма вокруг защиты окружающей среды. Страны Глобального Севера, в особенности государства – члены ЕС, навязывают свое видение экологической политики и подходы к ее реализации. Несмотря на международный консенсус относительно необходимости незамедлительных действий для решения экологических проблем, на политической арене уже давно ведутся дебаты о справедливости и этичности продвигаемых практических мер. Так, исследователи, в основном из бедных стран, утверждают, что современная модель предлагаемой экотрансформации – это новая вариация империализма и колониализма, которая приобрела “зеленые” оттенки [8].

⁴ *Progress Towards the Sustainable Development Goals: Towards a Rescue Plan for People and Planet*. United Nations General Assembly Economic and Social Council. 24.04.2023. Available at: <https://hlpf.un.org/sites/default/files/2023-04/SDG%20Progress%20Report%20Special%20Edition.pdf> (accessed 10.05.2023).

⁵ Khan T. *The Narrative of Decolonization of Development Aid. Are Non-Western Alternatives the Real Issue?* Centre d'Estudis de Temes Contemporanis. 04.02.2022. Available at: <https://revistaidees.cat/en/the-narrative-of-decolonization-of-development-aid/> (accessed 08.05.2023).

В условиях усиленной экологизации политической повестки и глобального тренда на достижение климатической нейтральности увеличивается социально-экономический разрыв между странами. Продвигаемое “устойчивое развитие” ставит Север и Юг в заведомо несопоставимые условия. Таким образом, эта модель, громогласно провозглашаемая как “равная” для всех, в действительности приводит к глубоким внутренним разногласиям и к противоречиям на международной арене [9].

Экологические конфликты и противоречия зачастую изучаются как национальные проблемы, при этом разногласия вокруг “зеленой” повестки наблюдаются и на международном уровне [10]. Как отмечалось выше, в классической интерпретации размежевания рассматриваются как следствия неравного доступа к управлению экологическими ресурсами и зависимости стран Юга от стран Севера. Современные политкорректные дискурсы изменили оптику, через которую рассматриваются экологические проблемы. Появляются альтернативные взгляды на источники размежеваний. К примеру, исследователи из США заявляют о неравенстве и росте разрывов между странами Севера, которые сокращают выбросы, и странами Юга, которые только начинают их наращивать [11]. В связи с этим поднимается ряд острых вопросов: кто должен платить за уже нанесенный ущерб, каким видится справедливое распределение ограничений, на ком лежит ответственность за уже причиненный ущерб окружающей среде? Научного консенсуса по этим вопросам нет, напротив, дебаты только обостряются, усиливая разрыв между странами Севера и Юга.

Кроме разделений на глобальном и межстрановом уровнях, наблюдаются также расколы внутри самих государств и политических межгосударственных образований, включая ЕС. Эксперты обращают внимание на асимметрию, наблюдаемую в рамках Европейского союза по нескольким осям: по направлениям Север–Юг, Запад–Восток, а также между старыми и новыми членами ЕС. Концептуальная карта Евросоюза представляет собой модель внутренней дифференциации [12]. Это отчетливо проявляется вокруг “зеленой” повестки. Реакция на принятие ЕЗС, а также плана *Next Generation EU*⁶, направленного на поддержку экономики государств ЕС в период восстановления после пандемии *COVID-19*, была неоднозначной. Несмотря на то, что большая часть стран-членов одобрила этот масштабный план, он не нашел общей поддержки: возникли разногласия в отношении целей и сроков, что было ожидаемо, учитывая разный уровень развития и специфику базовых отраслей экономики отдельных государств – участников интеграционного объединения, которые не полностью адаптировались под союзные стандарты. Так, Польша заявила, что не сможет достичь углеродной нейтральности к 2050 г. по причине зависимости своего энергосектора от угля – основного источника выработки энергии⁷. Все ориентированные на этот вид энергоносителя страны уверены, что планы по достижению углеродной нейтральности повлекут за собой сокращение рабочих мест и потерю конкурентоспособности экономики. По оценкам экспертов, Польша, Чехия, Болгария и Румыния могут лишиться около 41 тыс. рабочих мест⁸.

Другим предметом разногласий внутри Евросоюза стал Фонд справедливого перехода. Главной целью его создания в 2021 г. стала помощь зависимым от угля государствам – членам ЕС в осуществлении перехода на возобновляемые источники энергии. Однако такие государства, как Испания, изменившие свой энергокурс еще до принятия ЕЗС, считают, что подобная финансовая поддержка несправедлива, так как предназначена только тем странам, которые не “стали зелеными раньше”⁹. Тем же странам, которые осуществили переход ранее по своей инициативе, никто не компенсирует понесенные издержки.

⁶ The EU's €750bn Recovery Plan Comes One Step Closer. *The Economist*, 14.11.2020. Available at: <https://www.economist.com/europe/2020/11/14/the-eus-eu750bn-recovery-plan-comes-one-step-closer> (accessed 29.11.2021).

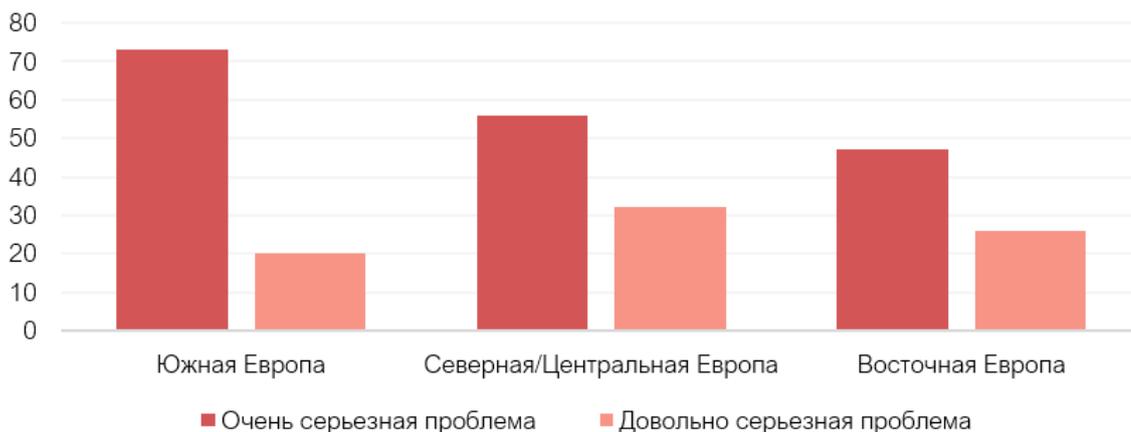
⁷ Oroschakoff K., Hernández-Morales A. EU Climate Law Sparks Political Battles. *Politico*, 03.03.2020. Available at: <https://www.politico.eu/article/eu-climate-law-sparks-political-battles/> (accessed 29.11.2021).

⁸ Claeys G., Tagliapietra S., Zachmann G. *How to Make the European Green Deal Work*. Bruegel, 05.11.2019. Available at: <https://www.bruegel.org/policy-brief/how-make-european-green-deal-work> (accessed 29.11.2021).

⁹ Oroschakoff K., Hernández-Morales A. Op. cit.

Последствий ужесточения экологической политики более всех опасаются страны Восточной Европы. ЕЗС затрагивает экономические интересы не только этих государств в целом, но и существенной доли их населения, которое на уровне частных домохозяйств рискует потерять больше, чем приобрести. Летом 2020 и 2021 гг. в Польше проходили демонстрации против ужесточения экологической политики. В целом озабоченность населения “зеленой” проблематикой является очевидным маркером намеченных разделений. Граждане государств Восточной Европы в среднем меньше обеспокоены изменением климата, чем представители Западной и Южной Европы. В то время как 73% жителей Южной Европы считают изменение климата “очень серьезной” угрозой, в Восточной Европе только 47% разделяют эту позицию (рис. 1).

Рисунок 1. Оценка угрозы изменения климата в ближайшие 20 лет жителями ЕС (%)

Источник: *The Lloyd's Register Foundation World Risk Poll 2019*¹⁰.

Несмотря на то, что ЕЗС должна опираться на средства Фонда справедливого перехода, национальные профсоюзы не удовлетворены такими мерами, считая фондовый капитал в размере 17.5 млрд евро недостаточным для полноценной поддержки перестраиваемых экономик¹¹. В странах Восточной Европы тяжелая промышленность является одним из значимых секторов, тогда как ради осуществления заявленных экологических и климатических целей от нее фактически придется полностью отказаться. “Зеленая” экономика, безусловно, формирует новые рабочие места, тем не менее риск потери старых крайне чувствителен для многих людей. Амбициозные климатические планы брюссельских политиков не учитывают социальное измерение, а именно – неоднородности в развитии стран – членов ЕС и, соответственно, различия социально-экономического положения граждан отдельных государств [13]. Усиление экологизации политики еще больше обнажает это неравенство.

На локальном уровне разделения отчетливо просматриваются по оси город–село. Несмотря на сохраняющиеся высокие темпы урбанизации, цифровизации и продвижение политики, направленной на развитие сельских сообществ, уровень жизни в городской и сельской местности до сих пор существенно различается. Например, в ЕС сельские районы занимают значительную часть территории, в них проживает 28% всего населения¹². При этом в “зеленую” повестку зачастую больше включены городские жители, которые имеют более высокий уровень экологической озабоченности и обладают доступом к “зеленой” инфраструктуре – электрифицированному транспорту, точкам для раздельного сбора отходов и пр. В то же время сельское население оказывается оторванным от трендов

¹⁰ *The Lloyd's Register Foundation World Risk Poll. Full Report and Analysis of the 2019 Poll.* The Lloyd's Register Foundation. 2019. Available at: https://wrf.lrfoundation.org.uk/LRF_WorldRiskReport_Book.pdf (accessed 06.11.2021).

¹¹ Why Eastern Europe Resists EU Climate Action. *Energy Monitor*, 31.08.2021. Available at: <https://www.energymonitor.ai/policy/just-transition/why-eastern-europe-resists-eu-climate-action/> (accessed 11.10.2021).

¹² Augère-Granier M.L. *Urban-Rural Divide: Blame it All on My Roots...* European Parliamentary Research Service. 2018. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2018/614753/EPRS_ATA\(2018\)614753_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2018/614753/EPRS_ATA(2018)614753_EN.pdf) (accessed 11.05.2023).

на “устойчивость”, снижение углеродного следа, ответственное потребление. Горожане имеют больше возможностей приобщения к видимой составляющей “зеленой” повестки, особенно в мегаполисах, где местные власти активно продвигают ее и соревнуются между собой в реализации общественных программ по экологизации городского образа жизни, электрификации транспорта, а также проводят информационные и обучающие кампании по повышению экологической осведомленности. В небольших же локальных сообществах такие мероприятия имеют меньший масштаб и продолжительность либо вовсе отсутствуют. Таким образом, происходит политическая, экономическая и культурная сепарация сельских жителей. Такое “отторжение” возникает не по причине большей/меньшей озабоченности сохранением окружающей среды, но из-за неравного доступа к информации и рычагам поддержки и продвижения экологических мер¹³.

Сельские жители отнюдь не менее бережно относятся к окружающей среде. Зачастую у них связь с природой проявляется сильнее, и особенно – психологическая. Именно жители сельской местности страдают от алармистского подхода к вопросам изменения климата и от реальной деградации окружающей среды, а также от навязывания нового “проэкологичного” стиля жизни. Ускоренное и агрессивное продвижение “зеленых” ценностей не дает фермерам времени для перестроения их образа жизни под иные стандарты, в особенности когда значительная часть решений согласуется и принимается без их участия. Ввиду этого протесты фермеров стали сопутствующей проблемой дальнейшего продвижения “зеленой” повестки в ведущих странах ЕС: Германии, Франции, Нидерландах и Бельгии. На волне такого недовольства появляются новые политические силы¹⁴, выступающие против нынешней модели “зеленой” трансформации. Ярким тому примером является новая партия в Нидерландах – Фермерско-гражданское движение (нидерл. *BoerBurgerBeweging*, *BBB*), представляющая интересы работников сельскохозяйственного сектора. В Германии растет поддержка правой популистской партии Альтернатива для Германии (АдГ), особенно в промышленных и сельских районах.

Вышесказанное свидетельствует о том, что принцип климатической справедливости ЭЗС, провозглашенный главой Еврокомиссии Урсолой фон дер Ляйен, “Никого не оставить позади” на практике не работает: помимо простого создания “зеленых” рабочих мест необходимо проводить широкую кампанию по дополнительному образованию и переквалификации граждан во многих странах. Пока же ЕС в осуществлении “зеленого” перехода фокусирует внимание лишь на финансовых инструментах. На фоне ощутимых потоков инвестиций, идущих на небольшие локальные проекты¹⁵, информационным кампаниям и практикам по повышению экологической осведомленности сельского населения, столь необходимым для видимого сокращения образующегося между городом и селом разрыва, уделяется явно недостаточное внимание.

На географические оси накладываются также личностные и ценностные размежевания, которые могут способствовать как обострению противоречий в обществе и дезинтеграции, так и его консолидации. Так, в работе, проведенной польскими исследователями, показано, что представители поколения Z¹⁶, жители и городской, и сельской местности, имеют схожие показатели в отношении проэкологического поведения [14]. Очевидно, что возрастные ценности нивелируют разделения по оси город–село. Однако преобладают сегодня тенденции дальнейшего углубления размежеваний, которые усиливаются разницей во взглядах, вызванной в том числе проблемами гендерного неравенства.

¹³ McCrimmon R. The Urban-Rural Divide over the Environment. *Politico*, 13.02.2020. Available at: <https://www.politico.com/newsletters/morning-agriculture/2020/02/13/the-urban-rural-divide-over-the-environment-785355> (accessed 11.05.2023).

¹⁴ Осипов А. Фермеры против зеленых. *Ведомости*, 22.03.2023. Available at: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/03/22/967555-fermeri-protiv-zelenih?utm_campaign=newspaper_22_3_2023&utm_medium=email&utm_source=vedomosti (accessed 11.05.2023).

¹⁵ *EU Funds and Financing for Resilient Local Mobility*. UITP Europe. March 2022. Available at: <https://cms.uitp.org/wp/wp-content/uploads/2022/03/EU-Funds-and-Financing-policy-paper.pdf> (accessed 11.05.2023).

¹⁶ Люди, рожденные во второй половине 1990-х – начале 2010-х годов.

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗМЕЖЕВАНИЯ

Связь экологических проблем и гендерного неравенства уже давно стала объектом внимания ученых и экспертов [15]. На стыке этих двух направлений исследований во второй половине XX в. появилась новая теоретическая рамка, получившая название “экофеминизм”. Растет количество работ, посвященных анализу экологических вопросов через призму гендерных исследований. Большинство из них сосредоточено на проблемах отсутствия равного доступа к здоровой окружающей среде, большей уязвимости женщин перед последствиями изменений климата и деградации окружающей среды. Популярной темой научных трудов является сравнительный анализ приверженности проэкологическому поведению и экопривычкам у женщин и мужчин. В научных дебатах не раз подчеркивались различия во взглядах и отношении тех и других к окружающей среде, а также в их ценностных ориентирах. Таким образом, здесь разделения можно рассматривать в двух направлениях – уязвимости перед экологическими проблемами и озабоченности “зеленой” тематикой.

Множество исследований, фокусирующихся на вопросах влияния деградации окружающей среды на женщин и мужчин, свидетельствуют о разном уровне такого воздействия. Ученые утверждают, что гендерное неравенство является одной из причин повышенной уязвимости женщин к климатическим изменениям [16]. Кроме того, женщины, проживающие в странах Глобального Юга и в бедных регионах, подвержены повышенному риску, связанному с природными явлениями [17]. Среди угроз и проблем, более негативно отражающихся на представительницах женского пола, выделяются нехватка ресурсов, вызванная изменением климата, низкая мобильность в условиях стихийных бедствий и др. [18] Серьезным ограничением для женщин остается неравный доступ к принятию решений и управлению природными ресурсами. Несмотря на то, что в странах Европейского союза эта проблема стоит не так остро, гендерное неравенство по-прежнему заявляет о себе при формировании экологической политики¹⁷. Показательным является, в частности, соотношение численности женщин и мужчин во властных структурах, занимающихся вопросами климата. Высшие государственные служащие в министерствах, курирующие климатическую тематику (в ведомствах энергетики, транспорта и окружающей среды), – в основном мужчины в Германии (79%), Франции (71%), Италии (78%)¹⁸. В числе причин сохранения сложившегося неравного положения в решении проблем окружающей среды специалисты называют различия в социально-экономическом положении, в социальных ролях, доступе к управленческим ресурсам [19].

Важно отметить, что в действительности гендерный разрыв особенно ощутим в странах Глобального Юга, где сохраняется традиционный ролевой уклад. Тем не менее политически эта проблема остается на периферии. В западных странах наблюдаются противоположные тенденции: фактор гендерного разделения вокруг экологической повестки гипертрофирован и является важным элементом политических стратегий.

Несмотря на неравный доступ к механизмам принятия решений, отмеченный выше, было установлено, что именно женщины в большей степени заинтересованы в экологической повестке, чаще склонны внедрять в свою повседневную жизнь “зеленые” привычки и охотнее меняют свой образ жизни на проэкологичный. Так, в исследовании, проведенном в Нидерландах и Германии, отмечается значительный разрыв между экологическими установками: в Германии 65.8% мужчин придерживаются проэкологических ценностей, среди женщин этот показатель равен 73%, в Нидерландах аналогичная ситуация: 59.8% против 65.9% [20]. Важно отметить, что эта тенденция прослеживается во многих странах, в том числе и в России [21].

¹⁷ Heffernan R., Heidegger P., Köhler G., Stock A., Wiese K. *A Feminist European Green Deal. Towards an Ecological and Gender Just Transition*. Friedrich-Ebert-Stiftung, Politics for Europe. 2022. 36 p. Available at: <https://eeb.org/wp-content/uploads/2022/03/18990.pdf> (accessed 11.05.2023).

¹⁸ Westendarp L. *Women Do More to Tackle Climate Change than Men: Survey*. *Politico*, 18.10.2021. Available at: <https://www.politico.eu/article/women-men-climate-change-survey/> (accessed 09.05.2023).

Эксперты называют вышеперечисленные различия “экогендерным разрывом”¹⁹, который только усиливается в последние годы. В отличие от других типов размежеваний гендерные не обладают традиционным конфликтным потенциалом, а скорее представляют иллюстрацию различия социальных ролей и неравенства, которые проявляются даже в экологической сфере. По мере распространения эколого-политических дискурсов эта тема вновь стала актуальной, так как подобные разрывы могут препятствовать дальнейшему продвижению “зеленых” мер и их реализации. Ввиду этого актуализируются и исследования, целью которых является поиск возможностей для преодоления таких расколов [22].

ВОЗРАСТНЫЕ РАСХОЖДЕНИЯ

Одной из обсуждаемых тем в научном сообществе является тема разрывов между поколениями (*generation gap*) и их влияния на политический ландшафт и политический процесс [23]. Проблема различий ценностных ориентиров поколений всегда была актуальной, имманентно присущей поколенческой идентичности. В настоящее время эти различия ярко проявляются в отношении к “зеленой” повестке, особенно на фоне бурной экопротестной деятельности молодежи. Представители каждого нового поколения более активны в вопросах природоохранной деятельности и защиты окружающей среды, чем их предшественники – эта динамика прослеживается со времен протестов 1968 г. В 2005 г. ученые из Гарвардского университета опубликовали работу, посвященную поддержке климатической политики представителями разных поколений на примере стран Евросоюза [24]. Результаты показали, что люди в возрасте 15–24 лет готовы больше жертвовать и прилагать больше усилий для сохранения окружающей среды, чем достигшие возраста 65+. Ученые объяснили эту разницу более широким доступом молодого поколения к соответствующей информации благодаря активному использованию интернет-ресурсов. Исследователи посчитали, что молодежь просто гораздо лучше осведомлена об экологических проблемах. Однако такой вывод был актуален 20 лет назад, сегодня же разрыв в доступе к интернет-источникам постепенно сокращается, а в основе причин размежеваний лежат различия в ценностных предпочтениях.

Поколенческий подход широко используется в научных работах и маркетинговых исследованиях. Специалисты утверждают, что молодые люди, а именно представители поколения Z и миллениалы²⁰, имеют более “зеленые” ценностные ориентиры, их экологическая осведомленность и сознательность высоки, и многие следуют проэкологичному образу жизни²¹ (см. также [25]). Кроме того, в научном сообществе идут споры об ответственности за вредные выбросы, осуществленные на протяжении жизни старшего поколения [26]. Однако данные исследований демонстрируют противоположные результаты. Так, опрос Фонда Конрада Аденауэра показал, что старшее поколение в Германии больше озабочено вопросами состояния окружающей среды, чем молодое: жители страны в возрасте от 65 лет заявляют, что проблемы экологии и климата очень важны для них. Для сравнения: в возрасте 18–34 лет только 40% заявили об этом²². В то же время молодые поколения охотнее выступают за радикальные действия по защите климата, включая проведение несанкционированных протестов, поддержку экстремистских экологических движений и энвайронменталистских политиков и партий.

¹⁹ Hunt E. The Eco Gender Gap: Why Is Saving the Planet Seen as Women’s Work? *The Guardian*, 06.02.2020. Available at: <https://www.theguardian.com/environment/2020/feb/06/eco-gender-gap-why-saving-planet-seen-womens-work> (accessed 09.05.2023).

²⁰ Люди, родившиеся в начале 1980-х – первой половине 1990-х годов.

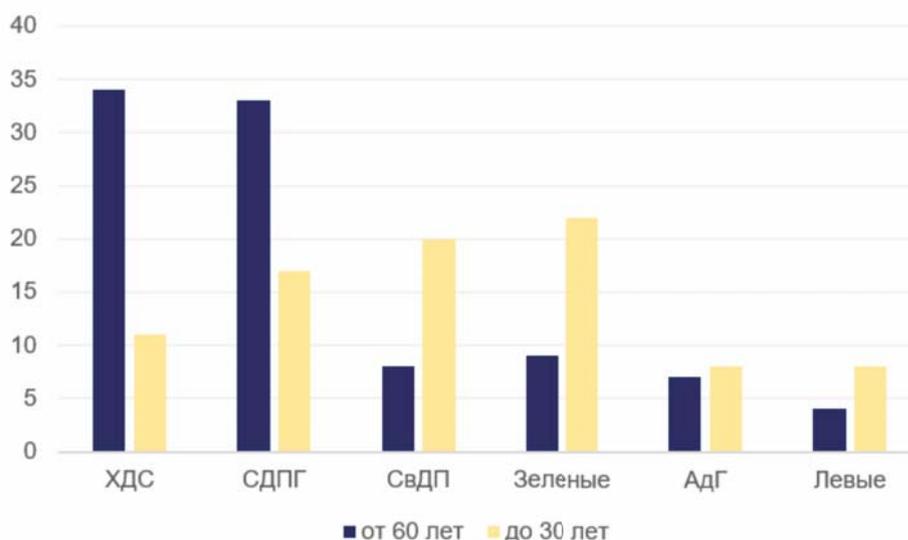
²¹ Tyson A., Kennedy B., Funk C. Gen Z, Millennials Stand out for Climate Change Activism, Social Media Engagement with Issue. *Pew Research Center*, 26.05.2021. Available at: <https://www.pewresearch.org/science/2021/05/26/gen-z-millennials-stand-out-for-climate-change-activism-social-media-engagement-with-issue/> (accessed 06.11.2021).

²² Pokorny S. *Umwelt- und Klimaschutz in den Familien*. Konrad-Adenauer-Stiftung, 05.10.2020. Available at: <https://www.kas.de/de/analysen-und-argumente/detail/-/content/umwelt-und-klimaschutz-in-den-familien> (accessed 06.05.2023).

Молодежные климатические акции протеста, проводимые сообществами “Пятницы ради будущего” (англ. *Fridays for Future*), “Последнее поколение” (нем. *Letzte Generation*), “Просто остановите нефть” (англ. *Just Stop Oil*), стали повседневной реальностью в странах Запада. Их масштаб и используемые тактики привлекли к проблеме изменения климата внимание политических элит, которые были открыты к диалогу с подрастающим поколением [27]. По словам заместителя председателя Еврокомиссии Франса Тиммерманса, именно действия “Пятниц ради будущего” и позиция их лидера Греты Тунберг подтолкнули европолитиков к принятию ЕЗС²³. Вопреки критике со стороны экологических НКО и общественных климатических движений (включая, к слову, и сами “Пятницы ради будущего”), ЕЗС по-прежнему находит отклик среди населения, особенно юного возраста. В рамках ее поддержки был создан проект, название которого можно перевести как «Поколение Z за “Зеленую сделку”» (*GenZ4GreenDeal*), для людей от 15 до 30 лет, призванный помочь молодежи усвоить “устойчивые” практики и привлечь ее к активному участию в экологических проектах.

Возрастные размежевания хорошо прослеживаются в поддержке “зеленых” политических сил. Так, результаты федеральных парламентских выборов в Германии ярко демонстрируют разницу в политических приоритетах представителей разных поколений²⁴ (рис. 2).

Рисунок 2. Поддержка немецких партий представителями разных поколений на выборах в Бундестаг в 2021 г. (%)

Источник: *Europe Elects*²⁵.

Конфликт поколений – один из наиболее дискуссионных вопросов в академических кругах. Единого мнения относительно этого разрыва не существует, в особенности касательно оценки его влияния на продвижение “зеленой” повестки. С каждым годом все больше граждан разных возрастов включается в нее по разным причинам: кто-то под влиянием своих взглядов на природную среду, кто-то из-за социально-экономических выгод (например, преимуществ использования электрифицированного транспорта) и пр. Несмотря на то, что каждое поколение имеет отличительные модели проэкологического поведения, считается, что именно формирование общих “зеленых” идеалов и ценностей через конструирование экологической идентичности может стать мостом для нахождения

²³ EU Wouldn't Have Plan to Be Climate Neutral Without Greta Thunberg, Says Frans Timmermans. *Euronews*, 25.11.2021. Available at: https://uk.news.yahoo.com/eu-wouldnt-plan-climate-neutral-173046402.html?guccounter=1&guce_referrer=aHR0cHM6Ly93d3cuZ29vZ2x-LmNvbS8&guce_referrer_sig=AQAAABDHkV4TqZHGC09Pph0u3rZDr2LS9VOPETd8RI-MIF7aJvawYclsRAI5uQ3JJKprcPdgYY5mp806o_lZtfm-dhsnBz9auXoQ5Ak3AHk87SKWJHJUcrDc4HDgLetK3j8JtF7KC3syJKAdFhU28am-wVqFlztTfvtuLH35SMowjCl (accessed 06.05.2023).

²⁴ Weise Z. German Climate Concerns Don't Translate into Green Votes. *Politico*, 21.09.2021. Available at: <https://www.politico.eu/article/german-climate-concerns-green-votes-chancellor/> (accessed 13.05.2023).

²⁵ *Germany*. *Europe Elects*. Available at: <https://europeelects.eu/germany/> (accessed 13.05.2023).

взаимопонимания и консолидации представителей разных возрастных групп. Ученые прогнозируют преодоление разрыва вокруг экологических вопросов через несколько поколений, поскольку каждое последующее поколение будет более осведомленным и осознанным [25].

ИДЕНТИТАРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

В основе формирования размежеваний стоит мировоззренческая составляющая. Различия в идейных предпочтениях, ценностях и идеалах становятся ключевой причиной возникновения противоречий и глубоких социально-политических расколов в обществе. В научном поле не раз поднимался вопрос о связи идентичности и политического выбора граждан. В самой теории социально-политических размежеваний присутствует идея о том, что социоструктурные различия проникают в политику через коллективную идентичность [28].

Идентитарные и ценностные различия также влияют на поддержку “зеленых” ориентиров. На протяжении последних двух десятилетий повышение экологической осведомленности было одной из основных задач “зеленой” политики в ЕС, и результаты оказались внушительными: в государствах-членах фиксируется высокий уровень озабоченности проблемами окружающей среды²⁶. Подавляющее большинство жителей Евросоюза признают наличие экологических и климатических проблем и требуют принять соответствующие меры, однако только ограниченная группа граждан готова радикально менять свой образ жизни ради достижения “зеленых” целей. Тем не менее численность таких активистов растет с каждым годом. Импульсом к изменениям становится формирование экологической идентичности и сознания, которые побуждают индивида к принятию конкретных действий, направленных на защиту окружающей среды. Формирование идентичности – это неравномерный и неравно поступательный процесс, его динамику скорее можно определить как разноуровневую и разноскоростную. Отличающийся “градус” экологической идентичности стал одной из причин возникновения противоречий.

Вопросы, связанные с идентичностью, – это прежде всего вопросы ценностных ориентиров. Важно отметить, что экологическая идентичность имеет множество проявлений в силу различных экологических приоритетов, выбор которых, как правило, обусловлен тесной связью с локальной идентичностью. Человека могут волновать разные проблемы в зависимости от локальных факторов риска, представляющих ему существенными, например, в виде вырубке лесов, загрязнения воды, воздуха, почвы и т.д. Многие правые популисты, отрицающие проблему изменения климата, апеллируют к таким локальным проблемам в своих кампаниях. Они преподносят климатическую политику ЕС как элитарную и противопоставляют ей национальную экологическую политику, которая, по их мнению, должна быть первостепенной. Они также делают акцент на “несправедливом распределении экологических рисков”, ложащихся преимущественно на уязвимые группы населения²⁷.

Очевидно, что связь экологической идентичности с локальной и региональной спецификой свидетельствует о неоднородности ее наполнения, которая в глобальном масштабе является неизбежной. Ценности, приоритеты и отношение представителей разных групп к экологическим вопросам и явлениям будут всегда различаться, ввиду чего универсальные (англ. *one-size-fits-all*) подходы представляются неэффективными. Абсолютизация политкорректных дискурсов, которая выражается в непринятии иных точек зрения и так называемой общественной цензуре [29, с. 212], способствует сдерживанию конфликтного потенциала. Однако такой подход, при котором во

²⁶ *New Eurobarometer Survey: Protecting the Environment and Climate is Important for over 90% of European Citizens*. European Commission. 03.03.20. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_331 (accessed 06.11.2021).

²⁷ Deleja-Hotko V., Müller A.K., Traufetter G. AfD Hopes to Win Votes by Opposing Climate Protection. *Spiegel International*, 06.05.2019. Available at: <https://www.spiegel.de/international/germany/afd-seeks-votes-by-opposing-climate-protection-a-1265494.html> (accessed 13.05.2023).

внимание принимается лишь один “правильный” взгляд, препятствует выстраиванию эффективной политики.

ДИСКУРСЫ КЛИМАТИЧЕСКОЙ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Размежевания вокруг “зеленой” повестки тесно связаны с дискурсами климатической и экологической справедливости. Несправедливость продвигаемой экологической политики видится в неравном доступе к здоровой окружающей среде и “зеленым” продуктам, процессу принятия решений, а также в неравномерном распределении бремени от затрат на проведение подобной политики и ликвидацию экорисков [30]. Наиболее уязвимые группы населения в первую очередь ощущают на себе как последствия деградации окружающей среды, так и изменения в подходах к решению проблем. Чаще всех именно бедные домохозяйства страдают от непропорциональных издержек экологической политики. Меры, предписанные чиновниками, становятся для этих категорий населения не мотивирующим стимулом перехода на более экологический образ жизни, а финансовым бременем. Вопросы экологии и социально-экономического неравенства, таким образом, сосуществуют в тесной взаимосвязи²⁸.

Совершить полноценный экономический, социальный и экологический транзит без готовности населения и государств к изменениям сложившейся системы отношений к природной среде будет невозможно. Объединение этих трех направлений все чаще фигурирует в научных и политических дебатах как необходимое условие успешной реализации “зеленого” транзита [31]. Между тем современный экологический курс ЕС по-прежнему опирается в основном на такие меры, как ограничения, налоговые рычаги и регулирование. Наблюдается существенный разрыв между готовностью рядовых граждан внедрять проэкологические модели поведения и практической реализацией этих шагов²⁹. В большинстве случаев люди нуждаются в дополнительных стимулах и поддержке со стороны государства и бизнеса, облегчающих им переход к более экологичному образу жизни.

В новых условиях возникает вопрос о форматах коммуникаций заинтересованных политиков с населением по проблемам окружающей среды и способностях властей доказать необходимость таких изменений, как, например, повышение цен на привычные товары и услуги или пересмотр норм потребления. Отсутствие такого диалога, как правило, провоцирует акции протеста, отталкивает избирателей и препятствует продвижению экологической повестки. ЕЗС еще не начала в полной мере реализовываться, но уже появляются группы населения, которые чувствуют уязвимость перед будущими трансформациями. Предлагаемые руководством ЕС инструменты, такие как Социальный климатический фонд или Фонд справедливого перехода, по мнению специалистов, явно недостаточны [13]. Помимо экономической, комплексная социальная составляющая ЕЗС также крайне слабо проработана [13]. В итоге план наталкивается на свои же собственные противоречия: меры, призванные обеспечить “справедливость”, заиклены на решении конкретных, достаточно узких вопросов социального свойства, что препятствует генеральной цели достижения углеродной нейтральности.

Эта оторванность экологической и климатической политики от социально-экономической является ее несомненным недочетом. Очевидно, что с учетом национальных и региональных особенностей адаптация ЕЗС будет происходить по-разному. Реакция на нее также будет варьироваться с учетом локальной специфики:

²⁸ Tubiana L. *The Green Deal Is the New Social Contract*. Groupe d'etudes Geopotitiques, 28.09.2021. Available at: <https://geopolitique.eu/en/2021/09/28/laurence-tubiana-green-deal/> (accessed 10.11.2021).

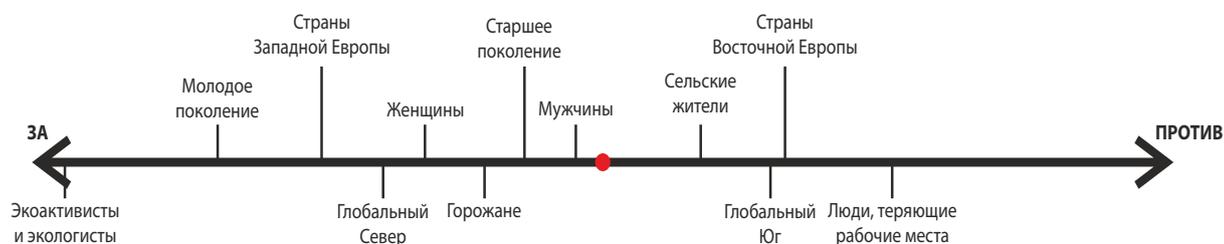
²⁹ Trimborn M. “Scholz muss mit Putin über Gas verhandeln”. *Sahra Wagenknecht im Interview mit der Neuen Osnabrücker Zeitung*, erschienen am 1. Die Linke im Bundestag, Oktober 2022. Available at: <https://www.sahra-wagenknecht.de/de/article/3213.scholz-muss-mit-putin-über-gas-verhandeln.html> (accessed 28.12.2022).

если в одних странах это может способствовать консолидации общества, то в других, наоборот, способно привести к дезинтеграции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При активном продвижении и распространении “зеленой” повестки и реализации экологической и климатической политики будут обнажаться ее проблемные узлы. Уже сегодня можно констатировать образование расхождений во взглядах в обществе ввиду географических, поколенческих, гендерных различий. Однако этим они не ограничиваются: существуют также разделения, связанные с разным уровнем образования, сферой деятельности, социальным статусом и т.д. В действительности при рассмотрении размежевания вокруг экологической политики наиболее отчетливо проявляется столкновение двух групп: с одной стороны, экоактивисты и экологи, требующие радикальных перемен, а с другой – те занятые, которые теряют рабочие места в результате “зеленого” транзита. Важно отметить, что последние не являются противниками защиты окружающей среды, а выступают против навязываемых подходов и моделей, в которых не учитываются или игнорируются их интересы (рис. 3).

Рисунок 3. Поддержка “зеленой” повестки различными группами населения

Источник: составлено автором.

Политкорректный подход к этой тематике осложняет анализ и прогноз реальных последствий от “зеленых” мер ввиду того, что альтернативные взгляды на проблемы находятся на периферии публичной дискуссии. В целом идея о возможности формирования противоречий вокруг экологической политики долгое время игнорировалась, и только сегодня эти проблемы стали обсуждаться в научных кругах [32]. Размежевания вокруг экологической политики проявляются не в противостоянии и конфликтности, а в различиях во взглядах, подходах, оценке и приоритетах, что дает возможность использовать эти различия для сотрудничества и построения диалога, для обмена мнениями и опытом.

Климатическая проблематика сегодня доминирует в политической повестке. Она является важнейшим инструментом политической мобилизации в западных странах. В целом вокруг экологической политики пока преобладает оптимизм, несмотря на появляющиеся противоречия. Однако, по данным многочисленных исследований, деградация окружающей среды и изменение климата могут привести в будущем к возникновению дополнительной напряженности в отношении разделенных групп. Тем не менее это разделение одновременно представляется и ресурсом для решения проблем окружающей среды: каждая из групп обладает уникальными взглядами, навыками и обширными знаниями в решении локальных проблем окружающей среды, элементы которых могут быть заимствованы при разработке экологической политики. Это может способствовать минимизации негативных последствий от экологической трансформации при ее адаптации на местах.

Оценка размежеваний вокруг политики по защите окружающей среды в системе прочих демонстрирует, что в основе экологических кливажей лежат традиционные разногласия. При этом отсутствие продуманной политики только усиливает их. Объединяющим потенциалом обладают возрастные размежевания, однако нахождение

точки соприкосновения прогнозируется только в среднесрочной перспективе. Ожидается, что конкуренция и противоречия между странами и регионами будут только усиливаться в условиях гонки за альтернативными источниками энергии и ценными ресурсами для “чистых” технологий, в особенности на фоне споров внутри стран и между ними о том, где будет сосредоточена реформируемая энергетическая инфраструктура. В рамках “зеленой” трансформации имплицитно подразумевается разрушение сформированной структуры экономики. По факту происходит изменение парадигмы развития и ценностная переориентация общества.

Сохраняется необходимость поиска сбалансированного подхода к решению проблем окружающей среды, который позволит избежать концентрации внимания на одном предмете. Размежевания выполняют уникальную функцию удержания политики от ее смещения в ту или иную сторону: радикализации или отказа от каких-либо решительных действий. Благодаря этому появляется окно возможностей для снижения остроты противоречий и балансирования между двумя крайностями. Очевидно, что экологическая политика становится полем для различных типов конфликтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Feindt P.H., Oels A. Does Discourse Matter? Discourse Analysis in Environmental Policy Making. *Journal of Environmental Policy & Planning*, 2005, vol. 7, no. 3, pp. 161-173. DOI: 10.1080/15239080500339638
2. Kundzewicz Z.W., Matczak P., Otto I.M., Otto P.E. From “Atmosfeer” to Climate Action. *Environmental Science & Policy*, 2020, vol. 105, pp. 75-83. DOI: 10.1016/j.envsci.2019.12.012
3. Pranav D.N. Scientific Controversies in Environmental Policy Making. *Conference: Evidence Based Policy Making: International Best Practices in Connecting Science and Policy*. Amsterdam, 2008. Available at: https://www.researchgate.net/publication/329415200_Scientific_Controversies_in_Environmental_Policy_Making (accessed 03.04.2023).
4. Демчук А.Л. Экологические конфликты: природа, виды, способы урегулирования. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*, 2007, № 2, сс. 64-71. [Demchuk A.L. Environmental Conflicts: Nature, Types, Methods of Settlement. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*, 2007, no. 2, pp. 64-71. (In Russ.)]
5. Lipset S.M., Rokkan S. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York, The Free Press, 1967. 554 p.
6. Gupta G.S. The Paradox of Sustainable Development: A Critical Overview of the Term and the Institutionalization Process. *Periodica Polytechnica Social and Management Sciences*, 2017, vol. 25, no. 1, pp. 1-7. DOI: 10.3311/PPso.8919
7. Kvangraven I.H. Beyond the Stereotype: Restating the Relevance of the Dependency Research Programme. *Development and Change*, 2020, vol. 52, pp. 76-112. DOI: 10.1111/dech.12593
8. Bergesen H.O. Reformism Doomed to Failure? A Critical Look at the Strategy Promoted by the Brundtland Commission. *International Challenges*, 1988, vol. 8, no. 2, pp. 6-10.
9. Ariffin Y. On the Scope and Limits of Green Imperialism. *Peace Review*, 2010, vol. 22, no. 4, pp. 373-381. DOI: 10.1080/10402659.2010.524558
10. Gethin A., Martínez-Toledano C., Piketty T. *Political Cleavages and Social Inequalities: A Study of Fifty Democracies, 1948–2020*. Harvard University Press, 2021. 656 p. DOI: 10.2307/j.ctv209xfnf
11. Gazmararian A.F., Milner H.V. *Political Cleavages and Changing Exposure to Global Warming*. 2023. 81 p. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4194232 (accessed 03.05.2023). DOI: 10.2139/ssrn.4194232
12. Kucerova I. Cross-National Analysis in the EU: North–South Cleavages as a Conceptual Map of the European Union. *Medzinarodne vzťahy*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 5-28. DOI:10.53465/SJIR.1339-2751.2023.1.5-28
13. Galgóczi B. Where Is the Social in the European Green Deal? *European Green Journal*, 06.10.2022. Available at: <https://www.greeneuropeanjournal.eu/where-is-the-social-in-the-european-green-deal/> (accessed 03.05.2023).
14. Dąbrowski L.S., Środa-Murawska S., Smoliński P., Biegańska J. Rural–Urban Divide: Generation Z and Pro-Environmental Behaviour. *Sustainability*, 2022, vol. 14, no. 23, 16111. Available at: <https://www.mdpi.com/2071-1050/14/23/16111> (accessed 21.04.2023). DOI: 10.3390/su142316111
15. Zelezny L.C., Chua P.P., Aldrich C. New Ways of Thinking about Environmentalism: Elaborating on Gender Differences in Environmentalism. *Journal of Social Issues*, 2000, vol. 56, no. 3, pp. 443-457. DOI: 10.1111/0022-4537.00177
16. Denton F. Climate Change Vulnerability, Impacts, and Adaptation: Why Does Gender Matter? *Gender & Development*, 2002, vol. 10, no. 2, pp. 10-20. DOI: 10.1080/13552070215903
17. Eastin J. Climate Change and Gender Equality in Developing States. *World Development*, 2018, vol. 107, pp. 289-305. DOI: 10.1016/j.worlddev.2018.02.021
18. Kakota T., Nyariki D., Mkwambisi D., Kogi-Makau W. Gender Vulnerability to Climate Variability and Household Food Insecurity. *Climate and Development*, 2011, vol. 3, no. 4, pp. 298-309. DOI: 10.1080/17565529.2011.627419

19. Howard J.A., Hollander J.A. *Gendered Situations, Gendered Selves: A Gender Lens on Social Psychology*. Sage Publications Inc., 1997. 209 p. Available at: <https://psycnet.apa.org/record/1996-98981-000> (accessed 21.04.2023).
20. Economou A., Halkos G. The Gender Environmentalism Gap in Germany and the Netherlands. *Social Science Quarterly*, 2020, vol. 101, pp. 1038-1055. DOI: 10.1111/ssqu.12785
21. Sautkina E., Agissova F., Ivanova A., Ivande K., Kabanova V., Patrakova N. Political, Environmental and Social Determinants of Pro-Environmental Behaviour In Russia. *Higher School of Economics Research Paper*, no. WP BRP 130/PSY/20212021. 19 p. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3995972> (accessed 21.04.2023). DOI: 10.2139/ssrn.3995972
22. Newman K.P., Trump R.K. Addressing the Eco-gender Gap in Men Through Power and Sustainability Self-Efficacy. *Journal of Brand Management*, 2022, vol. 30, pp. 261-274. DOI: 10.1057/s41262-022-00300-x
23. Ahlfeldt G.M., Maennig W., Mueller S.Q. The Generation Gap in Direct Democracy: Age vs. Cohort Effects. *European Journal of Political Economy*, 2022, vol. 72, 102120. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2021.102120
24. Viscusi W.K., Hersch J. The Generational Divide in Support for Climate Change Policies: European Evidence. *Discussion Paper No. 504, 02/2005*. Harvard Law School Cambridge. Available at: http://www.law.harvard.edu/programs/olin_center/papers/pdf/Viscusi_et%20al_504.pdf (accessed 21.05.2023).
25. Milfont T.L., Zubielevitch E., Milojev P., Sibley C.G. Ten-Year Panel Data Confirm Generation Gap but Climate Beliefs Increase at Similar Rates Across Ages. *Nature Communications*, 2021, vol. 12, no. 1, 4038. Available at: <https://researchcommons.waikato.ac.nz/handle/10289/14516> (accessed 21.05.2023). DOI: 10.1038/s41467-021-24245-y
26. Zheng H., Long Y., Wood R., et al. Ageing Society in Developed Countries Challenges Carbon Mitigation. *Nature Climate Change*, 2022, vol. 12, no. 3, pp. 241-248. DOI: 10.1038/s41558-022-01302-y
27. Короткова А.В. Экодвижение “Пятницы ради будущего”: первые итоги. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 4, сс. 119-131. [Korotkova A.V. Eco-Movement “Fridays for Future”: the First Results. *World Economy and International Relations*, 2020, vol. 64, no. 4, pp. 119-131. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-4-119-131
28. Zollinger D. Cleavage Identities in Voters' Own Words: Harnessing Open-Ended Survey Responses. *American Journal of Political Science*, 2022. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/ajps.12743> (accessed 21.05.2023). DOI: 10.1111/ajps.12743
29. Гаджиев К.С. О феномене политкорректности в контексте кризиса либерализма. *Власть*, 2019, № 6, сс. 210-215. [Gadzhiev K.S. On the Phenomenon of Political Correctness in the Context of the Crisis of Liberalism. *Vlast'*, 2019, no. 6, pp. 210-215. (In Russ.)]
30. Schüle S.A., Hilz L.K., Dreger S., Bolte G. Social Inequalities in Environmental Resources of Green and Blue Spaces: A Review of Evidence in the WHO European Region. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2019, vol. 16, no. 7, 1216. Available at: <https://www.mdpi.com/1660-4601/16/7/1216> (accessed 21.05.2023). DOI: 10.3390/ijerph16071216
31. Mandelli M. Understanding Eco-Social Policies: a Proposed Definition and Typology. *Transfer. European Review of Labour and Research*, 2022, vol. 28, iss. 3, pp. 333-348. DOI: 10.1177/10242589221125083
32. Kendrik J. Divided in Ecology. *Green European Journal*, 2023. Available at: <https://www.greeneuropeanjournal.eu/divided-in-ecology/> (accessed 14.06.2023).

